

Глава III. ТОРЖЕСТВО ПОЛИТИКА НАД ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ

а) «Петербургское интермеццо» (1899-1901)

Первым пунктом остановки Милокова в России должен был стать Киев, где ученый предполагал выступить с докладом о раскопках в Македонии на XI археологическом съезде.

Первым познакомил российских археологов с предварительными результатами раскопок в Македонии не Милоков, а официальный руководитель работ Ф.И.Успенский. 19 февраля 1899 г. он сделал доклад на заседании МАО, где охарактеризовал Македонию как территорию, не изученную в археологическом отношении, и кратко остановился на осенних раскопках.

Теперь же, на съезде, инициатор и участник раскопок — П.Н.Милоков — собирался сам поделиться с научной общественностью добытыми результатами. Его доклад был включен в дополнительный список, объявленный 31 июля. Он выступил на заседании отделения первобытных древностей 9 августа 1899 г.

По вопросу датировки раскопанного некрополя Милоков придерживался взглядов австрийских археологов М.Хернеса и И.Шомбати, относивших могильник к 800–700 гг. до н. э. Исходно предполагалось, что могильник принадлежал иллирийцам. Все раскопанные погребения находились в каменных ящиках, ни одного случая трупосожжения не было зафиксировано. Для этой местности, по мнению Милокова, такой порядок погребения должен был свидетельствовать о большой древности могильника. Накопление частей от различных костяков объяснялось тем, что это были семейные могилы, которые по мере их наполнения расчищались от предыдущих останков. Таким образом, совокупность всех могил некрополя должна была быть отнесена к роду. Последнее положение Милоков доказывал порядком расположения могил. Затем Милоков охарактеризовал наиболее типичные находки.

Найденная керамика с геометрическим орнаментом отличалась от собственно гальштатской и относилась к средиземноморским образцам, со-

ставляя одно из ее ответвлений, сохранившееся благодаря тому, что местность находилась вдали от торговых путей. Из фибул единственным видом, найденным в некрополе, был очкообразный. Из других вещей Милоков остановился на железном мече древнего типа, встречавшемся в Древней Греции и на островах. Краниологический материал из могил еще не был обследован, но большинство населения было короткоголовым.

Докладчик закончил свое выступление пожеланием, чтобы раскопки некрополя были обязательно закончены ввиду его большой научной важности. Некрополь, по его мнению, восстанавливал неизвестное до сих пор, хотя и предполагавшееся археологами, промежуточное звено между источником гальштатской культуры в Греции и на островах и ее расцветом на Дунае. Доклад сопровождался демонстрацией фотографий, сделанных во время раскопок. Замечания по докладу высказали граф А.А.Бобринский, В.З.Завитневич, Д.Н.Анучин и др. Бобринский напомнил докладчику о раскопках В.Ф.Миллера и о своих собственных в Крыму, где присутствовали аналогичные способы захоронения. Бобринский усомнился в датировке памятника, зато одобрил отрицательное отношение Милокова к возможному распространению каннибализма среди исследованного племени. Завитневич поделился своей гипотезой, согласно которой трупосожжение было вызвано желанием сохранить дорогие останки и возникло позже погребения. Анучин приветствовал обстоятельный доклад, образцовый по осторожности и последовательности выводов. Он обратил внимание на сходство погребений в Крыму и Костромской губернии с македонскими и высказал мнение, что обряды трупоположения и трупосожжения встречаются во все эпохи, но последний является показателем более зрелого культурного развития. Как вспоминал Милоков, критические замечания большой пользы ему не принесли. В немногочисленных печатных откликах выступление Милокова оценивалось очень хорошо.¹

Видимо, договоренность между Успенским и Милоковым об обработке дневника раскопок для публикации была достигнута еще в Константинополе. Но по возвращении в Россию Милоков с головой ушел в общественно-политическую жизнь и публицистику и оставил науку. Успенский не мог позволить, чтобы материалы пропали для РАИК, и в феврале 1903 г. обратился к Милокову с предложением вернуть их. Милоков достаточно резко ответил на письмо. Он писал, что дневник раскопок находится у него не для хранения, а для обработки и подготовки к изданию. Вину за задержку Милоков с себя снимал: вынужденный перерыв в работе был вызван отсутствием результатов последующих раскопок некрополя 1899 года. Милоков был против передачи материалов другим ученым для подготовки их к изданию, т.к. его трудночитаемый почерк не давал никому шансов заняться обработкой дневника. Милоков просил Успенского сообщить ему результаты исследования Б.В.Фармаковским отдела керамики, выводы Д.Н.Анучина по обследованию коллекции черепов, а также материалы раскопок 1899 г. Ответ Успенского на это письмо неизвестен. Но, видимо, мысль издать результаты раскопок некрополя у с.Патели не покидала директора института.

Отсутствие опубликованных результатов раскопок волновало и другого известного русского историка и археолога, М.И.Ростовцева. Он не раз обсуждал с Успенским необходимость систематического обследования праистории Балканского полуострова. И началом этого должно было стать введение в научный оборот публикации материалов раскопок некрополя в Македонии в 1898 г. Ростовцев в письме Успенскому (1910 г.) выражал надежду, что Милюков «перестанет мародерствовать, не выпуская из своих рук материал, который он все равно не опубликует». Но этим надеждам не суждено было сбыться.²

Несмотря на все пертурбации, записные книжки Милюкова и Фармаковского, в которых они вели дневники раскопок, сохранились и ныне находятся в личном фонде Милюкова в ГАРФ. Там же сохранилось и одно дело с фотографиями археологических находок.³ Правда, фотографии не датированы и не подписаны, так что нет никаких данных для атрибуции. Из-за исчезновения найденных предметов и черепов, а также трудночитаемого почерка Милюкова и неизвестной системы сокращений, принятой им, обработка дневника раскопок для публикации представляется практически невозможной. Приходится констатировать, что желание Милюкова лично ввести в оборот результаты раскопок, а также события российской истории начала XX века затормозили работу над изданием дневника, в результате чего материалы исследования некрополя у с.Патели пропали для научной общественности.

Важность раскопок некрополя была признана специалистами практически сразу после начала исследования. Раскопки положили начало систематическому изучению праистории Балканского полуострова. Современные археологи подтвердили, что найденный галыштатский могильник был недостающим звеном между первобытной культурой северной и средней Европы и странами Средиземноморья. Материалы раскопок положили начало изучению вопроса о происхождении македонских племен.⁴

Помимо доклада о раскопках в Македонии, Милюков принял активное участие в работах киевского съезда. Он выступил в прениях по докладом Э.Р. фон Штерна (10 августа), А.М.Покровского и В.В.Хвойко (16 августа) и Ф.И.Кнауэра (17 августа). Наибольшую известность (с оттенком скандала) получила полемика Милюкова с двумя учеными, с которыми ему уже раньше приходилось скрещивать копья на VIII археологическом съезде. На заседании 7 августа в ходе обсуждения доклада Л.Нидерле «О времени переселения славян с севера гор Карпатских в Венгрию» Д.И.Иловайский выступил с изложением своей теории, согласно которой сарматы — это славяне. По его мнению, показания исторических источников по затронутому докладчиком вопросу вполне надежны, и нет нужды так тщательно исследовать его с привлечением данных других наук. Милюков, наоборот, полностью согласился с методом Нидерле, указав лишь на ряд деталей, которые требовали исправления. Однако Милюков резко выступил против мнения Иловайского. Далее ученый повел себя просто некорректно, т.к. вышел из зала заседания, когда Иловайский намеревался у него что-то уточнить. Правда, после заседа-

ния Милюков все-таки ответил на вопросы Иловайского. Другим участником съезда, с которым Милюков вступил в полемику, был Д.Я.Самоквасов. 10 августа последний сделал доклад «Централизация государственных архивов в Западной Европе в связи с архивной реформой в России». Милюков резко выступил против предложенного проекта архивной реформы, усомнившись в компетентности автора, т.к. Самоквасов исходил из теории, а не из практики архивного дела. По мнению Милюкова, предложенная Самоквасовым рассылка дел по архивам, еще больше бы усложнила ситуацию, в результате чего архивное дело могло окончательно расстроиться. Оскорбленный Самоквасов покинул зал заседаний, ничего не ответив Милюкову.

Вопросами архивного дела Милюков занимался и на других заседаниях съезда. Он выступил в прениях на секции «Памятники археографические» 5 августа, где собравшиеся решали вопрос об образовании специальной комиссии из участников съезда для рассмотрения нужд архивного дела в России и составлении особого доклада. При выборах комиссии Милюков набрал большое количество голосов, но не был избран. Лишь после отказа уезжавшего со съезда раньше времени А.С.Лаппо-Данилевского Милюков вошел в состав комиссии, но проработал там недолго и вскоре вышел из нее. Вместо него в комиссию вошел П.В.Голубовский.

Милюков был среди инициаторов ходатайства о превращении Харьковского исторического архива в центральный с применением к нему штатов киевского или виленского архивов. За ходатайство, возникшее 18 августа после прочтения Д.И.Багалеем доклада «О необходимости устройства центрального архива в Харькове», участники заседания проголосовали единогласно.

Кроме того, 11 августа Милюков принял участие в археологической экскурсии в окрестности Киева под руководством Б.И.Ханенко и В.В.Хвойко. Экскурсанты осмотрели два места раскопок и находки. Возможно, он также участвовал в археологических экскурсиях 14 и 15 августа.

Впервые за свою карьеру Милюков 12 августа был почетным председателем на заседании отделения историко-географических и этнографических древностей.

В Киеве Милюков встретился со многими знакомыми, русскими и болгарскими учеными. Здесь он также завел ряд новых знакомств с иностранными коллегами (Л.Нидерле, Д.Р.Нойс, Э.Минс), на которых произвел благоприятное впечатление.

В.А.Гольцев попросил Милюкова написать заметку об XI археологическом съезде. В случае невозможности редактор «Русской мысли» просил поговорить по этому поводу с В.В.Каллашем, который, в конце концов, и написал требуемую статью.

Следует отметить, что фактическое прекращение сотрудничества Милюкова в «Русской мысли» не испортило его отношений с Гольцевым. Весной 1900 г. последний обращался к Милюкову с просьбой помочь одной из своих знакомых. В 1903 г. Милюковы поздравили Гольцева с 25-летием «общественного служения».⁵

Известны два свидетельства о настроении Милукова в дни киевского съезда. Н.М.Могиланский пишет, что встретил Милукова бодрым и энергичным. Казалось, что царские репрессии не властны над ним. Е.Ф.Шмурло, по «Воспоминаниям» Милукова, сравнил последнего с «уткой, вольно плещущейся в воде и жадно заглатывающей червей».⁶ Действительно, вырвавшийся из Болгарии Милуков старался наверстать упущенное время и войти в курс русских дел. Но для этого необходимо было получить разрешение на свободное проживание во всех ранее запрещенных местностях.

В калейдоскопе репрессий и «милостей», обрушившихся на Милукова в конце XIX — начале XX в., с возвращением его в 1899 г. в Россию пробил час очередной «милости». Сравнительно легко Милуков добился разрешения жить в Петербурге. Произошло это следующим образом.

Прибыв в Киев, Милуков, как и намеревался, направил 13 августа телеграфное прошение министру внутренних дел о разрешении приехать в столицу для устройства личных дел и для объяснения в министерстве. Приезд был разрешен, но петербургский градоначальник получил указание учредить за Милуковым негласный надзор полиции, если тот воспользуется этим разрешением. Милуков прибыл в столицу 27 августа и в тот же день обратился с ходатайством в Департамент полиции о разрешении жительства в Петербурге. Он был принят директором Департамента С.Э.Зволянским, который сразу предупредил Милукова: «О Москве Вам пока нечего и думать». Милукову запрещалось, как жить, так и бывать в Москве. Зволянский посоветовал Милукову обратиться с вопросом о разрешении жительства в Петербурге лично к министру внутренних дел И.Л.Горемыкину, когда тот возвратится из поездки по Западной Европе. В ожидании возвращения министра Милуков жил в Петербурге, где нашел постоянную квартиру на Большом проспекте, д.7, кв.9. После этого в столицу приехала семья. Милуковская библиотека прибыла из Болгарии только в декабре 1899 г.

В сентябре Милуков съездил на неделю (с 10-го по 18-е) в Выборг. Но ждать окончания европейского вояжа Горемыкина ему не пришлось: 20 октября царь назначил новым министром внутренних дел Д.С.Сипягина. 28 октября Милуков вторично был на приеме в Департаменте, и срок его пребывания в столице был продлен до рассмотрения его ходатайства.⁷

Незадолго до второго посещения Милуковым Департамента полиции вице-директор Г.К.Семякин по распоряжению С.Э.Зволянского 25 октября составил записку по делу Милукова. Ее основная мысль сводилась к тому, что Милукову можно разрешить жительство в столице. Мотивы разрешения были названы следующие: с устранением Милукова от преподавания и удалением из университетских центров его вредное влияние на молодежь прекратилось, его дети определены в учебные заведения Петербурга, где он получил литературные заработки и занимается научными трудами по истории России. Для государства пребывание Милукова в Петербурге опасности не представляет. 1 ноября Зволянский подал на усмотрение начальника доклад о Милукове, подготовленный в третьем делопроизводстве Департамента на основании указанной запис-

ки. Мотивировка в пользу Милукова подкреплялась указанием на то, что за время пребывания в Болгарии он «ни в чем предосудительном замечен не был». Департамент полагал бы возможным, резюмировал Зволянский, позволить Милукову постоянное жительство в Петербурге и губернии.

Хотя Д.С.Сипягин уже был официально назначен министром, разрешение на постоянное проживание Милукова в указанных местностях последовало 4 ноября от управляющего министерством товарища министра барона А.А.Икскуль фон Гильденбандта.⁸ Он, очевидно, был родственником покойного К.П.Икскуль фон Гильденбандта, мужа В.И.Икскуль, через которую А.С.Милукова в свое время хлопотала за мужа до поездки в Болгарию. Очевидно, и на сей раз, баронесса Икскуль замолвила слово за опального историка, тем более, что и на Зволянского, посетителя ее салона, она могла оказать влияние.

Очутившись в Петербурге, Милуков постарался возобновить свои научные связи, в первую очередь, с С.Ф.Платоновым. Еще в Киеве Милуков по просьбе Платонова узнавал в тамошнем университете о примерных сроках докторского диспута последнего.

30 октября 1899 г. у Платонова прошел вечер, где было много знакомых и друзей хозяина. Среди них были и два приезжих — Дьяконов и Милуков. Последний обратил внимание на то, что собравшаяся молодежь создала атмосферу, совсем не похожую на ту, что царил раньше в платоновском кружке. А.Е.Пресняков объяснил Дьяконову и Милукову, что на самом деле параллельно сосуществуют два разных кружка, мало чем связанные между собой. Надо сказать, что Преснякову вообще было свойственно критическое отношение к платоновскому кружку. На этом вечере Пресняков много общался с Дьяконовым и Милуковым. Завязавшееся знакомство Милукова и Преснякова продолжилось 7 ноября 1899 г., когда Пресняков был в гостях у Милукова. Он заинтересовался новым знакомым, выразив желание почаще бывать у Милуковых. Правда, при том образе жизни, что приходилось вести Преснякову, такое было бы возможно, лишь если бы Милуков устроил у себя журфикс. Пресняков писал матери 12 ноября 1899 г. о благоприятном впечатлении от близкого знакомства с Милуковым, и сообщал, что последний собирается посвятить себя журналистике.

Помимо университетских историков, Милуков постарался восстановить связь с В.И.Семевским. Через него в конце октября 1899 г. Милуков передал свое согласие посдействовать Б.И.Сыромятникову в подготовке к магистерскому экзамену по истории русского права. Сыромятников просил помочь с указаниями на литературу, на источники по истории права, а также наметить «известные границы» для подготовки к экзамену. Кроме того, Сыромятников просил указать исторические исследования, необходимые при изучении русской истории, особенно по развитию государства до Петра I.

6 ноября 1899 г. Милуков посетил заседание отделения русской и славянской археологии РАО, которое возглавлял Платонов. Но больше он там не появлялся.

Контакты Милюкова с Платоновым оказались непродолжительными. Уже вскоре Милюков с головой окунулся в публицистику и политику, чего Платонов не одобрял. В марте 1900 г. произошла их последняя встреча в рамках рассматриваемого периода.⁹ Научное сотрудничество двух историков возобновилось в 1901 г., о чем пойдет речь ниже.

В обращении Милюкова к политике велика была роль российских властей. Они «закаляли» Милюкова для борьбы, то раздражая необоснованными преследованиями, то делая для него благоприятные исключения из общего порядка и тем самым предоставляя выгодные возможности для занятий политикой. Возможностями этими Милюков не прочь был воспользоваться. Стремлением участвовать в политической жизни русского общества может быть объяснена кратковременная деятельность Милюкова в качестве редактора научного отдела журнала «Мир Божий». С другой стороны, работа в журнале давала возможность содержать семью. Хотя продажа «Очерков» в предшествующие годы и принесла Милюкову достаточный доход, но эти средства заканчивались.

Судя по письму Милюкова Шишманову от 4 ноября 1899 г., по приезде в столицу за ним начали «ухаживать» сразу несколько редакций. Милюков остановил свой выбор на «Мире Божьем». Многим казалось, что предложенное ему место скромнее, чем он того заслуживал. Другие надеялись, что Милюкову удастся создать вокруг журнала «группу или что-либо равное по влиянию и значению Отечеств[енным] Запискам в свое время, но вполне европейское».

Согласно воспоминаниям Э.К.Пименовой, кандидатуру Милюкова предложил издательнице «Мира Божьего» А.А.Давыдовой (1849-1900) редактор отдела критики, фактически возглавлявший журнал, А.И.Богданович. Эта мысль чрезвычайно понравилась Давыдовой и, по свидетельству А.С.Милюковой, заманивая мужа в члены редакции, та не скупилась на обещания. Милюков как редактор научного отдела должен был получать 100 рублей в месяц и по 10 рублей с каждого редактируемого перевода. Возрастал и гонорар за «Очерки». Теперь за печатный лист Милюкову платили 100 рублей вместо первоначальных 60. Это устраивало П.Н.

Милюков начал исполнение редакторских обязанностей в «Мире Божьем» еще до получения официального разрешения на проживание в Петербурге. Так, одно из первых писем от имени редакции за подписью Милюкова было направлено 29 октября 1899 г. Н.П.Дружинину. 4 ноября 1899 г. Милюков писал своим приятелям — русским эмигрантам — в Софию: «...Хотя состою негласным редактором М[ира] Б[ожьего], это меня, конечно, удаляет несколько от ученого мира, но зато вводит на правах полноправного члена в мир литерат[урный], и Вы, конечно, догадываетесь, что этим путем я достигну все, что будет составлять для нас интерес». В письме И.Д.Шишманову, написанному в тот же день, Милюков свое приглашение в редакцию журнала оценивал как «приятное и в материальном и общественном плане». Как признавался сам Милюков, для него вхождение в круг литераторов и публицистов было «гораздо интересней», чем чисто научная работа.¹⁰

С самого начала Милюков энергично взялся за журнал, намереваясь реформировать его. Видимо, П.Н. старался усилить «Мир Божий» за счет научных статей. Он попытался привлечь к сотрудничеству, особенно к рецензированию, своих друзей. Милюков послал приглашения В.Н.Сторожеву, Н.В.Сперанскому, М.А.Дьяконову и через него — другим дерптским профессорам. Через Сперанского, кстати, посылал свои рецензии в журнал С.А.Котляревский. Все тот же Сперанский рекомендовал Милюкову М.О.Гершензона, который вскоре стал постоянным автором журнала. Благодаря стараниям Милюкова в журнале началось печатание книги Т.Циглера «Умственные и общественные течения девятнадцатого столетия», вышедшей потом отдельным изданием. Найденный переводчик не вполне удовлетворял требованиям редакции, а Гершензон отклонил предложение Милюкова продолжить работу, в результате чего последнему приходилось самому постоянно тщательно редактировать перевод. После выхода книги в свет рецензент «Исторического вестника» отметил хорошее качество перевода.

С января 1900 г. в «Мире Божьем» появился новый отдел «Из русских журналов», ведением которого с января по декабрь 1900 г. занималась А.С.Милюкова, затем она отказалась от сотрудничества. Свое решение А.С. объясняла двумя причинами. Во-первых, был закрыт журнал «Жизнь», в результате чего многие литераторы остались без работы. Во-вторых, Давыдову, как коммерсанта, не устраивало то, что в ее издании хвалят другие журналы, особенно накануне подписки. А.С.Милюкова сама назвала Давыдовой преемника — В.Я.Яковлева (Богучарского), — и тот стал вести отдел. Уже после смерти Давыдовой от редакции журнала поступило предложение А.С.Милюковой продолжить сотрудничество, и она согласилась. Ее перу принадлежат обзоры русских журналов в «Мире Божьем» в 10 номерах за 1902 г.

Направление «Мира Божьего» сначала было по преимуществу просветительским, почему он и принял для публикации «Очерки по истории русской культуры». Но со второй половины 90-х годов, после прихода в редакцию А.И.Богдановича, отрекшегося от своих народнических убеждений и вступившего в активную борьбу с народниками, журнал стал рупором «легальных марксистов». Власти косо смотрели на журнал. В подготовленной Департаментом полиции записке о направлении журнала за начало 1900 г. его характерными чертами назывались нападки на самодержавие и восхваление оппозиционных деятелей. Не последнюю роль в этом играл Милюков, статьи и «Очерки» которого подробно разбирались в записке.

Официальным редактором «Мира Божьего» продолжал оставаться В.П.Острогорский, но реально журналом руководил Богданович. В связи с этим Милюков, хотя и считавший идеологию народников «устарелой», не совсем подходил к «направлению» журнала, так как марксистом, хотя бы и «легальным», не был.

В марте 1900 г. у Милюкова произошла крупная ссора с А.И.Богдановичем. Подробности ее не совсем ясны. Согласно воспоминаниям Пименовой, конфликт произошел из-за реформаторской деятельности Ми-

люкова, который стал принимать к публикации статьи, названные Богдановичем «кирпичами». Последнему казалось, что эти статьи могут «сгубить будущность журнала». Более того, в воспоминаниях Пименовой сообщается о правке Милюковым статей самого Богдановича, чего последний, бывший фактическим редактором журнала до приглашения Милюкова, не мог дозволить. На подобную подоплеку событий ссылаются в своих «Воспоминаниях» и сам Милюков.

Аналогичную причину конфликта называет и А.С.Милюкова. Кроме того, она приписывает Богдановичу некие коммерческие намерения, из-за которых тот не пошел на уступки Милюкову. Но больше всех, по мнению Милюковой, в конфликте была повинна Давыдова, которая использовала П.Н. для привлечения подписчиков. Подписка журнала на 1900 г. возросла на 3000 экземпляров. Когда же число подписавшихся определилось, то, по словам Милюковой, Давыдова стала выражать желание среди близких ей людей избавиться от Милюкова. Такое мнение складывалось и у других. Так, В.И.Вернадский в дневнике записал, что Давыдова — кулак по натуре, которая воспользовалась именем Милюкова, дабы привлечь подписчиков.¹¹

После конфликта Богданович перестал ходить в редакцию и написал А.А.Давыдовой в Крым, что покидает журнал. Давыдова, встревоженная не на шутку, срочно выехала в Санкт-Петербург. Она встретила с обоими участниками конфликта. В одном из ее недатированных писем Милюкову содержится высказывание о том, что «дело может вполне уладиться». После разговора Давыдовой с Милюковым она встретила с Богдановичем, которому рассказала об отношении к нему Милюкова. Это произвело большое впечатление, «очень хорошее и умиротворяющее». Давыдова попыталась доказать Богдановичу, что происшедший конфликт — результат ряда недоразумений, которые легко можно уладить. Она пригласила к себе обоих редакторов для переговоров. Видимо, на них, а может быть, чуть позже, Давыдовой стало ясно, что ей все же придется выбирать. Она предпочла сохранить более опытного и близкого по взглядам Богдановича. Вероятно, и в период пребывания Милюкова в составе редакции первую скрипку играл Богданович. Хотя в «Воспоминаниях» Милюкова их отношения представлены как равноправные, существует свидетельство, что вплоть до смерти Давыдовой свою редакторскую власть Богданович разделял только с ней.

Милюков в «Воспоминаниях» пишет, что сам помог Давыдовой, отказавшись от поста редактора отдела. Судя по мемуарам Пименовой, Давыдова была рада такому исходу. Она говорила, что Богданович полезнее для журнала, чем Милюков, который «замуровал бы его своими “кирпичами”».

А.С.Милюкова не верила в искренность стараний Давыдовой по улаживанию конфликта и обвиняла ее в том, что последняя искала лишь повод для устранения П.Н. из редакции. Вернадский также обвинял Давыдову в насильственной отправке Милюкова в отставку. В письме к А.С.Петрункевич Милюкова выражала сожаление, что с Давыдовой не был заключен контракт с неустойкой подобно контракту с болгарским правительством.

Отказ Милюкова от участия в редактировании «Мира Божьего» относится к концу марта 1900 г. В письме М.О.Гершензону от 30 марта 1900 г. Милюков написал, что он больше не принимает участие в редактировании журнала. Запись в дневнике В.И.Вернадского за 1-2 апреля 1900 г. говорит об этом как о случившемся или имеющем место случиться в ближайшие дни факте. Милюков направил в редакцию журнала письмо, в котором отказался с апреля от «ближайшего участия». Это письмо было опубликовано в очередном номере «Мира Божьего». В «Воспоминаниях» Милюков сообщает, что сохранил с редакцией «наилучшие» отношения и сотрудничество в журнале по публикации «Очерков» было продолжено. Но из письма А.С.Милюковой И.Н.Кашинцеву видно, что отношения с редакцией стали натянутыми. Сохранение же «Очерков» на страницах журнала объяснялось взаимной выгодой.¹²

Уход из журнала не стал для Милюкова слишком большой потерей. Из объявленных им статей для «Мира Божьего» он не написал лишь статью «Расы в Европе».¹³ Но, возможно, это было связано не с уходом из журнала, а с недостатком времени.

Выход из редакции «Мира Божьего» лишил Милюкова редакторского жалования, но его позиции в ученом и литературном мире Санкт-Петербурга уже были достаточно прочны. В мае (?) 1900 г. последовало предложение С.Н.Южакова принять участие в редактировании «Большой энциклопедии». Вполне возможно, что Южакову Милюкова порекомендовал В.И.Семевский, близко знакомый с обоими. В материальном отношении предложенная Милюкову должность товарища редактора и редактора исторического отдела давала доход, сопоставимый с доходами члена редакции журнала, при гораздо меньшей работе.

Основой для «Большой энциклопедии» послужил 20-томный словарь Библиографического института Мейера. Милюков в «Воспоминаниях» отметил непродуманность издания энциклопедии, т.к. немецкий текст переводился с сокращениями, иногда в ущерб качеству. Милюков пытался принимать реальное участие в редактировании, не желая получать деньги только лишь за предоставление своего имени для рекламы издания. К нему как редактору исторического отдела обращались с предложением сотрудничества историки (например, Е.В.Тарле). Милюков активно привлекал своих старых знакомых (В.В.Каллаша) к составлению энциклопедических статей. Перерыв в работах по энциклопедии в июле-сентябре 1900 г. Милюкову пришлось наверстывать в октябре-декабре. Южаков же был «скорее обеспокоен, чем обрадован» усердием коллеги.

В январе 1901 г. между Милюковым и Южаковым возник конфликт. Судя по письму Южакова к Милюкову от 22 января 1901 г., последним был поднят вопрос, имеет ли он право неограниченного veto в энциклопедии. Речь шла о вмешательстве Милюкова в редактирование отделов «Русская литература XIX в.» и «Социология», которыми заведовал лично Южаков. Последний ответил отрицательно.

Видимо, выход Милюкова из состава редакции энциклопедии произошёл в мае 1901 г. Его заменил И.М.Гревс. Уход Милюкова осложнил

работу редакции. Новому редактору отдела приходилось искать сотрудников. Проблемой для Гревса стал отказ ряда историков (Милокова, И.И.Лаппо и А.А.Кизеветтера) написать статью о Екатерине II. Гревс собирался обратиться с подобной просьбой к В.А.Бильбасову, а в случае его отказа — к М.А.Дьяконову. Помимо этого, Гревс попросил Дьяконова срочно написать ряд статей, которые, видимо, Милоков планировал написать сам («Дворцы», «Дворцовый приказ» и др).

Как следует из информации, помещенной на титульных листах, Южаков и Милоков совместно проредактировали II-V тома (из 22-х) «Большой энциклопедии», а имя Милокова в качестве редактора исторического отдела указано во II-VI томах. Но, по словам Милокова, его сотрудничество с Южаковым было еще более кратковременным, а затем его имя некоторое время помещалось на титульных листах очередных томов по инерции.¹⁴

После возвращения в Россию Милоков также возобновил сотрудничество с «Энциклопедическим словарем» Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона, которое началось еще в 1894 г.

В дневнике К.К.Арсеньева отмечено посещение Милоковым редакции словаря 4 января 1900 г. Тематика его статей была весьма разнообразной. Статьи о скептической школе и славянофильстве напрямую вытекали из его занятий историографией. Для статьи об университетах в России Милокову пришлось много поработать. В декабре 1901 г. он просил В.И.Вернадского выслать ему записку московских профессоров об университетской реформе. В 1902 г. Н.П.Павлов-Сильванский выслал Милокову, работавшему над статьей о феодализме, ряд оттисков своих статей. В ответном письме Милоков указал, что с теорией Павлова-Сильванского он вряд ли согласится. Тем не менее, это не помешало, писал Милоков, найти в ней элементы истины, получившие у Павлова-Сильванского чересчур частное выражение из-за ограниченного круга данных, которыми тот оперировал. При расширительном толковании Павлова-Сильванского «феодализм» перестает быть явлением специфически западноевропейским. Со своей стороны, Милоков считал вполне возможным совместить два тезиса, которые, по мнению его оппонента, противоречили друг другу: утверждение общего тождества социального процесса с утверждением контраста фактической социальной эволюции России и Европы.¹⁵

Энциклопедический словарь, несмотря на популярный характер, имел солидную репутацию, и помещенные в нем статьи Милокова вполне этой репутации соответствовали. Так, в письме от 17 сентября 1897 г. к С.Ф.Платонову Н.П.Павлов-Сильванский высоко оценил статью Милокова о крестьянах. Эту статью рекомендовали студентам в качестве пособия по спецкурсам Н.А.Рожков и Е.П.Трифилев. Д.И.Багалея характеризовал обзорную статью Милокова в качестве весьма ценного краткого курса русской историографии, а А.С.Лаппо-Данилевский включал ее в число главнейших пособий по истории исторической науки.¹⁶

В Петербурге Милоковы продолжили участвовать в просветительском движении. Еще в 1894 г. был запланирован сборник статей «Римская империя». Орывки из произведений древних авторов и современных исто-

риков для книги подобрал П.Г.Виноградов. Их перевод, за исключением выдержек из древних авторов, был сделан А.С.Милоковой. Подлинники древних авторов переводил сам П.Н.Милоков. Книга появилась в начале весны 1900 г. В мае того же года А.С.Милокова как переводчица продала КПОДЧ рукопись сборника с правом последующих переизданий. Рецензенты положительно отозвались о сборнике, отметив лишь некоторые недостатки.

Видимо, в 1900 г. Милоков принял участие в ряде воскресных лекций в народной читальне на Выборгской стороне, куда был приглашен заведующей Н.П.Румянцевой.¹⁷

Личные контакты Милокова с общественными и политическими деятелями, а также посещение разного рода собраний и совещаний начались практически сразу по приезду в Санкт-Петербург. Как писал Милоков в одном из писем И.Д.Шишманову, многие кружки пытались его перетянуть на свою сторону.

Сохранились сведения о посещении Милоковым уже в первый месяц после возвращения в Россию редакции журнала «Вестник Европы». В это же время Милоков начал бывать в редакции «Русского богатства». С первым журналом Милокова связывала публикация одной из его болгарских статей. Знакомство с членами редакционной коллегии «Русского богатства» Н.К.Михайловским и В.А.Мякотиним относится к первой половине 1890-х годов. С А.В.Пешехоновым Милоков познакомился уже по возвращении в Россию. 15 ноября 1899 г. Милоков присутствовал на чествовании 35-летия литературной деятельности Н.К.Михайловского. В своей речи Михайловский защищал народовольцев 1870-х гг. Михайловскому вторил Мякотин, надеясь, что критики 1870-х гг. — марксисты — эволюционируют к более решительным способам борьбы. Мякотин пожелал юбиляру дожить до того времени, когда вновь начнется «кровопролитная борьба за осуществление высших идеалов человечества», но с большей практической пользой. Милоков, вместе с Н.Ф.Анненским, Н.И.Кареевым и В.Яроцким, высказались в том же духе. Видимо, в ходе встречи (а, может, вскоре после нее) родился проект сборника статей в честь Михайловского. Как писал П.Ф.Якубович в письме Д.Н.Мамину-Сибиряку, задачей издательского кружка было «привлечь к участию в сборнике возможно широкий круг писателей, вышедших из “идейного направления” 70-х годов». Милоков согласился дать в сборник статью о М.А.Бакуanine, но в окончательном варианте сборника по неизвестным причинам оказалась другая милоковская статья — «Надеждин и первые критические статьи Белинского».

В личном плане Милоков предпочитал общение с народниками, а не с марксистами. По воспоминаниям Л.С.Врангель, дочери С.Я.Елпатьевского, на днях рождения и именинах Н.К.Михайловского бывало шумно и людно. Здесь бывали Мякотин и Милоков, часто ожесточенно спорившие. Михайловский не вмешивался в спор, лишь иногда добавлял реплики и выпрямлял ход дискуссии. У Михайловского часто бывала и А.С.Милокова. После смерти Михайловского кончились ее единственные выезды.

Весьма характерным для тогдашнего политического портрета Милюкова следует признать то, что пристанищем для него оказались два более радикальных столичных журнала («Мир Божий» и «Русское богатство»), а не третий из «китов» петербургской журнальной периодики — более умеренный «Вестник Европы».

Определенную роль в сближении с радикалами играло и то обстоятельство, что еще после выхода в свет в середине 90-х годов первой части «Очерков по истории русской культуры» социал-демократы сочли Милюкова «своим». И не только они придерживались в тот момент такого мнения. Так, в цензурной справке 1897 г. о журнале «Новое слово» Милюков был охарактеризован как проповедник экономического материализма, весьма близкого марксизму.

Как вспоминал сам Милюков, в марксизме его привлекала научная сторона, в народничестве он ценил практические методы борьбы (террор). Себя он рассматривал как посредника между двумя течениями. Милюков был решительно настроен против «экономизма» в марксизме, предсказывал и одобрял переход к политической борьбе. Естественно, у Милюкова сложилась более левая репутация, чем его действительные политические устремления.¹⁸

Милюков был близок к редактору левого журнала «Жизнь» В.А.Поссе, но оценка некоторыми исследователями Милюкова как советчика «Жизни» далека от действительности. Из письма В.А.Поссе А.М.Горькому от 11 декабря 1900 г. следует, что Милюков неоднократно разговаривал с редактором «Жизни» и настаивал, как и В.В.Вересаев, на ликвидации в журнале влияния Горького. Общее направление журнала, по мнению Милюкова, было пропитано декадентством. Сам Поссе оценил речи Милюкова как вздор, с удовольствием добавив «чорт с ним!». (По словам Поссе, в конце 1900 г. Милюков противопоставил себя некоторым литераторам ищелкнул зубами решительно по всем»).

С самим Горьким Милюков познакомился, видимо, осенью 1899 г. Следующая их встреча произошла на литературном ужине в честь Горького в редакции журнала «Жизнь» 4 октября 1900 г. Поссе разослал приглашения известным общественным деятелям и деятелям искусства, ученым. Среди них были Н.Ф.Анненский, Н.Н.Бекетов, А.Ф.Кони, В.Г.Короленко, А.П.Мертваго, Н.К.Михайловский, И.Е.Репин, П.Б.Струве, М.М.Филиппов и, как писал Поссе, «другие хорошие люди». Всего на ужин собралось около 60 человек. Согласно полицейским данным, на ужине обсуждалось запрещение правительством созыва съезда писателей. Ораторы призывали все оппозиционные силы общества объединиться в борьбе за свободу мысли. Кое-кто из радикалов предрекал, что от правительственного произвола Россия избавится лишь путем повторения революции 1848 г. в Германии.

Горький, уезжая из Петербурга, сказал Поссе, что ему понравились зубы Милюкова, «котормыи он когда-нибудь всех нас съест».¹⁹

Помимо редакций журналов, Милюков посещал и разного рода столичные кружки и салоны. Уже 14 ноября 1899 г. он был на вечере у

А.М.Калмыковой, посвященном отъезду В.Г.(Н.М.) Богораза из столицы. Присутствовали Н.Ф.Анненский, М.И.Водовозова, Кашинский, Б.А.Кистяковский, Д.А.Клеменц, В.Г.Короленко, Е.Д.Кускова, В.А.Мякотин, П.Б.Струве и др. По агентурным сведениям, на вечере говорились политические речи, в частности, о наилучших способах борьбы с правительством, о марксизме и народничестве. Помимо этого, произносились речи о необходимости для интеллигенции идти к рабочим с политической, а не социальной пропагандой. Милюков, по сообщению полицейского информатора, «глубины мысли не проявил». Милюков вслед за Богоразом считал, что общественная борьба в России пошла на убыль. Он поддержал выступление Кашинского, основная мысль которого сводилась к признанию узости марксизма и необходимости выработки более широкой программы, объединяющей все революционно-оппозиционные элементы. Сам Милюков настаивал на первоочередности завоевания политических свобод «для рабочего класса», т.е. придерживался своих прежних взглядов.²⁰

9 января 1900 г. в ресторане «Медведь» состоялся вечер, посвященный 30-летию со дня смерти А.И.Герцена. По полицейским сведениям инициаторами данного мероприятия были редакция «Русского богатства» и Милюков. Власти видели в организации подобного мероприятия попытку, используя воспоминания о борце за свободу Герцене, объединить все оппозиционные направления. На вечере было произнесено много речей, в т.ч. Н.Ф.Анненским, Милюковым, В.А.Мякотиним, В.Д.Спасовичем, П.Б.Струве и др. Возможно, что статья Милюкова в февральском номере «Мира Божьего» «Памяти А.И.Герцена» была как-то связана с его выступлением на торжественном вечере.²¹

Судя по всему, в начале 1900 г. у Милюкова собрались несколько человек для обсуждения политического положения в стране. Он упоминает в мемуарах М.В.Девеля, А.А.Никонова, А.В.Пешехонова, Н.А.Рубакина, Г.И.Фальборка, В.И.Чарнолуцкого. Милюков говорил о необходимости вести борьбу «на границе легальности». По словам Милюкова, ему и Пешехонову было поручено составить проект конституции, который вскоре был готов. Забегая вперед, скажем, что во время январского обыска 1901 г. у Милюкова у него был изъят рукописный проект программы «Организации для охраны существующих прав личности и общества и их расширения» (другой вариант — «Организация с целью борьбы за право и законность»). Скорее всего, Милюков и Пешехонов составляли не проект конституции, а программу некоей полуполигальной организации. К сожалению, в следственном деле отсутствует сам проект, что не позволяет подробнее рассмотреть этот вопрос.

По полицейским данным, во время работы проходившего в феврале 1900 г. в Петербурге съезда статистиков наиболее радикальные деятели собирались у В.Я.Муринова, где обсуждались средства борьбы и необходимость объединиться со всеми оппозиционными организациями. Подобные речи говорились и на обеде статистиков в ресторане Мильбрэта.

В письме В.Я.Яковлева (Богучарского) И.П.Белоконскому от 1 апреля 1908 г. упоминается несколько совещаний, которые состоялись во время

съезда статистиков. На них была сделана попытка объединить оппозиционную интеллигенцию. В избранное для этой цели бюро вошли, помимо Богучарского, Милуков, Муринов, Никонов, Пешехонов, Рубакин, Чарнолуцкий. Состоялось несколько заседаний бюро, а затем оно фактически перестало существовать.

Очевидно, что вышеуказанные факты связаны между собой. Видимо, совещание у Муринова было одним из серии подобных, прошедших в столице в дни съезда. На каком-то заседании возникла мысль о создании координирующего органа, реализовавшаяся в упомянутое бюро. Состав бюро, указанный Богучарским, и перечень собиравшихся у Милукова во многом совпадают. Таким образом, в «Воспоминаниях» Милуков пишет об одном из собраний бюро, на котором решались вполне конкретные вопросы. Возможно, об одном из таких вопросов (посылка делегации к К.К.Арсеньеву по какому-то поводу) идет речь в письме Милукова Л.Ф.Пантелееву от 10 апреля 1900 г. Подобный ход событий подтверждает и отобранный у Милукова проект программы «Организации для охраны существующих прав личности и общества и их расширения», которая, видимо, была составлена в ответ на призывы участников съезда статистиков объединить все оппозиционные организации. Возможно, что борьба «на границе легальности», упомянутая в мемуарах Милукова, составляла общий принцип планировавшейся организации.²²

По приезду в столицу Милуков стал вхож в круг баронессы В.И.Иксуль, которая не раз помогала ему. Она была знакома как с высшими государственными чиновниками, так и с людьми неблагонадежными и оппозиционно настроенными. Такое положение баронессы нравилось далеко не всем. Так, К.И.Арабажин, арестованный в 1901 г. и вскоре отпущенный из дома предварительного заключения (ДПЗ), считал «Русское богатство» и Департамент полиции «одной шайкой». По его словам, Иксуль одну руку протягивает П.Н.Дурново, а другую — Милукову.

У А.С.Милуковой отношения с Иксуль постепенно расстроились. Первая почувствовала фальшь в покровительстве публицистам и писателям, которые должны были создавать, по мнению Милуковой, фон для эффектной фигуры баронессы, тогда как на самом деле последняя относилась к ним безразлично. В результате Милукова перестала без необходимости бывать у нее с весны 1900 г.²³

После четырех лет тихой провинциальной жизни Милуковы постепенно вошли в более ускоренный ритм. Как писала А.С.Милукова, все казалось интересным и увлекательным «после диких болгарских нравов». Но уже весной 1900 г. в письме Н.Е.Вернадской она жаловалась на то, что совсем не осталось дней, когда можно просто остаться дома и никто «не отравит» вечер приходом. П.Н.Милуков был доволен Петербургом, где он мог приложить свою неумную энергию. Как он сообщал И.Д.Шишманову, имея в виду работу в разного рода обществах и комиссиях, «пока запрягаюсь всюду».²⁴

Деятельность Милукова в рассматриваемый период была связана с двумя столичными обществами — вольным экономическим обществом

(ВЭО) и Союзом взаимопомощи русских писателей при Русском литературном обществе.

Представление на избрание Милукова в члены ВЭО по III отделению (сельскохозяйственная экономика и статистика) подписали А.М.Калмыкова, А.П.Мертваго и В.А.Розенберг. Представление было допущено к рассмотрению 16 декабря 1899 г. На общем собрании 18 декабря 1899 г. было заслушано заявление Милукова о желании баллотироваться в ВЭО. Его избрание состоялось на общем собрании 3 февраля 1900 г. Из знакомых Милукова вместе с ним на том же заседании в общество были выбраны Н.А.Рубакин и В.А.Мякотин. Как вспоминал Милуков, он первоначально был несколько предубежден против графа П.А.Гейдена как президента ВЭО, но, узнав ближе, стал его поддерживать.

Гейден в свою очередь попытался втянуть Милукова в работу общества. Немногословные записи дневника графа свидетельствуют о присутствии Милукова как члена от собрания на заседании Совета общества 21 марта. Возможно, причиной приглашения Милукова было его предполагаемое участие в готовящихся заседаниях комиссии по исследованию вопроса об условиях сельскохозяйственного найма и о положении сельскохозяйственных рабочих. Милуков принял участие в четырех заседаниях комиссии. Ее работы завершились ничем, т.к. деятельность общества в это время была приостановлена. Далее в дневнике следует упоминание о переписке с Милуковым, закончившейся личной встречей 17 апреля у графа. Вероятно, это было связано с желанием Гейдена видеть Милукова в составе Совета общества. Возможно, председателю заранее стало известно о согласии императора на пересмотр устава ВЭО. В специально созданную для этого комиссию должны были войти и 3 члена Совета от общего собрания. Т.е. Гейден хотел иметь в составе комиссии таких членов Совета, на помощь которых он мог бы рассчитывать. На заседании 21 апреля 1900 г. Милуков был избран в члены Совета общества от общего собрания вместо выбывшего по очереди В.И.Покровского. Характерно, что на этом же заседании вице-президентом ВЭО был избран К.К.Арсеньев, который вместе с Милуковым в ходе работы специальной комиссии зарекомендовал себя ярким сторонником президента.²⁵

На этом же собрании 21 апреля 1900 г. было зачитано письмо из министерства земледелия, из которого члены общества узнали о согласии Николая II с докладом министра о деятельности ВЭО. В докладе запрещался доступ посторонних лиц на заседания общих собраний, отделений и особых комиссий, требовалось предварительное представление программы заседаний и тем докладов, категорически воспрещалось чтение докладов, не одобренных министром. Помимо этого, общество могло теперь открывать какие-либо комиссии или отделения, устраивать собрания и съезды, рассылать программы сбора сведений, командировать лиц со специальными поручениями лишь с предварительного разрешения министра. Министр предлагал образовать специальную комиссию для пересмотра устава, новый проект которого с подробной мотивировкой должен был быть представлен к 1 августа 1900 г. (позже срок был продлен до 1

января 1901 г.). С осени работа общества должна быть возобновиться. В состав специальной комиссии предполагалось включить почетного члена ВЭО, действительного тайного советника В.И.Вешнякова (председатель комиссии), президента и вице-президента общества, председателей трех отделений, 3 членов Совета от общего собрания и 8 членов общества по приглашению министра. Заслушав письмо, общее собрание постановило временно приостановить свою деятельность.

Милюков как член Совета вошел в состав комиссии по пересмотру устава ВЭО и принял участие в заседании 26 апреля 1900 г., после чего наступил перерыв в работах комиссии.²⁶

Другим объединением, в действиях которого участвовал Милюков, стал Союз взаимопомощи русских писателей при Русском литературном обществе. Милюков был избран в члены союза 26 ноября 1899 г. как член редакции «Мира Божьего». В тот день вместе с Милюковым в союз было выбрано 38 человек, среди них Э.А.Вольтер, И.В.Гессен, П.А.Конский, В.Е.Якушкин и др. Почти через год, 2 ноября 1900 г. в члены Союза была избрана жена Милюкова – Анна Сергеевна. Она посещала заседания крайне редко.

Первое заседание, на котором присутствовал Милюков, состоялось 28 января 1900 г. На нем Милюков был избран председательствующим. По его предложению собравшиеся почтили вставанием память Д.В.Григоровича и Ф.Ф.Павленкова. После этого Н.Ф.Анненский предложил почтить память П.Л.Лаврова. Мякотин заявил, что комитет союза послал дочери Лаврова телеграмму с соболезнованиями, за что собрание поблагодарило комитет. Предложения о возбуждении ходатайства о перенесении тела Лаврова в Россию и издании его сочинений было решено передать для решения комитету союза.

Далее были доложены составленные П.А.Сергеенко правила о награждении премией имени Л.Н.Толстого. Наибольшее число возражений вызвала формулировка о том, какие произведения могут быть награждены. В программе они были обозначены как «проводящие принципы христианства». В разгоревшейся дискуссии Милюков предложил использовать более широкую формулировку – принципы человечности, с чем согласилось большинство собрания.

Происходившее на собрании не осталось неизвестным Департаменту полиции. Его директор, С.Э.Зволянский, предложил Милюкову как председательствовавшему на памятном собрании посетить его 22 февраля. На встрече Зволянский поинтересовался у Милюкова о мотивах чествования Лаврова. Милюков ответил, что, несмотря на свои политические убеждения, Лавров был крупным деятелем русской литературы. После этого Зволянский в полуутвердительной форме поинтересовался фамилией члена союза, внесшего предложение о чествовании Лаврова. Зволянский назвал неправильную фамилию, и Милюков «ограничился констатированием этого последнего факта».²⁷

В начале заседания союза 3 марта 1900 г. под председательством Милюкова было прочитано письмо и.о. начальника Главного управления по

делам печати (ГУДП) князя Н.В.Шаховского от 1 марта на имя председателя общества П.Н.Исакова, написанное по поручению министра внутренних дел Д.С.Сипягина. В письме союзу ставилось на вид недозволенное поведение и нарушение устава, в т.ч. демонстративное чествование П.Л.Лаврова. После этого Милюков сообщил о своей встрече со Зволянским. Обеспокоенный Анненский предложил восстановить во всех подробностях ход прошлого заседания. Мякотин возразил, сказав, что ответственность за чествование должна лечь на весь союз. Члены союза разделились на сторонников и противников ответа Шаховскому. В конце концов собрание приняло решение прекратить обсуждение этого вопроса и принять письмо Шаховского к сведению.

На общем заседании 17 марта 1900 г. прошли выборы двух человек в члены комитета союза. Избранными на 1900-1902 гг. оказались Милюков (102 за и 19 против) и Кареев (93 за и 28 против). Вскоре (до 1 апреля) Милюков был избран казначеем союза.

После избрания членом комитета и до января 1901 г. Милюков присутствовал на 11 собраниях союза из 14. Точное количество заседаний комитета, посещенных и пропущенных Милюковым, установить крайне сложно ввиду путаницы в протоколах комитета и, возможно, их неполной сохранности. Милюков был, как минимум, на 5 заседаниях комитета в апреле 1900 – январе 1901 г.

Став членом союза, Милюков начал вести непримиримую борьбу с теми, кого считал недостойными участия в нем. Так, он высказался против принятия в члены союза К.И.Арабажина, но комитетом его мотивы были признаны недостаточными. Однако, точку зрения Милюкова разделяли и другие члены союза, и на общем собрании Арабажин был забаллотирован.²⁸

Очутившись в столице, Милюков восстановил отношения и принял активное участие в трудах Исторического общества при Санкт-Петербургском университете. Связь общества с университетом была формальной. Общество в своих делах проявляло, по мнению университетского начальства, излишнюю самостоятельность. Возглавлял общество Н.И.Кареев, уволенный в 1899 г. из университета после студенческих волнений как «неблагонадежный». Репутация Милюкова, как политического деятеля определенного направления, сыграла свою роль в разразившемся вокруг Исторического общества скандале.

Все началось с доклада на заседании комитета исторического общества 18 января 1900 г., где был поставлен вопрос о замене выбывших по разным причинам членов комитета. Среди предлагавшихся в комитет кандидатур прозвучала и фамилия Милюкова. На заседании комитета 3 марта этот вопрос был обсужден вторично и среди 6 кандидатов в комитет, предлагавшихся общему собранию, был предложен и Милюков. Общее собрание было назначено на 22 марта.

Узнав о состоявшемся постановлении, ректор университета А.Х.Гольмстен пригласил Кареева зайти 18 марта. Кареев был (сказался?) нездоров и вместо себя отправил на встречу В.И.Семевского, товарища председателя. Ректор потребовал снять кандидатуру Милюкова и сделать собра-

ние закрытым. В случае выборов Милюкова ректор, видимо, пригрозил «удержать» его кандидатуру. Ректор увязал вопрос о Милюкове с положением самого общества.

Помимо избрания новых членов комитета, по сведениям ректора, на заседании должен был быть зачитан отчет общества за прошедший год, в котором могли быть упомянуты уволенные из Санкт-Петербургского университета профессора и прочитан реферат о В.К.Кюхельбекере. Многолюдное заседание грозило закончиться овациями Милюкову, Карееву и реферату о Кюхельбекере. Очевидно, ректор испугался возможных последствий и предпринял ряд мер, дабы избежать последующих недоразумений. Во-первых, были отобраны повестки, приглашающие членов общества на очередное общее собрание, назначенное на 22 марта. Во-вторых, ректор, видимо, поставил перед попечителем вопрос о запрещении обществу собираться в здании университета. Но это не решало проблемы, т.к. общество имело право собираться в любом частном здании. Поэтому попечитель учебного округа обратился к петербургскому градоначальнику с просьбой запретить это публичное заседание где бы то ни было. Градоначальник такого распоряжения сделать не мог и обратился 20 марта с письмом в Департамент полиции. Ему ответили, что собрание общества в частном помещении возможно при условии отсутствия посторонней публики. Департамент рекомендовал вызвать Кареева и сообщить ему об этом.²⁹

С целью выяснить суть конфликта и положение общества 21 марта состоялось экстренное заседание комитета. Обсудив сообщение Семеvского о разговоре с ректором, комитет решил отменить открытое заседание, назначенное на 22 марта, но закрытого вместо него не назначать. Кандидатуру Милюкова в члены комитета было решено не снимать, доведя до его сведения слова ректора, и спросить, хочет ли он, чтобы его кандидатура была «удержана». На 30 марта комитет назначил экстренное закрытое заседание общества, посвященное положению дел.

Скорее всего, Милюков знал о дебатах в комитете общества и выдвижении своей кандидатуры в члены комитета. Об этом ему могли сообщить В.А.Мякотин, В.И.Семевский или кто-то другой из знакомых ему членов комитета. Видимо, Милюков советовался с С.Ф.Платоновым относительно того, принимать или не принимать данное предложение. Платонов, близкий к университетскому начальству, вероятно, предупредил своего знакомого о негативном отношении властей к деятельности общества и отрицательной реакции на возможное избрание Милюкова в члены комитета. Согласие Милюкова баллотироваться в члены комитета, видимо, стало одной из возможных причин охлаждения его отношений с Платоновым.

На заседании комитета 28 марта все решения, принятые 21 марта, были подтверждены. Помимо этого, комитет постановил отложить годовое собрание общества с выборами комитета до сентября 1900 г.

30 марта состоялось закрытое заседание общества для заслушивания доклада о положении общества, на котором Милюков присутствовал.

Судя по сохранившемуся тексту постановления этого заседания, члены обсуждали два вопроса. Первый — об обращении к ректору университета с просьбой разъяснить права общества. Второй — о времени проведения открытого годового собрания. По первому вопросу мнения членов общества были едины, и после заседания Кареев послал письмо ректору с просьбой разъяснить положение дел общества, причем о Милюкове не упомянул. По второму вопросу возникли серьезные расхождения. Часть членов (Кареев, А.А.Кауфман, Лаппо-Данилевский) предложили провести выборы комитета, когда университетское начальство разрешит проведение открытого собрания. Мякотин и Семевский потребовали сейчас же обратиться к ректору с просьбой о помещении. (Мякотин после собрания даже заявил, что как только все уладится, он выйдет из состава комитета из-за позиции Лаппо-Данилевского и Кауфмана). Принятое постановление вызвало противоположные трактовки, в результате чего было решено отправить всем членам, бывшим на собрании 30 марта, письмо с предложением подчеркнуть одну из двух предложенных формулировок, какую они считают правильной.

На заседании комитета 3 апреля 1900 г. был подведен итог опроса членов. Ни одна формулировка не собрала достаточного числа голосов. Тогда Семевский предложил компромиссный вариант, который заключался в том, чтобы самим назначить день открытого годового собрания, после чего просить ректора о предоставлении помещения на этот день. Члены комитета таким днем назначили 19 мая и сообщили ректору. Ректор ответил обществу, что возникшая ситуация была результатом искажения словесного объяснения с Семевским. По словам ректора, в здании университета могут происходить беспрепятственно обыкновенные заседания ученых обществ при университете.³⁰ Несмотря на благоприятный ответ ректора, заседание по каким-то причинам не состоялось.

Наряду со старыми научными связями и знакомствами у Милюкова появились и новые. Благодаря одному из них он получил предложение участвовать в экспедиции Академии наук в Македонию летом-осенью 1900 г. Экспедиция была организована по поручению президента Академии наук великого князя Константина Константиновича, который приложил немало усилий, чтобы добиться ее финансирования. Задача подбора состава участников экспедиции и руководство ею была возложена на известного историка византийского и древнерусского искусства академика Н.П.Кондакова.

Кондаков предложил участвовать в экспедиции доктору славянской филологии П.А.Лаврову, архитектору П.П.Покрышкину и П.Н.Милюкову. Все приглашенные ответили согласием. В качестве художника в экспедицию поехал Д.К.Крайнев. Последний в 1896 г. был привлечен по делу о тайной типографии «Группы народовольцев», но оправдан, после чего переехал из столицы в Одессу. Кондаков нашел Крайнева в «совершенном отчаянии» и предложил ему стать участником экспедиции. Сын Кондакова — Сергей — также был приглашен в экспедицию, где должен был исполнять обязанности фотографа.

Вероятно, приглашение в экспедицию Милукова было вызвано следующими обстоятельствами. В 1898 г. Милуков, как уже говорилось, был участником научной экскурсии РАИК в Македонию, отчет о которой и статья Милукова о христианских древностях Западной Македонии вышли в свет в 1899 г. Предстоящая академическая экспедиция также должна была иметь дело с архитектурными памятниками Македонии. Кроме того, Милуков неоднократно рецензировал многотомный труд Н.П.Кондакова и И.И.Толстого «Русские древности». В январе 1900 г. он подверг разбору очередной выпуск этого труда, где, в частности, рекомендовал авторам искать источники орнаментальных и других мотивов русского искусства XIII в. на Балканах. Личное знакомство Кондакова и Милукова могло произойти на XI археологическом съезде. Судя по всему, Кондакову для экспедиции требовался русский ученый, знавший болгарский и турецкий языки и знакомый с ситуацией в Македонии. Как указывал сам Милуков в письме к жене, на него была возложена обязанность посредника между Кондаковым и болгарскими. Насколько эта обязанность была важна для экспедиции, свидетельствует тот факт, что, закончив все приготовления, Кондаков не спешил выезжать в Константинополь, ожидая освобождения Милукова «от его обязательных занятий».³¹

Целью экспедиции было историко-этнографическое исследование Македонии. По возвращении Кондаков неоднократно заявлял, что экспедиция занималась выяснением значения и влияния как болгарской, так и сербской культур в крае. Но у экспедиции была и некая собственно этнографическая задача, точное содержание которой неизвестно. Об этнографии, как одном из направлений экспедиции, свидетельствуют письма Кондакова И.И.Толстому из Македонии. И именно на Милукова была возложена этнографическая часть экспедиции. Возможно, что экспедиция должна была получить данные об этническом составе населения края, его численности и территориальном размещении. В России экспедиция рассматривалась как важная в научном отношении. В дипломатических кругах других стран ходили различные слухи о целях экспедиции. Для болгар и сербов результаты экспедиции, особенно исследования этнического состава населения, приобретали политическое значение как признание прав той или другой страны на Македонию.

Экспедиция планировалась на июль-октябрь 1900 г. До ее начала Покрышкин выехал 29 мая в Бургас для изучения храмов в Месемврии. Лавров 21 июня отправился на Афон для занятий в болгарском Хиландаре. Кондаков находился в Ялте, где ждал приезда Милукова. Общий сбор участников был назначен в Солуни на 15 июля. 27 июня Милуков выехал из Петербурга и 28-го прибыл в Ялту, где встретился с Кондаковым. 9 июля Кондаков с сыном и Милуков отправились через Севастополь и Одессу в Константинополь. Там Кондакова ждало разочарование, т.к. запрошенный для экспедиции султанский фирман, о котором хлопотали российские дипломаты, он получить не смог. К назначенному сроку — 15 июля — все собрались в Солуни. Помимо уже указанных участников, к экспедиции присоединилась жена П.А.Лаврова.³²

В Солуни Кондаков, Крайнев и Покрышкин занялись осмотром местных церквей и мечетей. С.Н.Кондаков делал необходимые фотографии. Лавров вместе с Милуковым объезжали близлежащие деревни и ярмарки, где Лавров собирал данные о языке жителей. Из письма Кондакова И.И.Толстому от 28 июля 1900 г. следует, что Милуков на тот момент еще не приступил к своим этнографическим исследованиям. В начале августа вся экспедиция на 8 дней отправилась в Восточную Македонию в город Сер (Серры) и его окрестности. Далее первоначальные планы экспедиции изменились, и она разделилась. Лавров и Милуков отправились в поездку, длившуюся около двух недель, для осмотра церквей и монастырей через Демир-Хиссар и Мельник в долину реки Струмицы, где ими были посещены города Петрич и Струмица. Отсюда они совершили переезд в Радовиш, Штип и Велес. В Радовише местная община передала Милукову евангелие сербской редакции для передачи в одну из библиотек. Остальные участники экспедиции во главе с Кондаковым вернулись в Солунь для окончания работ в городе и подготовки переезда в Скопье. Сбор участников был назначен в Скопье. Кондаков с частью экскурсантов прибыл в город 16 августа, Лавров и Милуков, видимо, приехали чуть позже. Экспедиция занялась осмотром церквей и монастырей Скопье и окрестностей. Кроме этого, члены экспедиции, в т.ч. Милуков, были на собраниях местных болгар по поводу русской ноты о Кипре.

22 августа экскурсанты перебрались в Куманово. В его окрестностях Милуков осмотрел монастырь Матейци. Именно к пребыванию в Куманово относятся первые упоминания о трениях между Милуковым и Кондаковым. Более ранние столкновения у Милукова были не с главой экспедиции, а его сыном. Милуков был против искусственных построек С.Н.Кондакова. Н.П.Кондаков пытался исправить положение, но Милуков, терявший терпение, начинал противоречить и ему. В «Воспоминаниях» Милуков добавляет, что и с Н.П.Кондаковым он разошелся в определении дат некоторых «наблюдаемых данных».

25 августа экспедиция опять разделилась. Милуков и Покрышкин отправились в пятидневную экскурсию в Старую Сербию по маршруту Призрен, Дечанский монастырь, Ипек, Митровица. В окрестностях Митровицы Милуков совершил одиночную поездку в селение Баньско. Остальные члены экскурсии во главе с Кондаковым отправились по железной дороге в Приштину, где должны были встретиться. Кондаков начинал торопиться, поэтому поручил Милукову часть ответственных работ и даже фотографирование. В экскурсии Милуков своим фотоаппаратом делал не только фотографии церквей, монастырей и фресок, но и снимки «живых сцен местной жизни». По возвращении из экскурсии Кондаков, видимо, потребовал отдать ему негативы как снимков архитектурных памятников, так и бытовых сцен. Как вспоминал Милуков, именно этот эпизод вызвал разрыв между ним и Кондаковым. Экспедиция, как уже было сказано, преследовала, среди прочего, этнографические задачи, и притязания Кондакова на фотографии были небезосновательны. Но, судя по всему, Милуков в экспедиции, несмотря на предваритель-

ную договоренность, этнографическими штудиями не занимался. Вероятно, это произошло потому, что Кондаков не успевал по возрасту и недостатку времени охватить все нужные ему архитектурные памятники и использовал для этого Милюкова. Естественно, этнографические задачи экспедиции отошли на второй план и фактически не были выполнены. Видимо, Милюков отдал негативы, и его снимки вошли в состав большого, в 550 фотографий, альбома, привезенного из Македонии.

Соединение частей экспедиции произошло, видимо, не в Приштине, а в Солуни, куда Кондаков отправился на несколько дней для проявки и печати многочисленных фотоснимков. Из Солуни экспедиция выехала в Битоля, откуда 5 сентября на двух фаэтонах ее члены направились в Западную Македонию, к озерам Охрид и Преспа. Затем Кондаков планировал посетить Корчу и Костур. После двухнедельной экскурсии экспедиция вернулась в Солунь, где оставалась основная часть ее багажа. Из Солуни участники экспедиции разъехались 20 (?) сентября.³³

На обратном пути из Македонии Милюков 21 сентября заехал в Софию. Здесь в его честь был устроен торжественный обед в ресторане «Славянская беседа», на который пришли многие политические и общественные деятели, ученые: С.С.Бобчев, К.П.Величков, С.П.Данев, Л.Г.Милетич, П.С.Каравелов, С.М.Ковачев, Д.Х.Ризов и др. Корреспондент «Русских ведомостей» верно подметил, что «такие “чудовишные” [имеются в виду политические разногласия собравшихся – А.М., П.Т.] комбинации были возможны только благодаря болгаро-македонским симпатиям гостя». На обеде было сказано много приветственных речей. В ответ Милюков произнес речь на болгарском языке, в которой цели своих штудий по македонскому вопросу определил как поиск истины и желание сообщить ее русским читателям. 27 сентября Милюков выехал из Софии.

Милюков возвращался из Болгарии в Россию через Румынию. Проездом он остановился в Бухаресте, где встретился с директором национального музея Г.Точилеску. Последний попросил Милюкова помочь вернуть несколько редких рукописей и книг, похищенных, по его словам, из музея русским славистом А.И.Яцимирским, командированным Академией наук в Румынию в 1899 г. Больше всего Точилеску беспокоила судьба украденного печатного молитвенника 1508 г., который он был готов даже купить у нечистоплотного слависта. По возвращении в Россию Милюков написал В.Ф.Миллеру, который был знаком с Яцимирским и просил помочь вернуть украденное. К сожалению, нами не найдено никаких сведений о том, как окончилось дело.

Милюков пересек русскую границу 2 октября на пограничном пункте Унгены (Бессарабия), а 10 октября приехал в Петербург. К этому времени из Крыма вернулась Анна Сергеевна, проведшая там лето с детьми³⁴.

По возвращении в Россию Н.П.Кондаков, П.А.Лавров и П.П.Покрышкин на заседаниях общества любителей древней письменности и Русского археологического общества сделали ряд сообщений об экспедиции. В последующие годы из-под их пера вышло несколько работ, где излагались результаты поездки.³⁵

Как и ожидалось, вопрос об этнической принадлежности македонского населения заинтересовал прежде всего болгар и сербов. В сербских газетах появилась информация, что участник экспедиции 1900 г. П.А.Лавров признал в македонском населении сербов, и что к этому выводу присоединился и Милюков. Это было явной ложью. В работах, появившихся в начале 1900 г. до экспедиции, Милюков продолжал считать македонцев болгарами. Вслед за В.И.Кынчевым он повторял, что «сербы в Македонии суть только пришельцы из королевства». Не изменил он своих взглядов и после экспедиции. Милюков посчитал нужным опровергнуть появившуюся дезинформацию и поместил опровержение в «Русских ведомостях». В нем Милюков писал, что прошедшая экспедиция не дала новых фактов по национальному вопросу, которые могли бы изменить его мнение о превалянии болгар в Македонии. При этом Милюков настаивал на своей беспристрастности в споре болгар и сербов. В письме в редакцию Милюков упомянул и о своем желании на досуге разобрать поподробнее литературу по македонскому вопросу. Это желание Милюкова осталось неосуществленным.

По возвращении из экспедиции Кондаков через посредничество В.М.Сонкина обратился к Милюкову с просьбой сообщить ему материалы, собранные им в одиночных поездках. Посылая Сонкина за материалами, Кондаков тем самым выражал Милюкову недоверие и выказывал сомнение в его возможности обработать собранные данные для отчета. Но Милюков материалы не отдал. Он решил сам сделать выборку из путевых дневников. Для успешной работы Милюков просил выслать ему снимки с тех негативов, что были сделаны им в одиночных экскурсиях. После обработки всех материалов Милюков был согласен передать Сонкину их для сообщения Кондакову. Видимо, Кондакову ничего не осталось, как согласиться.

Составление отчета несколько раз приостанавливалось, т.к. часть листов из путевого дневника Милюков отдал П.П.Покрышкину. Но это препятствие было устранено, и составленный Милюковым отчет, иллюстрированный планами и схематическими рисунками, в конце 1900 г. был отослан Кондакову. К нему Милюков приложил и несколько фотографий, сделанных своим фотоаппаратом. Если Кондаков счел бы необходимым напечатать текст отчета, Милюков просил обязательно выслать корректуру. Отчет Милюкова не был напечатан и сохранился в личном фонде Н.П.Кондакова в ПФА РАН.

Единственным реальным результатом экспедиции для Милюкова стала его историко-этнографическая статья «Средневековый уголок в современной Европе» о поездке в Старую Сербию. Кстати, отдельный оттиск этой статьи Милюков подарил Кондакову. В свою очередь, Кондаков после выхода в свет книги «Македония» не забыл подарить один экземпляр Милюкову.³⁶

Вернувшись из Македонии, Милюков вновь оказался в центре общественно-политической жизни. Вторая половина 1900 – начало 1901 г. внесла ясность в судьбы трех столичных обществ (ВЭО, Историческое

общество и Союз взаимопомощи русских писателей), членами которых был Милюков.

В ноябре 1900 г. возобновились работы комиссии по пересмотру устава ВЭО. Член Совета общества Милюков принял самое активное участие во всех трех заседаниях комиссии (4,7 и 11 ноября 1900 г.). В.И.Вешняков должен был составить записку о намеченных изменениях в уставе общества, которая потом подлежала обсуждению членами комиссии. При обсуждении записки Вешнякова Милюков оказал полную поддержку президенту, который выступал за сохранение устава в прежней редакции по самым принципиальным вопросам (об избрании членов общества, о посторонних посетителях, о порядке решения вопросов). Вместе с ним наиболее активную поддержку Гейдену оказали К.К.Арсеньев и Н.Ф.Анненский.

Милюков принял также участие в заседании по подготовке проекта журнала комиссии 1 декабря у Арсеньева. На заключительном собрании комиссии 16 декабря 1900 г. Милюков выступил за предоставление правительству не только журнала комиссии как итога обсуждения поставленных вопросов, но и протоколов собраний. Вешняков был против в данном вопросе, но согласился обсудить журнал и внести в него некоторые поправки.³⁷

Осенью-зимой 1900 г. наметились пути выхода из кризиса Исторического общества при Санкт-Петербургском университете. В сентябре и октябре 1900 г. общество не смогло устроить ни одного заседания из-за болезни председателя Н.И.Кареева. Наконец 23 ноября 1900 г. комитет решил провести годичное собрание общества 1 декабря того же года в одной из аудиторий университета. В случае отказа ректора дать помещение комитет планировал устроить собрание в другом месте с соблюдением всех формальностей. Так как общество в 1900 г. почти не действовало, то отчет было решено присоединить к отчету за 1901 г. Как и в марте, на 3 места в комитете были намечены 6 кандидатов, в т.ч. Милюков.

Общее годичное заседание общества состоялось 1 декабря 1900 г. в университете. Из предложенных шести кандидатов в члены комитета были выбраны П.Н.Милюков (14 голосов), С.М.Середонин (11), П.А.Конский (10).

Милюков впервые присутствовал на заседании комитета 19 декабря 1900 г. Там его выбрали казначеем общества. Он принял участие в обсуждении мер для активизации работы общества. Одной из таких мер должно было быть возобновление чтений рефератов. Среди вызвавшихся подготовить к следующему заседанию рефераты был и Милюков, пообещавший прочесть доклад о переломе в русском обществе в петровскую эпоху. Но следующие заседания общества (23 февраля) и комитета (23 марта 1901 г.) Милюков пропустил «по независящим от него обстоятельствам». Казначейские обязанности комитет 3 октября 1901 г. временно поручил В.И.Семевскому.³⁸

Союз взаимопомощи русских писателей в отличие от двух вышеупомянутых обществ действовал достаточно активно. Правда, именно эта активность и послужила причиной его ликвидации властями.

Осень 1900 г. была богата на громкие общественные акции, инициатором и организатором которых выступил Союз взаимопомощи русских писателей. В свое время Союз подал прошение разрешить всероссийский съезд писателей, но МВД выступило категорически против созыва съезда. Союз решил подать жалобу на действия министерства в Сенат. На заседании комитета 16 октября 1900 г. этот вопрос жарко дебатировался, в результате чего большинство высказалось против подачи жалобы, т.к. для нее отсутствовали достаточные юридические основания. Милюкову, выступавшему за обращение в Сенат, было поручено составить и прочесть доклад о заседании комитета и его решении. На общем собрании 17 октября Милюков прочел доклад. В развернувшейся дискуссии Милюков отстаивал необходимость подачи жалобы в Сенат, ибо был уверен в ее положительном решении. В результате общее собрание высказалось за составление жалобы с участием юристов и подачу ее в Сенат. Но дальше принятия решения дело не пошло.

Другой акцией с участием Милюкова стало общее собрание Союза с провинциальными членами, прошедшее 10-12 ноября 1900 г. в Петербурге. Видимо, Милюков активно содействовал созыву этого собрания. Именно ему комитет доверил сделать на общем заседании 10 ноября доклад о подготовке и созыве названного совещания.

В рамках общего собрания 10 ноября Милюков прочел доклад «О формах постоянных отношений Союза русских писателей с его провинциальными членами». В докладе была отмечена малая заинтересованность в Союзе провинциальных писателей. В настоящее время, заявил Милюков, можно попытаться упорядочить отношения Союза с его провинциальными членами. Для этого докладчик предложил организовать при Союзе бюро провинциальной печати. В функции этого бюро входили бы связи с провинциальными членами Союза по всем вопросам, составление справок о спросе и предложении на провинциальные литературные труды, причем не в узко формальной форме, а более широко (рекомендации, отзывы и т.д.), создание архива провинциальной печати и библиотеки, подготовка общих заседаний с провинциальными членами.

Доклад Милюкова вызвал оживленные прения. Существенные возражения были высказаны С.А.Венгеровым и И.А.Гофштеттером. Первый выступил против рекомендаций и отзывов вместо справок, т.к. они будут, скорее всего, тенденциозны и субъективны и направлены на протектирование писателей. Гофштеттер поддержал Венгерова и, помимо этого, указал на несоответствие слишком больших целей и малых средств, предложенных Милюковым. Милюков возразил своим оппонентам, но никакого решения по докладу не принималось. Причина была в том, что совещание мыслилось как обсуждение докладов, которые потом вместе с высказанными соображениями передавались в организационную комиссию. Такое предложение сделал сам Милюков (видимо, по поручению комитета Союза) на собрании 11 ноября. Комиссия должна была обсудить доклады и предложения и через комитет представить их с мотивировкой на рассмотрение общего собрания. В комиссию должны были быть пригла-

шены лица, которые «могут способствовать лучшему обсуждению вопросов». Общее собрание приняло данное предложение Милюкова.

Милюков также принял участие в прениях по выступлениям других участников собрания. На заседании 11 ноября он сказал от имени комитета Союза, что прошедшее совещание лишь первое, за которым должны последовать другие. 12 ноября состоялось последнее заседание, на котором были оглашены предложения докладчиков. Никакие решения по докладам не принимались.³⁹

После совещания некоторые члены союза решили предложить общему собранию созвать в Петербурге международный конгресс печати, на котором планировалось провести регламентацию прав на литературную собственность. 28 ноября 1900 г. с таким предложением выступил М.М.Филиппов. На это Милюков ответил, что сомневается в необходимости созыва подобного конгресса сейчас. Россия на съезде оказалась бы в меньшинстве, и скорее иностранцы начали бы диктовать свои условия русским, чем наоборот. Кроме того, какой смысл созывать международный конгресс, говорил Милюков, когда МВД запрещает созыв собственно русского съезда. После столь убедительных аргументов Филиппов снял свое предложение.

В рамках обсуждения проекта закона об авторском праве в союзе прошел ряд заседаний в начале января 1901 г., в которых Милюков принял самое активное участие.

27 декабря 1900 г. ряд членов союза (в т.ч. П.Н. и А.С.Милюковы) составили петицию, протестующую против закрытия газеты «Северный курьер». Подписавшиеся подали петицию в комитет с просьбой внести ее на обсуждение общего собрания 29 декабря. Петиция была одобрена, а собравшиеся решили выразить сочувствие редакции газеты «Северный курьер» по поводу закрытия. Ходили упорные слухи, что Союз собирается дать банкет бывшим сотрудникам газеты. Того, что сам союз будет закрыт через четыре месяца, никто не ожидал.⁴⁰

Осень 1900 г. стала временем активизации политической деятельности Милюкова. Он начал возобновлять контакты со знакомыми либеральными деятелями. Еще на начало 1900 г. была запланирована, но не состоялась поездка супругов Милюковых в имение Петрункевичей в Машук. Такую поездку смог совершить один П.Н.Милюков, который провел в имении 24 и 25 декабря 1900 г. Во время пребывания Милюкова И.И. и А.С.Петрункевичи спорили с ним на философские и исторические темы. При этом об общественной жизни споров почти не было. Как отметила А.С.Петрункевич, Милюков и она с супругом сделали за 1895-1900 гг. ряд шагов в различном направлении, и различие установок стало чувствоваться определеннее. Особенно остро разногласия стали проявляться в вопросе об эволюции П.Б.Струве от марксизма к идеализму. Петрункевичи этому радовались и приветствовали. Милюков — нет: «Нельзя ее [истину — А.М., П.Т.] искать всю жизнь, надо же когда-нибудь и найти ее!» Однако, расхождения в философских установках не помешали Милюкову и Петрункевичу участвовать в последующих совместных политических акциях.⁴¹

26 ноября 1900 г. Милюков выступил на вечере памяти Г.А.Джаншиева. Его приглашали поделиться воспоминаниями о покойном, но большую часть речи Милюков посвятил изложению своей политической программы. Он говорил о необходимости борьбы за политическую свободу и главными инструментами такой борьбы называл науку, просвещение масс. То есть он по-прежнему был привержен той идее, которая в свое время подвигла его на создание Комиссии по организации домашнего чтения.⁴²

13 января 1901 г. Милюков принял участие в частном совещании кружка «Беседа» в Санкт-Петербурге. На встрече были К.К.Арсеньев, Петр Д.Долгоруков, А.А.Корнилов, Ф.Ф.Ольденбург, М.А.Стахович, Г.А.Фальборк и П.С.Шереметев. На повестке дня был один вопрос: как подготовить предводителей дворянства к открытию в марте 1901 г. в Москве съезда деятелей по начальной народному образованию. Присутствовавшие решили подготовить к съезду систематически подобранный материал, где подчеркивалась бы важность широкого участия общества в народном образовании. Помимо этого, было решено обсудить, какое отношение печати к новому проекту наказа училищным советам желательно для съезда.

Вопрос об освещении в печати проекта наказа вызвал оживленные споры. Мнения участников встречи разделились. Наиболее осторожные предложили, чтобы пресса до марта 1901 г. не поднимала тревоги, дабы сам вопрос не был снят с повестки съезда, на поверхность бы не выплыл негативный материал и не создалось впечатление, что участники съезда действуют под влиянием прессы. Радикальная часть собравшихся настаивала на полезности публичного обсуждения до съезда, т.к. это могло повлиять на общественное мнение в нужном направлении. В конце концов собравшиеся постановили просить представителей столичной прессы до съезда касаться в сдержанном тоне лишь юридической стороны вопроса, чтобы не вызывать излишней полемики. После съезда наоборот, предлагалось выступить объединенными усилиями против проекта. Для этого собравшиеся постановили просить участников съезда предоставить журналистам материалы и все необходимые сведения по вопросу. Помимо этого, после съезда было намечено издание монографии, где всесторонне освещалась бы важность участия общества в школьном деле.

Все необходимые материалы к съезду взялись подготовить Милюков, Ольденбург и Фальборк. При этом юридическую справку по проекту наказа было решено составить и отпечатать к 15 февраля. К этому же числу должна была быть составлена и снабжена исторической справкой краткая сводка материала.⁴³ Скорее всего, Милюкову не удалось принять участия в запланированном деле.

Участие А.С.Милюковой в общественно-политической жизни было намного скромнее. По возвращении в столицу она не осталась в стороне от женского движения. Но петербургские феминистки не устраивали Милюкову, поэтому она тянулась к курсисткам, надеясь найти в них соратниц. Милюкова с неодобрением относилась к И.М.Гревсу, который пытался ограничить кружок курсисток, собиравшийся у него на дому, чистой наукой, считал профанацией связь науки с современностью, не

принимал популяризации науки. Милюкова такой подход к науке, вслед за мужем, называла бесплодным.

Милюкова даже подумывала о написании драмы в феминистском духе, о чем советовалась с Н.Е.Вернадской. Судя по всему, Милюкова начала писать драму в 1903-1904 гг.⁴⁴

Помимо легальных и полулегальных мероприятий Милюков также участвовал и в нелегальных, более радикальных собраниях. 18 октября 1900 г. студент Санкт-Петербургского университета Л.Н.Клейнборт устроил молодежную вечеринку в память Н.Г.Чернышевского, на которую были приглашены Милюков, В.А.Мякотин, П.Б.Струве, М.И.Туган-Барановский. По свидетельству присутствовавших, все приглашенные говорили зажигательные речи о достижениях и перспективах студенческого и рабочего движения, затрагивали острые вопросы жизни, в т.ч. политические и экономические.

Согласно перлюстрированному полицией письму К.Гладкова А.Ф.Курицыну от 13 ноября 1900 г. в Петербурге должна была состояться в ближайшее время вечеринка студентов Технологического института, на которую обещали явиться Короленко, Милюков, Михайловский, Струве, Туган-Барановский и др. Насколько достоверна эта информация — ответить сложно, тем более, что неизвестно, состоялась ли данная вечеринка вообще.⁴⁵

7 декабря 1900 г. Милюков принял участие в вечеринке на квартире адъюнкт-профессора Горного института А.Н.Митинского. Последний в конце ноября 1900 г. имел неосторожность пригласить нескольких курсисток и студентов в гости. Те попросили принять их вместе с друзьями. Ничего не подозревавший Митинский согласился. В назначенный день с восьми часов вечера стали приходить молодые люди, многих из которых Митинский не знал. Вскоре набралось, по разным данным, от 80 до 200 человек курсисток, студентов, несколько рабочих, членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», приглашенных студентом Лесного института М.Г.Петрашкевичем (С.Г.Струмилиным). Как заметил Митинский, у некоторых были листки бумаги, похожие на билеты, в передней шла проверка, принадлежат ли вновь прибывшие к числу приглашенных. Приходившие вначале звонили, а пропускались по условленному стуку в дверь. По словам Митинского, он не знал о назначении сходки. Полиция не поверила ему, т.к. согласно некоторым показаниям, Митинский сам проверял билеты.

Пришедшие молодые люди поставили на середину стул и стол, на который поместили колокольчик и стакан с водой. Литератор А.Васильев сел за стол и начал читать реферат о биографии и взглядах П.Л.Лаврова. Он утверждал, что Лавров — идеолог рабочего движения.

По словам Милюкова, 7 декабря какой-то студент предложил ему пойти на вечеринку. Около 10 (в других источниках — 11) часов вечера Милюков пришел на квартиру, где заканчивалось чтение реферата о Лаврове. По окончании чтения Милюков, по желанию собравшихся, принял на себя председательство на вечере и руководство прениями. Милюков сказал речь о Лаврове, попытавшись точнее осветить и сопоставить его взгляды со взглядами

П.Н.Ткачева и М.А.Бакунина. При этом, по словам Милюкова, он упомянул о «хождении в народ» и попытке Я.В.Стефановича организовать «сельский бунт», но не касался Д.В.Каракозова, А.И.Желябова, С.Л.Перовской и других революционеров, социал-демократической агитации и не делал никаких сопоставлений прошлого и настоящего русского революционного движения. Однако присутствовавший на вечере полицейский информатор, рабочий М.Яковлев, передавал речь Милюкова иначе. Будто тот, сравнив деятельность современных революционных кружков и народолюбцев, высказал свои симпатии последним, которые не прокламациями и листовками, а своими решительными действиями заставили пойти правительство на уступки. Прежняя программа была определеннее нынешней, следование которой приводит лишь к массе бесположенных жертв. Правда, сопоставив показания Яковлева и другого неназванного информатора, следователи пришли к выводу, что Яковлев в силу интеллектуальной ограниченности мог не понять некоторых вещей. Неизвестный информатор отрицал крайние революционные высказывания Милюкова и его сочувствие народолюбческой программе, что приписывал ему Яковлев.⁴⁶

Хотя показания Яковлева полицией признаны не вполне надежными, у нас есть все основания считать, что они вернее отражают реальное содержание речи Милюкова, чем его собственные признания. В пользу этой точки зрения говорят взгляды и высказывания Милюкова прежних лет. Вероятно, Милюков прямо не призывал к террору, но построил свое выступление так, что из него следовала неизбежность террора, если другие методы революционной борьбы не приведут к цели. Это подтверждает его рассказ о встрече с В.И.Лениным, записанный в 1928 г. В нем Милюков откровенно говорит о том, что в конце XIX — начале XX в. он «предсказывал переход от эволюлизма к политической борьбе и террору, видя в этом параллель с той эволюцией активизма, которая произошла и у земледельцев в процессе борьбы с царским правительством в семидесятих годах». Там же Милюков утверждает, что в народничестве его привлекала практическая сторона, т.е. террор. В «Воспоминаниях» Милюков более осторожен, когда утверждает, что дал лишь анализ ситуации в стране и революционном движении, а его слушатели, среди которых был Б.В.Савинков, сделали «практический вывод».

Кстати, позже Милюкову будет вменено в вину именно произнесение речи о народолюбческой программе и то, что, отдав ей предпочтение, он признал ее пригодной и для настоящего времени.

После речи Милюкова начались выступления других ораторов, принадлежавших к разным нелегальным группам («Комитет рабочей организации», «Рабочая библиотека», «Рабочее знамя», «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и др.). Каждый отстаивал программу своей организации. От имени «Союза борьбы» выступил М.Г.Петрашкевич, который указал, что его партия не чужда политических требований, и что на расширении программы в этом смысле настояли сами рабочие.

Милюков следил за порядком речей, а иногда резюмировал содержание некоторых выступлений. В показаниях Яковлева есть упоминание о

том, что Милюков выступил за демократию против существующего порядка престолонаследия в стране. Надо сказать, что неизвестный информатор эту часть показаний не стал опровергать.

31 декабря 1900 г. Милюков присутствовал на вечере, устроенном радикальной молодежью на квартире писателя Н.Г.Гарина-Михайловского). По сведениям полиции, Милюков был выбран председателем и руководил прениями ораторов, отстаивавших различные революционные программы. По просьбе слушательниц высших женских курсов Милюков тогда же прочел лекцию об анархизме.⁴⁷

б) В тюрьме и на воле (1901-1903)

На основании агентурных сведений в конце января 1901 г. были произведены обыски и аресты подозреваемых лиц. 29 января 1901 г. была обыскана квартира А.Н.Митинского. В этот же день был подписан приказ об обыске у П.Н.Милюкова, который состоялся в ночь на 30 января. Любопытен список изданий, изъятых у Милюкова при обыске. У него были обнаружены брошюры, выходившие в серии «Социал-демократическая рабочая библиотека», книга о польском вопросе, изданная польскими эмигрантами в Лондоне, воззвание комитета петербургской группы «Рабочее знамя» и организации «Социалист». Помимо этого, у Милюкова были найдены машинописные и mimeографированные петиции, воззвания и листовки о студенческих беспорядках 1900 г. и попытке самоубийства редактора «Северного курьера» князя В.В.Барятинского. Одна из петиций на имя Николая II об отмене исключительного закона об отдаче студентов в солдаты была написана лично Милюковым. Среди рукописных материалов, изъятых у Милюкова, были письма студентов и П.Е.Щеголева о беспорядках в университетах, подготовительные материалы к статье о студенческих волнениях, воззвание «Союза справедливых». Во время обыска у Милюкова был изъят упоминавшийся выше рукописный проект программы «Организации для охраны существующих прав личности и общества и их расширения» (другой вариант — «Организация с целью борьбы за право и законность»).

Тогда же по результатам обыска Милюкова арестовали и отправили в ДПЗ. В этот момент А.С.Милюковой не было дома. Из детей только старший Коля понял, что произошло, и сильно расстроился. Всего в ночь на 30 января был схвачен 41 человек.⁴⁸

А.С.Милюковой разрешили свидания 3 раза в неделю. Весной 1901 г. она пыталась узнать, нельзя ли выпустить мужа на каких-либо условиях, но ей ответили отказом, сославшись на незавершенность дознания. А.С.Милюкова была уверена, что никаких серьезных проступков муж не совершал и дело должно кончиться оправданием или, в худшем случае, небольшим наказанием.

Но следователи так не считали. 8 февраля Санкт-Петербургское ГЖУ возбудило дознание о Милюкове и Митинском. Последнего, кстати, арестовали 10 февраля и после допроса отпустили 13 числа, взяв подпис-

ку о невыезде. 9 и 12 февраля прошли допросы Милюкова. Следователей заинтересовали участие Милюкова в вечеринке 7 декабря 1900 г. у Митинского, нелегальная литература, изъятая во время обыска, найденная петиция на имя Николая II об отмене исключительного закона об отдаче студентов в солдаты и некий рукописный документ, озаглавленный «Организация для охраны существующих прав личности и общества и их расширения». Свое участие в вечеринке Милюков попытался представить в невинном виде. По его словам, о целях вечеринки он не знал, речь заранее не готовил, резких высказываний не делал, народовольческой программы не одобрял и не говорил о ее пригодности для настоящего времени. Свое присутствие на вечеринке объяснял желанием узнать запросы и настроения современной молодежи. Милюков утверждал, что до этого он встречался 2-3 раза со студентами в «семейных домах», так что вечер 7 декабря был «первым шагом к сближению его с молодежью». Как видим, Милюков вводил следователей в заблуждение.

Авторство петиции на имя Николая II Милюков признал. Он сказал, что просил нескольких знакомых, назвать которых отказался, доставлять ему разного рода документы, листовки и т.д. для составления петиции. Милюков утверждал, что все нелегальные издания за 2 дня до обыска ему принесла неизвестная девушка. По словам Милюкова, работу над петицией он держал в секрете, дабы не вызывать слухов, что он поддерживает студенческие выступления. Судя по некоторым данным, русские эмигранты считали именно петицию причиной ареста Милюкова. Стоит сказать, что черновик этой петиции был представлен товарищу министра внутренних дел.

Сам Милюков был уверен, что рукописный проект «Организации для охраны существующих прав личности и общества и их расширения» будет вменен ему в вину. На одном из допросов он был предьявлен Милюкову. Следователь принял проект за какой-то исторический документ, а Милюков не стал его разубеждать, и все обошлось. По словам Милюкова, эта программа, данная ему одним знакомым, свидетельствовала лишь «об одной из попыток в прошлом создать нелегальный кружок либерального направления», и не предназначалась для организации какого-либо общества.⁴⁹

В конце апреля 1901 г. был арестован бывший редактор журнала «Жизнь» В.А.Поссе за призывы к противоправительственной демонстрации. Соседом Поссе в ДПЗ оказался Милюков, который сразу же попытался перестукиваться с Поссе. Через много лет Поссе вспоминал, как Милюков во время прогулок ходил по тюремному двору с книгой в руке, и в его осанке уже тогда было что-то министерское. Как передает Поссе, в тюрьме Милюков узнал, что один из мелких литераторов, П.Панкратьев, был полицейским осведомителем, и сообщил об этом Поссе. В мае Поссе отпустили, запретив жительство в столицах, столичных губерниях, университетских городах и фабричных местностях на 3 года.

Сам Милюков провел в ДПЗ четыре с половиной месяца. 14 июня 1901 г., еще до окончания следствия, его выпустили на свободу с запрещением жить в столицах. После освобождения за Милюковым учредили особый

надзор полиции. Как признавался Милоков в письме Шишманову, на «новую главу Одиссеи» он смотрел с оптимизмом, тем более что время в тюрьме не прошло даром.⁵⁰

В ДПЗ Милоков не терял присутствия духа. Даже в заключении он не прекратил своих литературных занятий. После ареста 30 января 1901 г. Милоков взял с собой материалы для работы над «Большой энциклопедией». В ДПЗ он закончил первый и начал второй выпуск третьей части «Очерков по истории русской культуры». В одном из писем к Шишманову он сообщал о том, что набросал конспекты будущих статей. В ДПЗ Милоков увлекся народниками-беллетристами, и у него сложился план работы о народничестве, которая так и не была написана. Необходимый материал для занятий доставляла жена, которой в этом помогал библиотекарь Публичной библиотеки А.И.Браудо. Писатель К.М.Станюкович в феврале 1901 г. через А.С.Милокову попросил передать П.Н. свою книгу.⁵¹

Парадоксально, но арест и почти пятимесячное заключение в первой половине 1901 г. на время вернули Милокова к науке. Выше упоминалось, что ранее подготовленная им к печати «Древнейшая разрядная книга» вышла в свет лишь в начале января 1902 г. Введение Милокова к ней датировано 6 июня 1901 г., а местом написания указан Санкт-Петербург. Следовательно, Милоков написал введение в ДПЗ за 8 дней до освобождения.⁵²

В 1901 г. завершилось другое археографическое предприятие Милокова, также тянувшееся несколько лет — публикация «Тетради дворовой». Как говорилось выше, еще в 1894 г. Милоков намеревался опубликовать ее в «Записках» Русского археологического общества. В то время «Тетрадь дворовая» была уже набрана, но редактор «Записок» В.Г.Дружинин задержал доставку корректуры Милокову. Последний рассчитывал выправить корректуру весной или летом 1894 г., но получил ее лишь осенью 1894 г. Занятый срочными делами (особенно, в КПОДЧ) Милоков откладывал правку корректуры, пока терпение редакции «Записок» не истощилось. Когда С.Ф.Платонов стал торопить Милокова, последний 9 февраля 1895 г. ответил, что правку корректуры почти закончил, но если очередной выпуск «Записок» немедленно выходит в свет, то он не успеет подготовить к публикации другой памятник — «Тысячную книгу», которая должна быть издана вместе с «Тетрадью». Милоков предполагал окончить подготовку «Тысячной книги» для печати «не раньше пасхи» (2 апреля); указатель имен к обоим памятникам на тот момент уже был составлен Милоковым. Помимо этого, Милоков надеялся опубликовать исправления и сличение списков, а также вводную статью. Если задержка с высылкой корректур делала невозможным выход «Записок», то Милоков предлагал разобрать набор за его счет. Милокову тогда казалось, что издание сможет состояться в одном из следующих выпусков.⁵³ Вскоре последовала высылка Милокова из Москвы, прервавшая подготовку публикации. Однако работу над ней Милоков продолжал и в Рязани.

6 февраля 1897 г., накануне отъезда в Софию, Милоков выслал корректуру «Тетради» Платонову. Милоков не сомневался, что набор уже разобран, и предлагал Платонову «рискнуть еще раз», отдав ее в набор

вместе с прилагавшейся «Тысячной книгой» и сравнительным указателем. К этому времени текст «Тысячной книги» был сверен Милоковым по четырем спискам. Предисловие он собирался написать, когда будет готово издание. Милоков предполагал держать корректуру из Софии. Первую порцию он просил выслать летом, когда закончится семестр. Письмо к Платонову Милоков завершил следующим образом: «Если все это не подойдет, — без церемоний отошлите рукопись назад». Платонов еще не потерял надежды издать оба памятника, почему и отдал распоряжение о новом наборе.

В конце сентября 1897 г. Милокову в Софию была выслана корректура «Тетради дворовой». Но он не решился поправлять корректуру без оригинала, вполне полагаясь на корректора. При этом Милоков попросил выслать указатель с оригиналом, т. к. эта часть рукописи должна была набираться в первый раз. Таким образом, работа над публикацией продолжалась и в Софии, хотя ее темп явно не удовлетворял редактора «Записок». Но Платонов не переставал надеяться, что Милоков сможет довести публикацию до конца. Надежды Платонова окрепли после увольнения Милокова из Высшего училища, когда последний стал собираться в Россию. Но, видимо, получив сообщение, что Милоков в 1898 году не приедет в Россию, Платонов 15 октября приказал разобрать набор «Тетради».⁵⁴

После переезда в Петербург в 1899 г. Милоков начал правку корректур «Тетради» заново. Вскоре были готовы и корректуры «Тысячной книги». Темп работы был невысок. Нельзя сказать, насколько была виновата в этом редакция «Записок», со стороны же Милокова задержки продолжались. 11 декабря 1899 г. он извещал Платонова о задержке корректуры на несколько дней в связи с занятостью редакторской работой в «Мире Божьем»; 11 марта 1900 г. — о задержке дней на десять в связи с необходимостью «разделаться» с очередной порцией «Очерков по истории русской культуры» для журнальной публикации. Платонов терпеливо ждал. Но после ареста Милокова в начале 1901 г. для него стало совершенно ясно, что дальнейшее затягивание публикации бессмысленно. Несмотря на то, что Милоков послал последнюю корректуру из ДПЗ прямо в типографию, Платонов приказал 12 марта 1901 г. разобрать набор «Тысячной книги» и указателя имен. Корректурные листы сохранились в личном фонде С.Ф.Платонова, что позволяет определить, в каком виде планировалось издание памятника. В основу публикации был положен список «Тысячной книги» из собрания Александровского монастыря. Сейчас под названием «Епархиальный» он находится в ГИМ. Варианты к тексту «книги» давались по трем спискам. Два в свое время были опубликованы — Академический («Древняя Российская Вивлиофика») и Академический по копии В.А.Преображенского («Временник Московского ОИДР»), один — нет (Уваровский). После текста «книги» должен был идти параллельный указатель имен.⁵⁵

В конце лета — начале осени 1901 г. Платонов, вероятно, предложил Милокову издать «Тетрадь дворовую» в ближайшем выпуске «Записок»

отдельно, отложив публикацию «Тысячной книги» до следующего выпуска. При этом о судьбе набора «Тысячной книги» он ничего Милюкову не сообщил. Последний в сентябре 1901 г. послал Платонову из Удельной три письма, которые повествуют о финале этой истории. В первом из них, последовавшем, очевидно, в ответ на запрос Платонова, Милюков настаивал на одновременной публикации двух памятников, для чего был готов отложить их напечатание до следующего выпуска. Милюков мотивировал это тем, что «значительная часть интереса моей публикации заключается в сопоставлении обоих памятников и в сопровождающем их указателе, как результате такого сопоставления». Сообщив о том, что последняя корректура была отослана им из ДПЗ прямо в типографию еще ранней весной 1901 г., Милюков снимал с себя часть вины за задержку издания. При этом он предлагал в ближайшее время просмотреть и отослать для верстки оставшуюся часть текста, т.к. у него после запрещения проживать в столице оказалось достаточно свободного времени. Во втором письме, написанном через несколько дней после первого, 19 сентября, Милюков настаивал на том, чтобы «печатание было немедленно доведено до конца». В ответ на второе письмо Платонов сообщил о неизвестных Милюкову деталях. В последнем письме Платонову от 24 сентября Милюков написал, что о фактической приостановке издания он узнал только из послания Платонова, который лично отложил публикацию до следующего тома. «При этом положении дела мне остается примириться с совершившимся фактом», — заключил Милюков.

Вместе с последним письмом Платонову было выслано предисловие к «Тетради дворовой», где Милюков обещал, что в следующем томе «Записок» будут помещены текст «Тысячной книги», параллельный указатель имен для обоих памятников, указаны использованные для издания рукописи и значения издаваемых источников. Милюков этим предисловием как бы устранился от ответственности за продолжение публикации и возлагал ее на редакцию. Он подчеркивал, что передал текст «Тысячной книги» и указатель в распоряжение РАО. Платонов сам фактом публикации этого предисловия как бы принимал на себя обязательство завершить публикацию. Но уже в тот момент он внес в текст милюковского предисловия важное изменение. Милюков писал о продолжении публикации в «следующем томе» «Записок» РАО; Платонов исправил — «в одном из следующих томов». Но продолжения так и не последовало, о чем не раз высказывали сожаление историки.

В 1901 г. «Тетрадь» была опубликована в «Записках» РАО, а в конце января 1902 г. вышла отдельным изданием тиражом 100 экземпляров. В основу публикации был положен ныне утраченный список из собрания Александровского женского монастыря. Варианты к основному тексту давались по Уваровскому и Толстовскому спискам.

Три последних письма Милюкова Платонову проливают свет на причины того, почему публикация задержалась и не была окончена, и являются ответом на недоумение со стороны С.Б.Веселовского, отмечавше-

го, что «Тетрадь дворовая» в том виде, в каком ее издал Милюков, без введения, «в котором были бы освещены происхождение и значение памятника» и без указателя, «осталась незамеченной и неиспользованной историками». ⁵⁶ Что касается введения к публикации, упрек С.Б.Веселовского справедливо падает на Милюкова. Но указатель имен был передан Милюковым вместе с подготовленным к печати текстом «Тысячной книги» в распоряжение редакции «Записок».

Любопытно сравнить итоги двух публикаций, предпринятых Милюковым, — «Древнейшей разрядной книги» и «Дворовой тетради». В первом случае предисловие было написано за него С.А.Белокуровым, а указатель составлен С.К.Богоявленским, то есть, несмотря на отсутствие времени у инициатора публикации, она была доведена до конца. Во втором случае Милюков самостоятельно сделал больше — он даже составил именную указатель. Но, не говоря уже о том, чтобы кто-то написал за него введение, даже этот указатель, а с ним и вторая часть публикации — текст «Тысячной книги» — не были напечатаны, несмотря на то, что находились в распоряжении редакции.

Как представляется, в этом велика была личная роль С.Ф.Платонова. Платонов, защитивший в 1899 г. докторскую диссертацию, укрепил свое положение в академических кругах. Милюков, напротив, полностью это положение утратил. Особых мотивов для поддержания отношений с Милюковым у Платонова не было. Видимо, весной 1900 г. между двумя историками резко испортились отношения. В марте этого года произошла их встреча, после которой Милюков, по словам Платонова, «ушел в кружки». В письме М.А.Дьяконову от 4 февраля 1901 г. Платонов констатировал: «...наука его [т.е. Милюкова — *А.М., П.Т.*] потеряла». Резко разнились и их политические взгляды. Общественная деятельность Милюкова в 1900 г. вызывала у Платонова «недоумение и сожаление».

Об охлаждении их отношений свидетельствуют и следующие факты. В свое время, в начале 90-х годов, Милюков большое значение придавал форме обращения в своих письмах к Платонову. С эпитетом «многоуважаемый», писал он, «я ужасно не люблю обращаться к лицам, относящимся ко мне дружественно и к которым я отношусь дружественно». Разъяснив это Платонову, он в последующем не употреблял этого полуофициального обращения. Лишь однажды в этот период он назвал своего петербургского коллегу «многоуважаемым» — в письме из Рязани, в котором просил похлопотать за себя в министерстве народного просвещения. Но тут уж, очевидно, положение просителя заставило Милюкова перейти на формальный тон. В следующих письмах он вновь обходился без этой формы, в том числе в открытке от 11 декабря 1899 г. А вот уже следующая открытка, от 11 марта 1900 г., начинается со слова «многоуважаемый». Точно так же фигурирует оно и в трех сентябрьских письмах 1901 года. Более того, если ранее обычной формой подписи Милюкова в письмах к Платонову было «Ваш П.Милюков», то все три последних письма подписаны: «Готовый к услугам П.Милюков» — т.е. в гораздо более формальном тоне. ⁵⁷

После освобождения из ДПЗ Милюков июль и часть августа 1901 г. провел с семьей в финляндском курортном городке Ловиса (Ловиза), куда к нему приезжал П.Буайе. 19 августа А.С.Милюкова с детьми уехала в столицу, а П.Н. остался в Ловисе еще на несколько дней. Он ждал выяснения вопроса о дальнейшем месте жительства. Милюков просил разрешения приехать в Петербург на несколько дней для занятий в Публичной библиотеке, но это прошение осталось без ответа. Он планировал поселиться недалеко от Петербурга. Выбор пал на станцию Удельная в 15 минутах езды на поезде от столицы, где он осенью поселился с семьей по адресу Удельный проспект, д.36, кв.11. Милюков был рад спокойной обстановке. Ему не разрешили приезжать для занятий в Публичной библиотеке, и за книгами в Петербург ездила жена.

Осенью 1901 г. А.С.Милюкова пригласила для занятий с детьми известного педагога В.А.Герда, родного брата жены П.Б.Струве. Тот приезжал в Удельную 5 раз в неделю и давал уроки естествознания Сергею Милюкову, и уроки химии Николаю Милюкову и Владимиру Тимофееву, сыну директора дома призрения душевнобольных А.В.Тимофеева. Помимо этого, Герд учил дочь А.И.Браудо.⁵⁸

Здесь же с семьей жили поэт и писатель П.Ф.Якубович (псевдоним Л.Мельшин), бывший член партии «Народное право», А.И.Браудо, совмещавший службу в Публичной библиотеке с нелегальной деятельностью. Недалеко проживал А.В.Тимофеев, в гостях у которого Милюков познакомился с И.П.Павловым. По не вполне достоверным сведениям А.Н.Рубакина, Якубович и Милюков спорили о способах борьбы против самодержавия. Якубович настаивал на борьбе, не изменяя своим убеждениям. Милюков же соглашался с необходимостью борьбы, но предлагал вести ее «тихо». Молодой А.Н.Рубакин дискутировал по этому же поводу с Н.П.Милюковым.

В то время Удельная и другие близкие к столице станции использовались для проживания многими высланными. С осени 1901 г. по осень 1902 г. в Сестрорецке жил Мякотин в ожидании приговора. На станции Куоккала по Финляндской железной дороге поселился Н.Ф.Анненский, недалеко от Мякотина — А.В.Пешехонов. В Шувалово жил высланный Н.А.Рубакин, который, по справке Департамента полиции за 1901 г., оказывал много всяких услуг оппозиционерам разных направлений: Ю.О.Мартову, Милюкову, В.А.Мякотину. С лета 1901 г. В.И.Чарнолуцкий поселился на ст. Териоки Финляндской железной дороги.

Нередко высланные собирались друг у друга, обменивались впечатлениями и новостями. К ним приезжали знакомые из столицы, и высланные нелегально ездили в Петербург. На именинах Мякотина 12 марта 1902 г. присутствовал И.В.Гессен, тогда же познакомившийся с Милюковым и давший ему весьма лестную характеристику. Перу Гессена принадлежит одно из немногих известных описаний внешности Милюкова того периода. Стройная и невысокая фигура, чисто русское открытое лицо с жидкой русой растительностью, слегка вьющиеся волосы на красивой, точечной голове, благородная белизна рук и редкое изящество жестов.

Милюков производил впечатление жизнерадостного, спокойного и уверенного человека, в голубоватых умных глазах которого светилась пытливость и интерес к тому, что происходит. Милюков умел вести оживленный разговор, при этом был прекрасным слушателем, реплики и суждения его были прозрачны, ясны, просты и логически безупречны. Внешний вид Милюкова резко контрастировал с угрюмой внешностью народников. Он был элегантно одет, носил редкое тогда пенсне без оправы. Милюков отличался от народников тем, что не принимал участие в их обильных алкогольных возлияниях.

Несмотря на запрет, Милюков продолжал бывать в Петербурге — в Литературном фонде и в редакции «Русского богатства». Кроме того, его посещали представители либеральной общественности, например, А.Г.Горнфельд, писатель и сотрудник «Русского богатства».

В 1901 г. (1902 г.?) в Удельную приезжал бывший университетский слушатель Милюкова, Ю.В.Готье. Хозяин принял его весьма радушно и много расспрашивал о занятиях и об отношениях с Ключевским.⁵⁹

Необходимость проживать вне столицы не стала препятствием для участия Милюкова в общественно-политической борьбе. В июле-августе 1901 г. в Ловису приезжал Д.Е.Жуковский, привезший Милюкову предложение стать редактором журнала «Освобождение», издание которого планировалось в скором времени начать за границей. Согласно «Воспоминаниям» Милюкова, он отказался, указав на собиравшегося эмигрировать П.Б.Струве. С другой стороны, в статье Д.И.Шаховского и мемуарах Петрункевича вопрос о редакторстве освещается немного иначе. Среди возможных кандидатур называли П.Н.Милюкова и П.Б.Струве, и переговоры начались с обоими. Наиболее желательной была кандидатура Милюкова, но Петрункевич и его сторонники не хотели обрекать на пожизненную эмиграцию только что вернувшегося из-за границы историка. Поэтому отъезд Струве за границу был воспринят как подарок судьбы, и вопрос о редакторстве был решен автоматически.

Судя по материалам, обнаруженным К.Ф.Шаццелло, вопрос о печатном органе активно обсуждался в среде русских либералов на рубеже XIX-XX вв. Видимо, определяющим в этом деле стал 1900 г. Скорее всего, возможный выбор редактора из двух кандидатур — Струве и Милюкова — относится именно ко второй половине 1900 г. Милюков вернулся из Болгарии лишь год назад, и вряд ли был готов уезжать куда-либо за границу, фактически в пожизненную эмиграцию. Струве же в конце 1900 — начале 1901 г. составил не менее четырех черновых вариантов обращения к читателям от имени редакции планировавшегося нелегального журнала. Более того, в это время Струве за границей начал подыскивать квартиру для постоянного проживания. Эти данные наводят на мысль, что к началу 1901 г. вопрос о том, кто будет редактором издания, уже был решен в пользу Струве. Но все планы группы Петрункевича спутал арест Струве после мартовской демонстрации у Казанского собора и подчинение его гласному надзору на два года. Милюков в это время находился в ДПЗ.

Скорее всего, приехавший в Ловису Жуковский привез Милюкову повторное предложение занять пост редактора «Освобождения», т.к. Струве находился на жительстве в Твери и вопрос о его выезде за границу был далек от решения. Милюков отказался и на этот раз. Тогда единственным кандидатом в редактора остался Струве. О том, что именно к концу лета вопрос о редакторе «Освобождения» был решен окончательно, свидетельствует и тот факт, что именно с сентября 1901 г. Струве начинает получать жалованье как редактор.⁶⁰

Находясь в Удельной, Милюков не порывал связей с просветительским движением. Трудно сказать, кто был инициатором приглашения его для чтения лекций в Риге. Скорее всего, здесь сошлись интересы как Милюкова, так и Комиссии по устройству публичных лекций при русском литературном кружке в Риге. Комиссия в октябре 1901 г. предложила Милюкову прочесть в конце ноября две лекции в Риге и одну в Митаве. Темы лекций предложил, видимо, сам Милюков. Комиссия ждала от Милюкова подробный конспект лекций для получения надлежащего разрешения от властей.⁶¹ Состоялся ли выезд Милюкова в Ригу и Митаву ответить, ввиду отсутствия необходимых источников, сложно.

Высланному из Петербурга Милюкову было необходимо как-то содержать семью, поэтому в декабре 1901 г. он согласился принять на себя редактирование перевода третьего тома «Истории человечества» Г.Гельмольта. Участие должно было ограничиваться исправлением ошибок, и, по настоянию Милюкова, его имя как редактора нигде не должно было упоминаться.⁶² К сожалению, нам неизвестно, состоялось ли на самом деле участие Милюкова в редактировании или нет.

В конце сентября – начале октября 1901 г. Милюкову пришлось приглашение прочесть в Чикагском университете цикл лекций. С этого началась его международная известность. До начала XX в. он был знаком за границей лишь узкому кругу историков. В газетах и журналах читатели могли встретить фамилию Милюкова в связи с царскими репрессиями против него. Некоторую известность Милюкову среди читающей публики принесли переводы «Очерков по истории русской культуры» на немецкий, французский и чешский языки. Но наибольшую популярность накануне первой русской революции Милюков получил в Америке, где в 1903 и 1904/05 гг. прочел ряд лекций в Чикаго и Бостоне.

Все началось с пожертвования в январе 1900 г. американским бизнесменом и филантропом Ч.Р.Крейном (1858-1939) 10000 долларов Чикагскому университету на организацию серии лекций о славянских народах. Эти лекции планировались как часть программы открытых лекций, на которых могли присутствовать все желающие. Крейн задумал дать американцам достоверные сведения о России. Весной 1900 г. они вместе с ректором Чикагского университета У.Р.Харпером (1856-1906) отправились в Россию, чтобы найти лекторов для своего проекта.

Встреча Милюкова с Крейном и Харпером произошла 3 мая 1900 г. Приглашение встретиться с ними поступило Милюкову в письме Ф.Д.Батюшкова от 1 мая 1900 г. Американцы, как писал Батюшков, ищут преподавателей по истории, этнографии, истории культуры и литературы Рос-

сии, а также по славянским народам. Харпер в то время уже успел поговорить по интересующему его вопросу с М.М.Ковалевским (государственное право) и П.А.Кропоткиным (география). Помимо Милюкова, на вечер к Батюшкову были приглашены И.М.Гревс, А.С.Лаппо-Данилевский, С.Ф.Ольденбург (?) и обещала приехать В.И.Икскуль.

С другой стороны, согласно воспоминаниям Ч.Р.Крейна, встреча с Милюковым произошла в доме графа Я.Ростовцева. В том, что речь идет об одной и той же встрече, нет сомнения. Дата встречи и в первом, и во втором случаях совпадает. По воспоминаниям Крейна, на встрече, кроме Милюкова, он познакомился с В.И.Икскуль, приглашенной, как мы помним, к Батюшкову. Видимо, несовпадение мест проведения встречи могло быть результатом какого-то изменения в последний момент, и местом сбора стал дом Ростовцева.

В своих воспоминаниях Крейн утверждает, что приглашение Милюкову читать лекции было сделано сразу, но историк, заинтересовавшись предложением, отказался, т.к. не знал английского языка. Вместо себя он предложил Ковалевского, а сам обязался за год выучить язык. Другие найденные нами документы заставляют сомневаться в такой версии. Скорее всего, на встрече с Крейном и Харпером речь шла о возможности Милюкова когда-нибудь прочесть лекции по русской истории и балканским славянам. Видимо, к тому моменту американцы уже имели договоренность с Ковалевским. Последний в конце июня 1901 г. приехал в Чикаго для чтения лекций по истории государственных учреждений в России. В конце сентября – начале октября 1901 г. Милюков получил официальное, видимо, письменное приглашение от Крейна прочесть курс из 12 лекций в университете, причем точная дата, вероятно, не оговаривалась. Милюков в письме Шишманову от 5 октября 1901 г. написал, что приглашение получил на днях. Возможно, выбор Милюкова как лектора произошел не без подсказки Ковалевского.⁶³

Ценным свидетельством по затронутому вопросу служит письмо Милюкова Ковалевскому от 18 ноября 1901 г. В нем Милюков сообщал о своем желании читать лекции в 1902 г., т.к. за ним вполне возможно установление гласного надзора. Эта дата была более предпочтительной, чем 1903 г., когда Милюков надеялся вернуться к нормальным условиям деятельности в России. По мнению Милюкова, 1902 г. был более благоприятен: оставался актуальным македонский вопрос и предполагались осложнения на Балканах весной 1903 г. Правда, были не менее важные аргументы и за чтение лекций в 1903 г. Милюков не был уверен, что сможет быстро получить заграничный паспорт, и представлялась возможность позаниматься английским языком. Окончательное решение Милюков предоставил Крейну, который должен был выбрать дату приезда, но не позднее января 1902 г., т.е. примерного срока окончания дознания по делу. Милюков сообщал Ковалевскому, что думал посвятить славянам 2 лекции на тему «Борьба национальностей (также албанцев и греков) на Балканском полуострове и македонский вопрос». Быта южных славян Ми-

люков касаться не хотел, т.к. двух лекций было мало для освещения этого вопроса, да и тема «не столь животрепещущая». Остальные 10 лекций Милюков собирался посвятить истории русской культуры, т.е. познакомить американских слушателей с фрагментами собственных «Очерков». Милюков просил Ковалевского сообщить, что последний читал в курсе, дабы избежать пересечения тем.

Надо сказать, что Милюков все же немного знал английский язык. Есть достоверные свидетельства, что в 1898 г. он практиковал свое произношение в Македонии с гувернанткой-англичанкой М.М.Рид в доме русского консула А.А.Ростковского. Получив предложение от американцев, Милюков начал усиленно работать над языком, для чего пригласил для занятий молодую англичанку мисс Э.М.Хьюз.⁶⁴

В начале 1902 г. популярность Милюкова-историка получила неожиданное подтверждение в России. Он попал в список кандидатов, предложенных для избрания в почетные академики Петербургской Академии наук по разряду изящной словесности. Правда, список был весьма обширный — 47 человек, 24 из которых (в т. ч. и Милюков), предложенные кем-либо одним из академиков, не прошли даже во «второй тур», т.е. не попали в бюллетени для голосования. Но факт остается фактом. Очевидно, к разряду «изящной словесности» были отнесены милюковские «Очерки по истории русской культуры» (как впоследствии, в 1908 г., «Курс русской истории» Ключевского), впрочем, и собственно литературного творчества Милюков был не чужд.⁶⁵

За работы на пользу Болгарии кандидатура Милюкова 26 июня 1902 г. была предложена, а 11 сентября состоялось его избрание членом-корреспондентом историко-филологического отделения Болгарского книжного общества (позже — Болгарская Академия наук). Видимо, вторая дата — 20 октября 1902 г., фигурирующая в других источниках, есть дата утверждения решения отделения общим собранием общества.⁶⁶

В марте 1902 г. Милюков принял участие в нелегальной акции, связанной с проведением в столице кустарного съезда. В частной библиотеке Н.А.Рубакина состоялось заседание членов съезда при участии некоторых оппозиционных деятелей. Вступительное слово произнес Милюков, сказавший о необходимости объединения интеллигенции на основе борьбы за политические цели. Организаторы собрания наметили ряд участников съезда, которых и пригласили на следующий день на дачу Н.Ф.Анненского в Куоккалу. По воспоминаниям Оболенского, было около 20 человек. Среди них Анненский, И.П.Белоконский, Богучарский, Милюков, Мякотин, Пешехонов, Фальборк, Чарнолусский, Шаховской и др. Собрание было информационным, на нем присутствовавшие узнали о попытке сформировать единую организацию (Оболенский в мемуарах модернизирует события, когда пишет о формировании «Союза Освобождения»), общие минимальные программные установки которой сводились к борьбе за гражданские права и конституционный образ правления, о создании в ближайшее время заграничного печатного органа и т.д.

К кустарному съезду приурочил свой визит в столицу Павел Д.Долго-руков. Дело в том, что кружок «Беседа» собирался издать сборник статей «Мелкая земская единица», для участия в котором началось приглашение авторов. 9 марта 1902 г. Долгоруков посетил Милюкова и предложил ему написать очерк об истории местного самоуправления в России. Милюков такую статью не написал. Тогда аналогичное предложение было сделано М.Н.Покровскому, который подготовил обстоятельный обзор.

Во время кустарного съезда на квартире Милюкова в Удельной обсуждался вопрос о программе журнала «Освобождение». В обсуждении принимали участие Богучарский, Шаховской, Петр Долгоруков и др. Согласно мемуарам Богучарского, черновой набросок ее был составлен Милюковым, после чего отвезен в Москву. Через некоторое время программа была обсуждена небольшим кружком, затем отправлена за границу и помещена в первом номере «Освобождения».

Воспоминания Богучарского не совсем точно передают ход составления программной статьи «От русских конституционалистов», в котором Милюков принял весьма активное участие. В апреле 1902 г. Милюков вместе с женой посетил Машук, имение И.И.Петрункевича. (А.С.Милюкова отметила ухудшение личных отношений с хозяевами. Последние замкнулись в себе, стали нетерпимы. К этому добавилась и конфликт А.С.Милюковой с С.В.Паниной, приемной дочерью Петрункевича). Милюков при участии Петрункевича, Д.И.Шаховского и А.А.Корнилова написал программную статью — «От русских конституционалистов». После этого статья была коллективно обсуждена в Твери, Костроме, Вологде и Москве. По утверждению Милюкова, внесенные в текст изменения «были очень незначительны».

И впоследствии Милюков регулярно публиковал в журнале свои статьи под псевдонимами «сс» и «-сс-». Он присылал их в редакцию в машинописном виде и, вообще, старался вести дела конспиративно. Правда, сильная занятость мешала Милюкову часто писать материалы для журнала, о чем его постоянно просил редактор. Статьи Милюкова в «Освобождении» достаточно подробно рассмотрены в работах Е.В.Ульяновской и К.Ф.Шацилло, что делает излишним их детальный разбор.⁶⁷

В начале апреля 1902 г. Милюкову пришло письмо с условиями, на которых он приглашался читать лекции летом 1903 г. в Чикагский университет. Курс должен был продлиться 6 недель, по 4 часа в неделю. Милюкову полагался гонорар в 2000 долларов. По окончании чтения лекций они должны были быть напечатаны в университетской типографии. Количество лекций было увеличено в два раза по сравнению с первоначальными планами. Милюков попросил сократить их число, т.к. собирался не просто дать пересказ «Очерков», а серьезно поработать над текстом лекций, дабы представить слушателям «более философский (или даже социологический)» взгляд на вопросы, затронутые в «Очерках». Как указывал Милюков в одном из писем Н.П.Павлову-Сильванскому, он планировал подробно рассмотреть в этих лекциях вопрос о русском феодализме. Увеличение нагрузки потребовало бы дополнительного времени,

а Милокову было необходимо усовершенствовать свои знания английского. Приглашающая сторона пошла навстречу, и число лекций было сокращено до 12.⁶⁸

Сознавая необходимость попрактиковаться в английском языке, Милоков в апреле 1902 г. обратился к властям за разрешением провести 3 летних месяца в Англии при условии вернуться к осени для исполнения приговора по делу о вечеринке у Митинского. Милоков мотивировал свою просьбу тем, что его пригласили летом 1903 г. прочесть курс лекций в Чикагском университете. 6 июня 1902 г. министерством внутренних дел по согласованию с министерством юстиции ему была разрешена временная поездка за границу сроком на три месяца с 1 июля.

Между тем следствие окончилось. Еще при начале дознания прокурор рекомендовал временной канцелярии министерства юстиции, дабы Милоков не уклонился от суда, возбудить за ним особый надзор полиции. Дело Милокова было присоединено к расследованию деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Министерство юстиции предлагало МВД решить вопрос административным порядком, подвергнув Милокова гласному надзору на 3 года, а Митинского на год. Департамент полиции высказался за 6-ти месячное тюремное заключение Милокова без дальнейшего гласного надзора и полное прекращения дела в отношении Митинского. Это решение стало окончательным. 26 июня последовало высочайшее повеление о тюремном заключении Милокова на 6 месяцев. Но, прежде чем оно дошло до непосредственных исполнителей, Милоков 28 июня (по другим данным, 30 июня) выехал за границу.

Департамент полиции 18 июля 1902 г. предписал начальнику заграничной агентуры П.И.Рачковскому установить за находящимся под особым надзором Милоковым в случае прибытия в Париж, Лондон или Швейцарию секретное наблюдение. Такое же предписание было послано и А.М.Гартвику, на случай приезда Милокова в Берлин.⁶⁹

Милоков ехал в Англию совершенствоваться в языке. П.Н. заранее договорился с мисс Хьюз, что они встретятся в Лондоне, где должны были проходить их совместные занятия. В Лондоне Милоков побывал у своей кузины М.Я.Гусевой, по мужу Росс. В августе 1902 г. Милоков вместе с мисс Хьюз и мисс Паттерсон совершил небольшую экскурсию в Северный Уэльс.

Вдалеке от российского правительства Милоков позволил себе ближе познакомиться с революционерами-эмигрантами. Его первым приятелем стал И.В.Шкловский (Дионео), постоянный корреспондент «Русских ведомостей», водивший дружбу со многими изгнанниками. Милоков часто посещал дом Шкловских. От них потянулись нити знакомств к другим эмигрантам — Е.К.Брешко-Брешковской, Н.В.Чайковскому, Ф.В.Волховскому, А.Л.Теплову, А.Ф.Аладыну, П.А.Кропоткину. Упоминает Милоков и о посещении одного из социалистических митингов под председательством Г.М.Гайндмана, где Чайковский читал доклад о России. Председательствующий попросил Милокова поделиться последними российскими впечатлениями.

Правда, Милоков в мемуарах и разного рода памятных статьях редко разделяет, какие из лондонских контактов имели место летом-осенью 1902 года, а какие позднее, зимой 1903/04 г.⁷⁰

Среди прочего, у Милокова завязались в Лондоне и контакты с социал-демократами. Он побывал на квартире Ф.А.Ротштейна и в «коммуне» редакции «Искры». По воспоминаниям Н.А.Алексеева, Милоков, носившийся «с мыслью объединения всей русской оппозиции», встречался с социал-демократами (В.И.Засулич, Ю.О.Мартовым, К.М.Тахтаревым) и бундовцами (в т.ч. А.И.Кремером). В разговорах Милоков, отмечая огромную популярность марксизма, «очень упрекал искровцев за полемику против террора после убийства Балмашевым Сипягина». Он прогнозировал, что «еще один-два удачных террористических акта — и мы получим конституцию».

Чуть позже в Лондоне Милоков встретился отдельно с В.И.Лениным. Эта встреча могла иметь место в июле-сентябре 1902 г. Милоков пришел на встречу по приглашению Ленина. Точное содержание их разговора неизвестно, но, судя по припоминаниям Милокова, он был посвящен вопросам политической борьбы и возможности сотрудничества либералов и социалистов. По словам Милокова, Ленин рассчитывал «на сотрудничество “буржуазной демократии” при создании коалиционного правительства в будущей демократической республике». Вскоре разговор перешел в ожесточенный спор, в котором оба собеседника остались при своем мнении. Ленин произвел на Милокова впечатление «тяжелодума», теоретика, не способного к практической деятельности.⁷¹

В мемуарах Милоков ошибочно относит написание фрагмента «Очерков по истории русской культуры», посвященного общественным настроениям екатерининской эпохи, к своему пребыванию в Лондоне зимой 1903/04 г. На самом деле он работал в библиотеке Британского музея над данным фрагментом не зимой 1903/04 г., а в рассматриваемый отрезок времени, летом-осенью 1902 г.⁷²

2 августа 1902 г. Особый отдел Департамента полиции отдал распоряжение начальникам жандармских пограничных пунктов, что при возвращении Милокова из-за границы его следует подвергнуть тщательному обыску и при обнаружении чего-либо подозрительного задержать и телеграфировать в департамент для дальнейших указаний; в противном случае — предоставить свободно следовать, уведомив Департамент о направлении избранного пути. Распоряжение это свидетельствует (как и само разрешение выехать за границу) об известном доверии Милокову со стороны властей. Все-таки они относили его в то время к числу «очень почтенных лиц, которых никоим образом нельзя причислить к революционерам, ... но которые вели оппозиционную политику против всех правительственных мероприятий, почему борьба с ними, по мнению министра внутренних дел, в пределах, предоставленных ему законом, являлась прямым его долгом».⁷³

12 сентября А.С.Милокова обратилась к директору Департамента полиции А.А.Лопухину, а 16 сентября к товарищу министра внутренних дел

П.Н.Дурново с просьбой отсрочить исполнение приговора ее мужа до 1 октября (до которого ему было разрешено жить за границей) и разрешить провести время от 18 сентября (предполагавшаяся дата приезда) до 1 октября с семьей на станции Удельной. По ее словам, она 8 раз была в разных учреждениях, дабы мужа не арестовали на границе. Милюкова обещала, что на прием к товарищу министра Милюков сам явится на следующий день после приезда, 19 сентября. Но Милюков прибыл в Петербург не 18-го, а 20 сентября. В мемуарах он пишет, что попал «с корабля в тюрьму»: «Захватив из дома подушку, я отправился в “Кресты”, ... где на этот раз была назначена отсидка. Но — было воскресенье и меня в тюрьме не приняли. Я вернулся к семье, в Удельную и, уже лучше оснащенный, в сопровождении жены, совершил на следующее утро свое путешествие в тюрьму». На деле его возвращение и «посадка» были не столь эффективны.

20 сентября 1902 г. была пятница, из порта Милюков отправился на Финляндский вокзал, т.е., очевидно, домой, в Удельную, а 23 сентября, в понедельник, явился на прием к Дурново, который разрешил ему остаться в Санкт-Петербурге до 1 октября. Как жаловалась Милюкова, различные визиты почти не оставили времени для общения между супругами. В среду, 2 октября, Милюков, провожаемый всей семьей, явился к начальнику тюрьмы и был помещен в одиночное заключение на 6 месяцев.

3 октября А.С.Милюкова получила разрешение свиданий с мужем «вместо одного, три раза в неделю». Свиданий никто не прерывал, и супруги подолгу беседовали. Милюков гулял два раза в сутки, к работам не привлекался. По сведениям Мякотина, Милюкову обещали сократить срок на два месяца, а после отбытия наказания даже разрешить жительство в столице.

Милюков набрал в тюрьму массу английских книг для работы над лекциями. В этом ему помогала жена, делая для него справки и прочитывая главы книг для последующего пересказа.

О заключении Милюкова в тюрьму было сообщено в ряде европейских газет. В письмах, перлюстрированных полицией, высказывалось неодобрение полицейскому произволу.⁷⁴

Милюков отсидел полмесяца в тюрьме, когда 18 октября 1902 г. вышла в свет подготовленная им еще летом книга «Из истории русской интеллигенции» — сборник статей за 1891-1901 гг. Автор рассматривал ее в качестве дополнения к третьей части «Очерков по истории русской культуры». Подбор статей был достаточно пестрый — от исследовательских до сугубо публицистических. Однако и наиболее выделяющуюся из тематики сборника статью — «Верховники и шляхетство» — Милюков сумел поставить на службу своим политическим целям. Статья и сама по себе была «актуальна», поскольку в ней рассматривалась попытка «конституционного» переворота, предпринятая Верховным тайным советом в 1730 г. при воцарении Анны Иоанновны. Но Милюков решил сделать эту актуальность еще более наглядной — приложить к статье факсимиле подписанных (а впоследствии разорванных) Анной «кондиций» — прообраза кон-

ституции. Подлинник «кондиций» хранился в Государственном архиве МИД. 14 июня 1902 г. Милюков спрашивал в частном письме мнение Н.П.Павлова-Сильванского, служившего в архиве, нельзя ли сфотографировать этот документ. Далее дело пошло официальным порядком и 25 июня министр иностранных дел В.Н.Ламздорф во всеподданнейшем докладе представил Николаю II подлинник кондиций. Видимо, царь дал принципиальное согласие на просьбу Милюкова, но повелел предложить ему возбудить официальное ходатайство. За день до отъезда за границу, 27 июня 1902 г., Милюков подал прошение на имя директора архива С.М.Горяинова. Просьбу свою о публикации факсимиле «кондиций» он подкреплял тем аргументом, что документ этот был уже описан ранее, в 1880 г., в книге Д.А.Корсакова «Воцарение императрицы Анны Иоанновны» и, таким образом, особой тайны не представлял. В.Н.Ламздорф во всеподданнейшем докладе 6 июля представил просьбу Милюкова на усмотрение царя и получил согласие (следует иметь в виду, что в промежутке между двумя указанными докладами Ламздорфа царь 26 июня повелел подвергнуть Милюкова тюремному заключению). Поскольку Милюков был в это время за границей, делом о фотографировании занимался его доверенный, заведующий конторой книгоиздательского товарищества «Знание» С.П.Боголюбов.

Однако на этом дело закончено не было. Бдительность проявил Петербургский цензурный комитет. 21 сентября он обратился в ГУДП, т.к. признал вопрос о публикации факсимиле выше своей компетенции, особенно «в сочинении такого популярного писателя, как профессор Милюков». Начальник ГУДП В.С.Адикаевский обратился с запросом в Государственный архив, «было ли дано разрешение профессору Милюкову снять снимок с означенных кондиций и публиковать их в печати». Получив подтверждение, Адикаевский уведомил цензурный комитет, что разрешить напечатать снимок при условии, чтобы он был «неотъемлемой частью названной книги, но отнюдь не печатался в виде отдельных оттисков».

К концу ноября 1902 г. было продано более 3000 экземпляров. Столь широкая популярность книги, по мнению А.С. Милюковой, была связана с заключением мужа в тюрьму. Спрос на сборник был так велик, что книга была переиздана в 1903 г.⁷⁵

А.С.Милюкова продолжала хлопотать о смягчении участи мужа. Она вновь побывала в Департаменте полиции, но Лопухин отклонил ее ходатайство. Тогда, по-видимому, она решила действовать через В.О.Ключевского. Отношения двух историков замерли на той фазе, в которой они находились перед отъездом Милюкова из Москвы в 1895 г. В дальнейшем они могли измениться разве что в худшую сторону. В 1899 г. Милюков печатно высказал резкое суждение о курсе русской истории Ключевского, тем более неуместное, что курс еще не был опубликован, а имелись лишь немногочисленные литографированные экземпляры лекций в крупнейших российских библиотеках. Большинству читателей приходилось верить Милюкову на слово. Впрочем, Ключевский не терял из виду семью Милюковых. Так, весной 1901 г. В.С.Богоявленская, родная сестра

А.С.Миллюковой, два раза встречалась с В.О.Ключевским, с которым много говорила об этой семье.

Ключевский согласился ходатайствовать за Миллюкова. Сохранились черновик его писем к министру внутренних дел В.К.Плеве от 30 ноября и недатированный к С.Д.Шереметеву (сын Шереметева был другом детства Николая II). Кроме того, в мемуарах Миллюков пишет, что, по словам Плеве, Ключевский говорил о его деле с царем, которому сказал, что Миллюков «нужен для науки» и его «нельзя держать взаперти». О том же есть упоминание в посмертной статье об А.С.Миллюковой. Данное обстоятельство вызывает некоторые сомнения. В 1902 г. великого князя Георгия Александровича, которому Ключевский когда-то преподавал в Абастумане, уже не было в живых, поэтому повода для доступа ко двору Ключевский не имел. Более того, в своем письме Миллюкову после его освобождения Ключевский не упоминал о ходатайстве перед царем, а говорил только о письме к Плеве.⁷⁶

5 декабря, будучи в Ливадии, царь разрешил освободить Миллюкова от дальнейшего содержания в тюрьме. Миллюков пишет в мемуарах о двух своих встречах с Плеве перед освобождением, причем удивляется, что охраняли министра «атлеты в костюме скорее лакеев, нежели стражи или чиновников». Дело в том, что Плеве принимал Миллюкова не в министерском кабинете, а у себя на служебной квартире, располагавшейся в здании министерства.

Дата первой встречи точно неизвестна (видимо, сразу после 30 ноября). По свидетельству А.С.Миллюковой, которой об этом рассказал муж, Плеве вызвал Миллюкова к себе, говорили около часа о причинах полицейских преследований историка. Плеве сказал, что получил письмо от Ключевского в защиту Миллюкова и потому пригласил на встречу. По данным Л.Винера, полученным от Миллюкова в 1904 г., первоначально Плеве поинтересовался у Миллюкова, что бы последний делал, если бы был в настоящий момент профессором. Миллюков ответил, что не время быть профессором. На другой вопрос Плеве, согласился ли бы ученый занять пост министра народного просвещения, Миллюков ответил отрицательно. На вопрос Плеве о причинах такого ответа Миллюков сказал, что «на этом месте ничего нельзя сделать. Вот если бы ваше превосходительство [на самом деле Плеве был “высокопревосходительством” — А.М., П.Т.] предложили мне занять ваше место, тогда я бы еще подумал». По данным Л.Винера, весь разговор длился около двух часов. Никаких явных результатов беседа не принесла.

Вторая встреча с Плеве состоялась 10 декабря. Министр предупредил Миллюкова, чтобы тот не вступал в открытую борьбу против самодержавия, «иначе — мы вас сметем!» Миллюкова освободили на следующий день после встречи, 11 декабря.

Выйдя из тюрьмы, Миллюков поблагодарил Ключевского за помощь и коснулся вопроса об их взаимоотношениях. В ответном письме Ключевский также завел разговор об отношениях с Миллюковым. Судя по записям Ключевского, ответное письмо было написано между 24 и 26 декабря

1902 г., после чего послано Миллюкову. К сожалению, известен лишь его неполный черновик.⁷⁷

Освободившись, Миллюков занялся подготовкой курса лекций для американских слушателей. Свое освобождение Миллюков воспринял, видимо, как некоторое смягчение отношения российских властей к себе. Он чаще начинает бывать в столице, посещая заседания всевозможных обществ.

30 января 1903 г. после более чем годичного перерыва (предыдущее заседание состоялось 9 декабря 1901 г.) собрался комитет Исторического общества. Собравшиеся признали кризисное состояние общества и выразили обеспокоенность за его судьбу. Присутствовавший на заседании Миллюков счел известные всем препятствия достаточными для объяснения настоящего положения дел. Для активизации работы общества на 6 февраля было назначено общее заседание.

На собрании 6 февраля 1903 г., которое было посвящено обсуждению мер, необходимых для оживления деятельности общества, И.М.Гревс предложил привлечь к работе как можно больше новых членов, составить план деятельности и образовать ряд секций. Лаппо-Данилевский стал настаивать на немедленном принятии комитетом этого постановления. Миллюков в завязавшейся дискуссии поддержал Гревса. Он предлагал принять проект Гревса, а к будущему собранию привлечь как можно больше лиц для его конкретной разработки. По мнению Миллюкова, эту задачу должен был решать обновленный комитет. Для выборов нового комитета и оживления деятельности общества следовало как можно быстрее устроить годичное собрание.

В результате комитет решил собрание пока не созывать, а заняться созданием секций из членов комитета и приглашенных лиц. Миллюков был выбран в бюро для подготовки работы секций.

Миллюков принял активное участие в создании секции русской истории, предварительное собрание которой состоялось 14 февраля 1903 г. На нем решили представить проект секции общему собранию, переговорить с желающими работать, включить тех, кто пришел на заседание секции, в состав общества, а по утверждению проекта секции созвать учредительное собрание. Приняла секция и предложение Миллюкова собираться ежемесячно с апреля 1903 г., не определяя раз и навсегда дня заседания.

20 февраля 1903 г. комитет поручил Миллюкову составить от имени общества адрес А.Н.Пыпину по случаю 50-летия его литературной деятельности.⁷⁸

Очередное закрытое годовое собрание было назначено на 17 апреля 1903 г. Кареев телеграммой известил членов, что быть не сможет. Председательствовать на собрании было поручено Миллюкову. На заседании был прочитан и принят отчет предыдущего собрания, отчет секретаря за 1901 г., казначейский отчет (неясно, кто составлял — Миллюков или Семевский), заключение ревизионной комиссии, ответ комитета на замечания ревизионной комиссии. По предложению Миллюкова, председатели секций сделали небольшие сообщения об организации секций. После перерыва С.А.Венгеров прочел доклад о реакции 1848-1855 гг. По поводу доклада

Милюков высказал ряд возражений, главное из которых сводилось к неприятию венгеровской попытки «разрушить легенду о петрашевцах». Милюков считал, что не стоит выдумывать им новую характеристику, т.к. петрашевцы – социалисты, так их и надо называть. В конце заседания Милюков и Семевский предложили в члены общества В.Н.Сторожева и Н.И.Игнатовича. После этого заседания Милюков не был ни на одном собрании комитета или общества. В документах он значится как сложивший полномочия члена комитета с 10 марта 1904 г.⁷⁹

Спорадически Милюков появлялся на заседаниях вольного экономического общества. За зиму-весну 1903 г. он посетил два заседания Совета общества, а 25 апреля был переизбран членом Совета от общего собрания. За весь следующий, 1904 г., Милюков посетил заседание Совета общества лишь раз. Отсутствие Милюкова в течение 1904 г. в Петербурге, наряду с высылкой из столицы Н.Ф.Анненского и Г.А.Фальборка, было одной из причин неэффективности работы Совета ВЭО, как сообщалось в ежегодном отчете общества.⁸⁰

Об общественно-политической деятельности Милюкова после выхода из тюрьмы известно немного. Видимо, в начале 1903 г. И.В.Гессен привлек его к участию в сборнике статей «Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Милюков написал введение и проанализировал в нем правительственную политику, работы ряда местных комитетов и т.д.

Левая репутация Милюкова в глазах радикальных деятелей приводила к неожиданным последствиям, о которых сам Милюков сообщает в «Воспоминаниях» и в статье «Памяти К.К.Брешковской». Дело в том, что В.А.Мякотин предложил Милюкову занять освободившееся место в Центральном комитете партии социалистов-революционеров. Милюков отказал Мякотину, сказав, что не считает себя социалистом, чем вызвал недоумение собеседника. Это предложение явно связано с арестом в ноябре 1902 г. члена эсеровского ЦК П.П.Крафта. Вряд ли Мякотин говорил с Милюковым об этом, когда последний находился в тюрьме. Следовательно, подобное предложение Мякотин мог сделать в январе-апреле 1903 г. Приведенное Милюковым свидетельство вполне надежно, т.к. появилось в печатном виде еще при жизни Мякотина, который не стал его опровергать.⁸¹

Наряду с активной общественно-политической деятельностью, у Милюкова сохранялась связь с наукой. Весной 1903 г. он по приглашению организационного комитета Академии наук принял участие в предварительном съезде русских славистов в Петербурге. Съезд прошел с 10 по 15 апреля. Во время работы съезда Милюков посетил заседания двух секций и одной подсекции. Первая секция, призванная обсудить вопрос о созыве предстоящего съезда славистов, собралась 10 апреля. Милюков выступил на заседании по ряду вопросов. Он вместе с другими участниками высказался за проведение местных славяноведческих совещаний перед основным съездом. Это решение получило полную поддержку секции.

Собравшиеся одобрили предложение Милюкова о выделении доисторической археологии «земель, занятых славянскими племенами» в отдельную секцию.

В развернувшейся дискуссии об организации работы секций будущего съезда Милюков выступил за полную свободу докладчиков в выборе тем. Большинство его поддержало, и по вышеназванному вопросу было принято постановление в предложенной Милюковым формулировке. Работа по основным вопросам съезда должна была организовываться с участием обязательных докладчиков. При этом, докладчикам разрешался свободный выбор тем сообщений при обязательном условии заблаговременно поставить оргкомитет в известность о теме доклада и представить его текст для напечатания.

Последним стал вопрос о языке съезда. Выявились два противоположных мнения, первое из которых отстаивал И.В.Ягич, предлагавший делать доклады на общих заседаниях только на русском, допуская на секциях сообщения на других языках. За равноправие всех языков на общих заседаниях и секциях выступил А.А.Шахматов. Его поддержал Милюков. В конце концов, собравшиеся постановили допустить чтение докладов на общих собраниях и секциях предстоящего съезда на всех славянских языках, а также на французском, английском, немецком и итальянском.⁸²

Вторая секция, посвященная разработке «Славянской энциклопедии», заседала 11 апреля. Одним из центральных стал вопрос о языке предполагаемого издания. Большинство ораторов высказалось за русский. Но у этого мнения нашлись противники. Известный славист, профессор Боннского университета Л.К.Гетц, опасаясь, что публикация энциклопедии на русском языке не достигнет цели ввиду малого распространения последнего, предложил официальным языком издания сделать латинский. Секция отклонила это предложение.

Дабы развеять возможные сомнения относительно узкого распространения издания на Западе В.И.Ламанский, А.А.Шахматов и И.В.Ягич сообщили, что иностранные авторы энциклопедии получают ряд отписок своих статей на родном для них языке в случае отказа от гонорара. Помимо этого, Ягич заявил, что Академия наук не будет препятствовать переводу энциклопедии на другие языки. В последующем обмене мнениями принял участие и Милюков. Он предложил печатать отписки не только для сотрудников, но и для всеобщего распространения. В ответной реплике Ягич назвал данное предложение роскошью.

Под конец заседания секции вопрос о языке возник вновь. Милюков прочитал записку, подписанную, кроме него, Л.К.Гетцем и академиком К.Г.Залеманом. В записке авторы предлагали выбрать немецкий язык официальным языком энциклопедии. Широкая распространенность и доступность немецкого языка в сочетании с возможностью привлечения большого числа западных ученых (в т.ч. славянских) благотворным образом сказались бы на научной стороне предприятия. Принятие вышеназванного предложения, по мнению его авторов, делало невозможным создание более авторитетной, чем у Академии наук,

энциклопедии путем перевода ее на немецкий язык с небольшими добавлениями к уже имеющемуся материалу. Наконец, русский отдел только тогда был бы поставлен в определенные границы, не нарушающие общего тона и пропорциональности, если бы энциклопедия обращалась к иностранным читателям и ученым. Это предложение, поставленное на голосование, было отклонено.

Вероятно, предложение Гетца, Залемана и Милюкова вызвало критику вне заседания секции со стороны части славистов, усмотревших в нем некий политический подтекст. Надо сказать, что корреспонденты ведущих столичных газет — «Санкт-Петербургских ведомостей», «Нового времени» и «Новостей и биржевой газеты» — ограничились передачей хода дискуссии. В ряде изданий («Биржевые ведомости», «Русские ведомости» и др.) даже не упоминались фамилии инициаторов предложения. Зато в правой газете «Слово» поступок Милюкова был осужден. Неодобрительно отозвался о русском участнике съезда, предложившем издать «Славянскую энциклопедию» на немецком языке, и «Кремль» Д.И.Иловайского. Правда, фамилия Милюкова не была названа.

Уже после окончания съезда предложение об издании «Славянской энциклопедии» на немецком языке раскритиковал постоянный автор «Нового времени» Н.А.Энгельгардт. Он настаивал на необходимости придать энциклопедии не узконаучный, а широкий характер для пробуждения национального самосознания и взаимного обогащения опытом и мыслями славянских народов между собой. Для этой цели, настаивал Энгельгардт, языком энциклопедии должен быть русский, а к работе над энциклопедией необходимо привлечь не только ученых, но и публицистов, и литераторов.

В обзорных статьях о съезде правые слависты (А.С.Будилович, В.Н.Кораблев и Ю.Яворский) расценили поступок Милюкова как предательство национальных интересов России. С другой стороны, Милюкова защищал И.А.Бодуэн де Куртенэ, а корреспондент «Русской мысли», укрывшийся за криптонимом «Х.Х.», в заметке о съезде сообщил о предложении Гетца и Милюкова без комментариев. Правда, автор сделал осторожное предположение о возможном более широком распространении энциклопедии именно в немецком переводе.⁸³

На заседании второй секции 11 апреля было создано несколько подсекций, в т.ч. истории и права, которую возглавил А.С.Лаппо-Данилевский. Подсекция заседала 12 и 13 апреля и в ее работах Милюков принял самое активное участие. Центральным на заседании стал вопрос о научной группировке отделов в энциклопедии. Милюков предложил расположить материал по народностям и выделил предметные вопросы. Вспомогательные науки, по мысли Милюкова, должны были быть рассмотрены как отдельно, так и в виде вступительного отдела к историческому очерку каждой народности. Предложение Милюкова вызвало ряд возражений, и, прежде всего, со стороны А.С.Лаппо-Данилевского. После бурного обмена мнениями собравшиеся одобрили предметный принцип построения энциклопедии, поручив профессору А.Н.Ясинскому выра-

ботать более подробный план группировки материала в историческом отделе к следующему заседанию подсекции.

На следующий день председательствующий Лаппо-Данилевский вернулся к вопросу о группировке материала, выступив против предметного принципа. Еще на прошлом заседании подсекции он предложил комбинированный принцип распределения материала в энциклопедии. В ходе дальнейшего обсуждения комбинированная группировка была одобрена большинством. В основу изложения истории славян был положен принцип деления по народностям. Помимо этого, предполагалось отдельно рассмотреть древнейшую общеславянскую историю и дать ряд сравнительно-исторических очерков явлений, которые были общими для нескольких славянских народов или для всего славянства.

Милюков принял участие в обсуждении предложения Ф.Ф.Зигеля о выделении статей по славянскому праву как специальных исследований в особый раздел.

15 апреля на общем собрании съезда Лаппо-Данилевский сделал доклад о результатах работы подсекции, в котором сообщил о выработанной примерной программе исторического отдела энциклопедии, построенной на комбинированном принципе группировки материала.

После съезда Академия наук 23 мая 1903 г. выслала эту программу всем участникам съезда, прося до 1 октября сообщить свои замечания. Такая программа была послана и Милюкову. Скорее всего, он ничего не ответил. Милюкова не было среди ученых, заявивших о своем участии в первом съезде славистов, запланированном на 1904 г.⁸⁴

в) Заграничные поездки (1903-1904)

5 мая ст. ст. 1903 г. Милюков выехал из Петербурга в Лондон. Жена с детьми на лето отправились в Германию на Балтийское море. Милюков, проведя несколько дней в городе, 23 мая н.с. 1903 г. отплыл из Лондона в Нью-Йорк первым классом на пароходе «Миннеаполис» компании «Атлантик Трэнспорт Лайн». На карте, напечатанной на обложке пассажирской книжки, он делал отметки о плавании. Последняя запись датируется 1 июня. До американского берега оставалось чуть более 300 миль. Видимо, 2 июня Милюков благополучно прибыл в Нью-Йорк, весьма довольный путешествием.⁸⁵

В Нью-Йорке Милюкова встретил Крейн, у которого лектор прожил до начала учительского съезда. 23 июня 1903 г. начались лекции Милюкова «Русская цивилизация» в Чикаго, продолжившиеся до 24 июля. По утверждениям американских исследователей лекции Милюкова посещались очень хорошо. Правда, слушатель лекций русский эмигрант, инженер П.А.Козьмин свидетельствовал, что Милюков читал слишком научно для американцев. В результате чего от почти 500 человек на первой лекции к 6-й осталось лишь 30 вместе с Козьминым. Козьмин хотел устроить лекции Милюкова в одном из клубов в Милуоки. Скорее всего, они не состоялись.

По сообщению неизвестного корреспондента журнала «Освобождение» русский консул в Чикаго барон А.А.Шлиппенбах с помощью сотрудников консульства попытался уличить Милукова в антиправительственных высказываниях во время лекций, но это у него не получилось. Крейн, пригласивший Милукова и вынужденный общаться со Шлиппенбахом, постарался, чтобы они не встречались друг с другом у него дома, тем более что Милуков по прибытии в город не нанес положенного визита консулу. Эта же заметка сообщает, что лекции прошли с успехом, а на последних двух лекциях — о социалистическом движении и итоговая — аудитория была полна.⁸⁶

В университете Милуков познакомился с несколькими местными профессорами: У.Мас-Арнольтом, Деннисом. Встретил он в университете и японского лектора Иенагу (Yenaga), умело маскировавшего под научные лекции агитацию в пользу Японии. Профессор Мас-Арнольт помог Милукову исправить некоторые шероховатости его выступлений.

После окончания лекций Милуков должен был подготовить на их основе книгу. Мас-Арнольт предложил Милукову поселиться у своих друзей, Робинсонов, на станции Белмонт, штат Массачусетс. Здесь, недалеко от Бостона с его прекрасной Гарвардской библиотекой, Милуков продолжил работу над книгой, начатую в Чикаго. В письме от 15 августа н.с. 1903 года Милуков сообщает Крейну, что уже четыре главы книги пошли в печать. Милуков надеялся в Белмонте просмотреть первые гранки.

Помимо работы над книгой, Милуков совершил несколько экскурсий, в т.ч. на Ниагарский водопад, в Монреаль, в Бостон. Вернувшись из очередной экскурсии Милуков прочел заметку о беспокойном настроении в Македонии. Потом пришло известие об убийстве русского консула в Битоли, знакомом Милукова, А.А.Ростковского. Первоначально запланированное путешествие Милукова в Македонию срывалось, и он отправился по маршруту Лондон-Париж-София. В Софии Милуков планировал собрать материал для статьи о болгарской конституции, которую он обещал редакции «Русского богатства». Узнав о выезде Милукова в Европу 2 сентября н.с., Крейн решил поехать с ним. В планах Милукова было проработать до конца сентября в Лондоне над текстом книги по материалам лекций, которая уже печаталась в университетской типографии. Оттуда Милуков планировал ехать на Балканы. Судя по всему, план Милукова удался и в 20-х числах сентября 1903 г. он выехал из Лондона в Вену. Видимо, здесь Крейн и Милуков встретились, после чего оба направились в Болгарию. Уже из Болгарии Милуков отправил в редакцию «Русских ведомостей» статью «С македонской границы». Крейн по возвращении в Америку также написал статью о борьбе за свободу Македонии.

Милуков и Крейн проехали по стране (Тырново, Стара Загора, Адрианополь) и на несколько дней заглянули в Софию. Крейн купил в столице несколько картин местных художников на 15000 левов. Милуков убеждал Крейна «огрбить родственников» и дать денег в пользу македонского дела. Кроме того, Милуков говорил с Крейном по поводу переиздания книги К.Иречека «История болгар». Через Милетича Милуков просил

сообщить о предложении Иречеку. Но последний отказался начинать переработку издания, тем более, что один издатели в Вене собирался переиздавать его книгу на немецком в недалеком будущем.

Из Софии экскурсанты перебрались в Вену, откуда 22 октября 1903 г. Крейн уехал в США. Милуков пробыл в городе еще около недели, встретил А.С.Милукову, которая приезжала сюда навестить его, и отбыл в начале ноября в Лондон.⁸⁷

Ноябрь 1903 — апрель 1904 гг. Милуков провел в Лондоне. Выше упоминалось о связанной с этим ошибке в его мемуарах при датировке второго выпуска третьей части «Очерков». Он действительно работал зимой 1903/04 г. в библиотеке Британского музея над «Очерками», но только над первой их частью, готовил ее пятое, исправленное и дополненное, издание. В эту наиболее популярную часть «Очерков» Милуков вносил изменения и дополнения при каждом новом издании, вплоть до революции. Но работа над пятым изданием запомнилась ему особо, очевидно, в связи с тем, что в текст были внесены некоторые изменения, имевшие принципиальный характер. Дело в том, что перед этим Н.П.Павлов-Сильванский, выдвинувший концепцию русского феодализма, критиковал чрезмерное, по его мнению, противопоставление в первой части «Очерков» русского и западноевропейского исторических процессов. Милуков внес в свою трактовку изменения, которые были с восторгом зафиксированы Павловым-Сильванским.

В библиотеке Британского музея Милуков встречался с другим русским автором, С.Г.Сватиковым. Последний собирал материал для диссертации о развитии конституционных идей в России в 1730-1819 гг., защищенной в 1904 г. в Гейдельберге.

В конце 1903 г. к Милукову, по поручению книгоиздателя М.В.Пирожкова, обратился М.К.Лемке с предложением переиздать «Государственное хозяйство...». Милуков в то время находился в Англии и перепоручил все необходимые дела жене. Тем не менее, контракт был послан лично Милукову на подпись. Деньги за переиздание получила жена. Милуков согласился на новую пагинацию и внес через жену небольшие редакторские изменения в книгу.

Из Лондона Милуков выслал короткое предисловие, датированное 9 февраля 1904 г. То, что книга выпускалась в неизменном виде, Милуков объяснял отсутствием времени для работы над ней. Но и при наличии досуга книга была бы переиздана нескоро, тогда как первое издание уже вышло из обращения в 1902 г. В конце концов, последующие работы лишь немного изменили бы выводы автора, и переработка свелась бы к деталям, заключал Милуков. Хотя на обложке был указан 1905 год, реально книга появилась в ноябре 1904 г.⁸⁸

Именно к 1903/04 г. относится устройство Милуковым с помощью фотографа Н.Э.Любошица выставки, посвященной Македонии. Основу выставки составили снимки, привезенные Милуковым из русской академической экспедиции 1900 г. На обратном пути из Америки 1905 г. Милуков собирался забрать снимки в Россию, но, судя по всему, ему не

удалось заехать в Лондон.⁸⁹ Дальнейшая судьба около 600 фотографий, сделанных лично Милуковым в Македонии, неизвестна.

Вдали от российских властей Милуков позволял себе водить дружбу с радикальными лидерами, находившимися в Англии в эмиграции. К знакомствам 1903/04 г. надо отнести встречу с Е.К.Брешко-Брешковской. Последняя попыталась сагитировать Милукова присоединиться к эсерам, на что Милуков ответил отказом. Хотя цель у них была одна — борьба с самодержавием, но вот подходы, по мнению Милукова, отличались. Позже Милуков встретил Брешко-Брешковскую в Чикаго, в конце 1904 г. На одной из встреч, где она собирала деньги для эсеровской партии, Милуков был ее переводчиком.

Видимо, в 1903 г. (?) по собственной инициативе Милуков познакомился в Лондоне с писателем В.Г.Чертковым. К зиме 1904 г. относится знакомство Милукова с П.А.Кропоткиным.

Помимо русской эмиграции, Милуков познакомился и с рядом левых английских деятелей (А.Г.Гардинер, Г.У.Массингам, Д.Перрис). Видимо, к этому времени относится встреча с членом фабианского общества, будущим премьер-министром Великобритании Д.Р.Макдональдом.

Находясь в Лондоне, Милуков переписывался с редактором «Освобождения» П.Б.Струве. Последний предложил написать для журнала статью о Македонии, от чего Милуков отказался, не желая отвлекать внимание русского общества от задач на Дальнем Востоке. Для этого Милуков предлагал начать дискуссию о «позиции оппозиции по отношению к войне и созданному ею положению». Милуков просил Струве возражать: «Но если можно, не на то, в чем мы, очевидно, не сговоримся, а на то, что могло бы вести разъяснение вопроса далее и дать мне повод продолжить». Милуков считал, что «было бы полезно установить точную меру ... обвинений по поводу войны», устранив слишком принципиальную и абстрактную точку зрения, но не занимая «общей почвы с правительством и русскими шовинистами».

Как следствие этой переписки в марте 1904 г. в «Освобождении» во вновь открытой рубрике «Война и русская оппозиция» появилось милуковское «Письмо к редактору», ответ Струве, а в апреле — очередное «Письмо к редактору» Милукова.⁹⁰

В Лондоне Милуков активно работал над текстом предстоящих лекций для Чикагского университета по балканским славянам. Параллельно он готовил текст оговоренной книги по курсу лекций 1903 г. Судя по всему, в Лондоне Э.М.Хьюз прочла и выправила готовый к тому моменту материал. К февралю 1904 г., по уверению Милукова, не была готова лишь последняя глава. На ее написание и редактирование он думал отвести один месяц. Правда, в письме Крейну от 20 февраля 1904 г. Милуков предлагал отложить публикацию книги в связи с началом русско-японской войны. Возможно, это было связано также с приглашением Милукова прочесть курс лекций в Бостоне.

В конце января 1904 г. Милукову в Лондон пришло официальное приглашение от Института Лоуэлла прочесть восемь лекций о русской эко-

номике, финансах и политике. Вполне возможно, что знакомство Милукова и попечителя Института А.Л.Лоуэлла (1856-1943) состоялось еще летом 1903 г. благодаря Крейну.

Милуков согласился на курс лекций, обещая в бостонских чтениях сделать упор на финансы и экономику, т.к. о политике он много говорил на лекциях в Чикаго. То, чикагский и бостонский курсы хорошо дополняли друг друга. Лоуэлл приглашал Милукова прочесть лекции в середине или конце зимы 1904/5 г. Милуков попросил Лоуэлла связаться с Харпером, чтобы выяснить вопрос о времени лекций. Самому Милукову хотелось сперва прочесть курс лекций в Бостоне, а уже потом — в Чикаго. Это было связано с желанием Милукова вернуться через Тихий океан, дабы познакомиться с «нашими бравыми врагами», японцами.

Точное содержание переговоров между Лоуэллом и Харпером неизвестно, но, судя по всему, Харпер настоял, на том, чтобы вначале Милуков подготовил курс по балканским славянам. Только после этого Милуков мог читать лекции в Бостоне. Лекции в Институте Лоуэлла были назначены на осень 1904 г. В августе 1904 г. Милуков попросил американских организаторов отложить лекции до зимы. В результате первая лекция в Бостоне была назначена на 29 ноября н.с.⁹¹

Для подготовки курса по балканским славянам Милуков первоначально предполагал выехать из Лондона в Софию в середине февраля 1904 г. Поездка на Балканы состоялась весной 1904 г. 19 апреля Милуков отправился из Лондона напрямик в Софию, где планировал заняться подготовкой курсов для Америки. В Вене, вероятно, состоялась его встреча со Струве. Дальнейший путь Милукову преградила забастовка железнодорожных рабочих, поэтому ему пришлось добираться до Болгарии паромом по Дунаю. В Софии Милуков занимался не только курсами, но и готовил статью о болгарской конституции для «Русского богатства». Из Софии Милуков предложил жене, которая находилась с детьми на лечении в Швейцарии, провести лето вместе. В конце концов, супруги остановили свой выбор на курорте Аббация (Австро-Венгрия). 16 июня Милуков покинул Софию и отправился в Аббацию, где его ждала жена и сын Николай. На курорте Милуков продолжал работать над текстом книги и статьей о болгарской конституции. Последняя была опубликована в журнале, а в 1905 г. переиздана в сборнике статей «Политический строй современных государств». В том же году она появилась на болгарском языке. В Аббации у Милукова возник замысел статьи о «новом курсе» П.Д.Святополк-Мирского для «Освобождения». Две другие задуманные статьи для того же органа — «Учредительное собрание (как понимается разными партиями)» и «Русские конституционные проекты» — остались нереализованными.

По признанию обоих супругов отдых в Аббации удался. В 10-х числах августа А.С.Милукова уехала с курорта, а 12 августа П.Н.Милуков отправился в большую поездку по Балканам. Он предполагал посетить Сербию, Хорватию, Далмацию, Боснию, Герцеговину, Черногорию. Из конкретных мест остановки Милуков планировал побывать в Заре, Сплите,

Каттаро, Цетинье, Рагузе, Метковиче, Сараево, Белграде. Милюкову приходилось спешить, чтобы успеть к началу лекций в Америке. Столица Хорватии Загреб стала финальным пунктом его поездки по Балканам. Предполагал Милюков также попасть в Софию и Лондон, но эти его намерения не осуществились.⁹²

В одном из писем к В.Г.Короленко с Балкан Милюков мечтал о своем возвращении в Петербург: «Но увы, от этого момента отделяет меня еще почти целый год предстоящих мне странствий, а по ту сторону их... ну, лучше предоставим времени докончить эту фразу». В процитированном отрывке обращает на себя внимание оборванная многоточием фраза. Пару раз Милюков акцентирует в мемуарах внимание на своих невольных «пророчествах» о ходе политического развития России. В данном же случае мы имеем дело не с «пророчеством», но со своеобразным «предчувствием» бурных политических катаклизмов — недаром за Милюковым часто признавали дар политического предвидения, правда, отказывая ему при этом в способности разбираться в текущих событиях.⁹³

Из Загреба Милюков отправился в Вену, а оттуда в Париж, где принял участие в конференции «оппозиционных и революционных организаций Российского государства». О конференции Милюкову в сентябре 1904 г. сообщил Струве. Первый выражал сильное желание попасть на мероприятие, недоумевая, почему организаторы не стали собираться в Вене.

Незадолго перед этим, в начале 1904 г. в Лондоне Милюков опять агитировал социал-демократов за союз оппозиционных партий. Он даже считал, что подобный союз «невольно и фактически» существует, объединенный общим настроением. Как писал Милюков Струве, попытки сформулировать и оформить союз могут привести к сильному сопротивлению извне и изнутри, что рискует переродиться в полемику «без практического значения». Поступаться программой «Союза Освобождения» Милюков не собирався. Тем не менее, он разделял стремление левой части «Союза Освобождения» «вступить в правильные сношения с революционными партиями».

Инициатором конференции выступил один из лидеров движения активистов (позже — Финляндской партии активного сопротивления) К.В.Циллиакус, который уже давно активно пропагандировал единый фронт борьбы против русского самодержавия. По-видимому, Милюков ничего не знал о связях Циллиакуса с японским резидентом, полковником М.Акаси.

Конференция открылась 30 сентября ст. ст. 1904 г. Ее заседания проходили в помещении, занимаемом Циллиакусом в Hotel d'Orleans. Председателем первого заседания стал Циллиакус, назначивший себе двух помощников — Александра (П.Н.Милюкова) и Ленарского (Р.Дмовского). Первым вопросом, по которому выступил Милюков, был отказ представителей РСДРП приехать на конференцию. Он предложил выразить сожаление без какой-либо мотивировки. Разнообразие состава участников не позволяло, по мнению Милюкова, дать «обоснованного ответа». Выступавший также был против того, чтобы давать материал для дальнейшей полемики.

На втором заседании в тот же день председателем был Милюков. От имени бюро он предложил порядок дня. Первым вопросом на заседании стал исторический очерк переговоров о созыве конференции, зачитанный Циллиакусом. После этого Милюков предложил поблагодарить финнов за их усилия.

В последовавшем затем обсуждении общих вопросов Милюков высказался против всеобщего избирательного права. Признав, что среди русских либералов нет возражений против всеобщей подачи голосов, тем не менее, Милюков считал включение этого пункта в общую декларацию делом преждевременным. По воспоминаниям другого участника конференции, Ю.Гарденина (В.М.Чернова), Милюков высказался за образовательный ценз. Милюков также боялся, по словам Чернова, что всеобщая подача голосов может оттолкнуть правое крыло «Союза Освобождения». По свидетельству Чернова, Милюков попытался оправдать свою позицию перед другими депутатами, сказав, что он боится «как бы мужики не затопили в русском парламенте цвет интеллигенции своими выборными — земскими начальниками да попами».

На этом заседании была выбрана редакционная комиссия. В нее вошел и Милюков.

Следующее утреннее заседание, 1 октября, началось с заявления Милюкова, согласно которому депутаты от русских либералов выступают за включение лозунга «всеобщая подача голосов» в общую декларацию. Данное заявление вызвало аплодисменты собравшихся.

Далее Милюков ответил на вопрос Р.Дмовского об отношении русских конституционалистов к участию поляков в совместных с ними действиях. Милюков пояснил, что националисты, считающие любые совместные действия с поляками изменой, не входят «в состав либеральной партии». При этом Милюков высказался против принятия определенной формулировки по национальному вопросу, остановившись на «определениях, всеми приемлемых».

В конце утреннего заседания Милюков выступил с речью о практической деятельности. Общим позитивным утверждением он считал то, что «мы друг другу не мешаем». Далее Милюков высказался по конкретным пунктам, предложив создать центральное бюро, совместно вести работу в провинциальных группах, распространять литературу и делать общие заявления.

На вечернем заседании в тот же день Милюков выступил дважды. Вначале он положительно высказался по вопросу о политической амнистии. Далее он потребовал отделить вопросы о прокламации и о русско-японской войне от совместной декларации.

Заседание 2 октября началось с оглашения выработанного комиссией текста декларации и протокола конференции. Их прочли Чернов и Милюков соответственно. Собравшиеся решили временно отложить обсуждение данных документов. Далее речь пошла о постоянных сношениях партий-участников данной конференции. Для устройства посреднического бюро в России была выбрана специальная комиссия, куда, судя по всему, вошел и Милюков.

На заседании конференции 3 октября Остоя (З.Балицкий) зачитал доклад комиссии по устройству посреднического бюро. Один из документов, 5 «а», где речь шла об общих основаниях для устройства бюро, написан рукой Милокова.

Далее на заседании А.В.Неовиус зачитал заявление, в котором формулировались отличия Финляндии от остальных регионов империи, что требовало, по мнению финнов, известной оговорки в совместной декларации. Требование оговорки вызвало неодобрительную реакцию многих собравшихся. Среди них был и Милоков, который считал, что принятие оговорки «открывает дверь» для возражений других групп и партий. В ответ Неовиус предложил Милокову принять участие в выработке другой редакции декларации. После этого Милоков выступил за принятие финского предложения, заявив о необходимости выработки новой редакции декларации. Признавая особое положение Финляндии, Милоков предложил сделать оговорку не от имени финских партий, а от имени конференции. Далее Милоков приложил массу усилий, дабы убедить представителя Латышской СДРП подписать протокол и декларацию. В конце концов, присутствующие сошлись на том, что депутат от ЛСДРП подпишет документы *ad referendum*.

После этого представители Польской национальной лиги, Балицкий и Дмовский, заявили, что их организация выступает за национальное развитие, понимаемое как автономия отдельных регионов, согласованная с их историей и культурой. В развернувшейся полемике Милоков занял жесткую позицию, заявив о нежелательности новых оговорок. Тем более, что финны согласились снять свою оговорку в обмен на внесение в текст совместной декларации следующей формулы: «отмена всех мер, нарушивших конституционные права Финляндии». В результате заявление поляков было снято, и они присоединились к указанной формуле, которая была внесена в окончательный вариант декларации. Вероятно, к этому эпизоду относится красочно описанная в мемуарах Милокова сцена с Дмовским, сказавшим, что он «очень рад познакомиться с русским человеком, который, наконец, в первый раз не обещает нам всего, чего мы требуем».

В выступлении представителя Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров, Колха (А.Т.Габуня) прозвучал вопрос к русским либералам, на чьей стороне они будут, если в будущей демократической России «подчиненные» национальности восстанут. На этот вопрос отвечал Милоков, заявивший, что либералы будут также «в числе обиженных».

Под конец заседания Милоков зачитал подготовленную им прокламацию по поводу русско-японской войны. Основная мысль прокламации сводилась к тому, что война — это еще одна ошибка и государственное преступление русского самодержавия, на которое участники конференции смотрели только как на врага, «с которым можно только бороться». Призывом создать политический порядок, при котором подобные авантюры будут невозможны, завершалась прокламация. Депутат от Польской социалистической партии, М.Люшня (К.Р.Э.Келлес-

Крауз), признав ценность документа, тем не менее, посчитал его прокламацией лишь русских организаций, а не от лица всей конференции. После этого он пообещал представить к завтрашнему заседанию свой проект прокламации.

Именно к этому эпизоду следует отнести документ, написанный рукой П.Б.Струве (а не Милокова, как утверждает К.Ф.Шацилло), и обозначенный им как принадлежащий (!) Милокову. Скорее всего, это предложения, появившиеся после возражений Люшня на милоковский проект прокламации о войне. В документе Милоков первым пунктом выделяет лозунг борьбы: «конституция, а не прекращение войны». Далее идет пункт «Кооперация с поляками. Как она может быть осуществлена?» После этого Милоков, видимо, набросал некоторые конкретные меры: «демонстрация в пользу соглашения», «демонстрация против набора или войны», «манифестации и прокламации одновременные или совместные». Неясно, был ли этот документ оглашен на заседании или сохранился среди бумаг конференции как подготовительный материал.

Заседание 4 октября началось с чтения Милоковым проекта протокола конференции, который был одобрен собравшимися. Далее Люшня огласил свой проект прокламации о войне. Милоков признал, что у него нет важных возражений против проекта, добавив, что «едва ли удастся найти общеудовлетворительный тон». Решение по вопросу о прокламации было отложено, в результате чего она так и не появилась.

В последовавшем затем обмене мнениями о сроках публикации протокола и декларации конференции Милоков поддержал финнов, которые выступали за обнародование документов после выборов в Сейм, т.е. после 1 декабря н.с.

После этого был заслушан доклад Габуня о создании обществ помощи русским эмигрантам. Проект получил полную поддержку Милокова, который предложил начать с обращения к существующим организациям с целью объединения в деле помощи эмигрантам.

На заключительном заседании 5 октября был зачитан протокол конференции. Делегат от Польской социалистической партии, Ю.Каневский (Б.А.Енджеёвский), предложил добавить в заголовок документа — «Протокол конференции оппозиционных и революционных организаций Российского Государства» — слово «социалистических». В ответ Дмовский стал настаивать на внесении в заголовок слова «национальных». Милоков выступил против любых усложнений, в результате чего Енджеёвский свое предложение снял, и, как результат, предложение Дмовского отпало само собой.

Следующим был поднят вопрос о рассылке протокола и декларации конференции не участвовавшим организациям и партиям. Милоков выступил за задержку рассылки на 3 недели.

В заключение Милоков так высказался о прошедшей конференции: «Результаты превысили наши ожидания и рассеяли наши опасения». По его мнению, личное знакомство и переговоры смогли сделать больше, чем «годы литературной полемики». Несмотря на оставшиеся противно-

речия, Миллюков предлагал ценить «внешний мир», который был сильным фактором для общественного мнения. Это, по мнению Миллюкова, должно было «содействовать конституционной партии». Выразив благодарность организаторам конференции, Миллюков в заключении сказал фразу, с которой согласились все присутствующие: «Идти врозь, а придти вместе с нами — это девиз конференции».

Видимо, можно согласиться с утверждением Миллюкова, который писал: «Мне пришлось сыграть на съезде [конференции — *А.М., П.Т.*] более значительную роль, нежели я мог рассчитывать».

В Париже во время конференции находился Петрункевич, с которым встречались делегаты от «Союза Освобождения», и, вероятно, обсуждали вопросы, поднятые на заседаниях. Во французской столице Миллюков познакомился с лидером финских конституционалистов, профессором государственного права Л.С.Мехелином.

Интересное свидетельство о пребывании Миллюкова в Париже оставил И.С.Книжник-Ветров. Он тогда работал курьером между П.Б.Струве и типографией, где печаталось «Освобождение». Как вспоминал Книжник-Ветров, «вид у Миллюкова был веселый и самоуверенный». Целью русской революции, по Миллюкову, был режим наподобие европейского, конституция с царем или без него, а что больше — то от лукавого. Миллюков считал, что Россия еще не готова к большему. Книжник-Ветров вспоминал, что в редакции «Освобождения» царил тон Миллюкова.

Департамент полиции практически сразу получил информацию о конференции от присутствовавшего на заседаниях Е.Ф.Азефа. Уже через 4 дня после окончания конференции, 9 октября ст. ст. 1904 г. Л.А.Ратаев составил доклад, в котором, исходя из сведений Азефа, указал состав участников, место проведения и ход конференции, а также принятые ею постановления.⁹⁴

Из Парижа, перед отплытием в Америку, Миллюков совершил короткий вояж в Петербург. В Россию он прибыл через пограничный пункт Вержболово 22 октября 1904 г. Департамент полиции уже знал об участии Миллюкова в нелегальной конференции и постановил учредить за ним секретное наблюдение. Неделя, проведенная Миллюковым в России, была крайне насыщена. Он успел приехать на окончание второго съезда «Союза Освобождения», 22 октября, и привез из Парижа программу союза, разработанную в редакции «Освобождения». Но времени для ее обсуждения не было и программу не огласили. Съезд постановил разослать ее по группам для ознакомления и обсуждения к третьему съезду, намеченному на март 1905 г.

Материалы секретного наблюдения помогают проследить контакты Миллюкова в столице. Зафиксированы встречи Миллюкова с В.А. и Ю.И.Гердами, П.Ф. и Р.Ф.Якубовичами, Ф.Д.Батюшковым, В.Г.Короленко, С.В.Паниной, И.И. и А.С.Петрункевичами, Л.Д.Вяземским, Д.И.Шаховским, Петром Д.Долгоруковыми. Миллюков даже умудрился посетить заседание Совета ВЭО 24 октября 1904 г.

В свой приезд в Петербург Миллюков принял участие в частных совещаниях земских и городских деятелей, где обсуждались вопросы, пред-

полагавшиеся к рассмотрению на предстоящем земском съезде. В прениях Миллюков выступил за введение в России конституционного строя, ссылаясь на опыт Болгарии. К сожалению, неизвестно, был ли Миллюков на всех совещаниях (24-26 октября).

Друзья пытались отговорить Миллюкова ехать в Америку ввиду назревающих событий. Как вспоминает Гессен, Миллюков сказал: «Я вернусь еще вовремя, а в Америку нужно ехать». Расчет Миллюкова не вполне оправдался, но зато поездка в Америку способствовала росту его известности на Западе. 29 октября через пограничный пункт Вержболово Миллюков выехал за границу. В Париже он посетил Струве и встретился с находившимся в городе А.А.Корниловым. Прочитав работу последнего «Общественное движение при Александре II», Миллюков высказался в том смысле, что «кое-что можно было написать и смелее». По свидетельству Корнилова, в Париже Миллюков «заявлял вопросом предполагаемого земского съезда и написал по его поводу две статьи для “Освобождения”, подписав их с.с.». В «Освобождении» была напечатана лишь одна заметка Миллюкова. Либо редактор не поместил в журнале другую, либо Корнилов под второй статьей подразумевал работу Миллюкова «Задача земского съезда 6-9 ноября 1904 г.». В ней автор призывал участников будущего собрания во всеуслышание заявить, что современный российский кризис может быть разрешен лишь в результате общей политической реформы (введение конституции), а не частных мер. После окончания съезда Миллюков признался: «Земский документ превосходит и далеко оставляет позади мои ожидания от них».

Эту статью, видимо, предполагалось опубликовать в газете «Право». Правда, там она не появилась, несмотря на позднейшие утверждения автора в книге «Год борьбы» (СПб., 1907).

Из Парижа Миллюков отправился через Шербур в Ливерпуль, где сел на пароход до Бостона.⁹⁵

Курс лекций Миллюкова «Русский кризис» в Бостоне (29 ноября — 25 декабря 1904 г.) прошел отлично и произвел яркое впечатление на публику. Курс был сильно политизирован, и Миллюков, очевидно, вел агитацию за те решения вопросов русской жизни, что предлагали либералы. Слушатели, писал Миллюков супругам Шкловским, приняли на веру все, «в чем я хотел их убедить». Так, Миллюков утверждал, что при все увеличивающемся разрыве между правительством и революционерами единственная возможность мирного разрешения конфликта связана с русскими либералами, стоящими между двумя этими силами и опирающимися на общественное мнение. Миллюков связывал либерализацию русского режима с «Союзом Освобождения», который был организацией левых либералов («демократических конституционалистов»), а не всех либеральных сил. Лектор сделал упор на развитии освободительного движения в России, шедшем от неприятия революционерами любых контактов с либералами к совместной борьбе с общим врагом. Декларация парижской конференции 1904 г., по словам Миллюкова, стала кульминацией освободительного движения, в результате чего правительство ока-

залось в полной изоляции. Милюков считал, что его лекции повлияли на тон местных газетных рассуждений о России, добавляя, впрочем, что «здесь не невежество не прошибешь».

После Бостона Милюков выехал в Чикаго. Здесь он принял участие в работе двенадцатого ежегодного собрания Американской исторической ассоциации. 28 декабря он выступил в прениях по вопросу о докторских диссертациях. Сравнивая американскую и российскую системы получения степеней, Милюков признал относительную легкость первой. 29 декабря Милюков прочел доклад «Главные течения русской исторической мысли», в котором довел свое изложение до начала XX в.

Курс лекций Милюкова в Чикагском университете был заявлен в рамках общей учебной программы под названием «Возрождение южных славян». По словам Милюкова, лекции должны были читаться перед маленькой, «академической» аудиторией. Предполагалось, что курс лекций продлится 6 недель. Милюков не успел полностью приготовить курс лекций и с некоторым волнением ожидал его начала. Но после четырех-пяти лекций (в фонде П.Н.Милюкова сохранился текст лекции под порядковым номером 6) курс был прерван известием о «кровавом воскресеньи» 9 января 1905 г. Кстати, незадолго до этого, в декабре он писал в письме Струве, что «спешить в отечество пока незачем». В данном случае дар политического пророчества покинул Милюкова. Революционные события в России привлекли пристальное внимание американской прессы, которая слабо разбиралась в русских реалиях. Последнее обстоятельство заставило Милюкова написать статью, в которой он обрисовал иностранному читателю историю и современное состояние русского либерализма. Вновь политика отвлекла Милюкова от науки, теперь уже совсем всерьез и надолго.

По согласованию с Харпером, Милюков перед отъездом должен был закончить книгу. Вместо первоначального названия — «Русская цивилизация» — Милюков в декабре 1904 г. избрал другое — «Кризис в России». В окончательном варианте книга была названа «Россия и ее кризис». Изложение в книге Милюков довел до 9 января 1905 г., заметив в примечаниях, что во время печатания книги, пришло сообщение об убийстве Сергея Александровича. Предисловие было датировано 12 февраля н.с. Рукопись книги была прочитана и выправлена несколькими лицами (У.Мас-Арнольд, Нот Флинт, Л.Винер, и редактор издательства Чикагского университета). Книга вышла в свет в августе 1905 г. Как утверждает Милюков, пока шла работа над книгой, в Чикаго он познакомился с М.Пти, будущей переводчицей данной работы на французский язык.⁹⁶

По дороге в Россию Милюков посетил Париж, где по приглашению М.М.Ковалевского 20 марта прочел лекцию в Русской высшей школе общественных наук. Судя по сообщениям прессы, он был связан со школой почти с самого начала ее функционирования. Милюкова уже приглашали в школу прочесть курс лекций по русской истории. Первая попытка относится к началу 1902 г. Но в ожидании приговора он не стал рисковать и отказался. Второе предложение Милюков получил, видимо,

сразу же после выхода из тюрьмы. В письме неизвестного М.Цеханскому от 10 января 1903 г. о согласии Милюкова говорится как о вполне достоверном факте. Но и в тот раз Милюков не приехал в Париж.

Лекция Милюкова была посвящена русскому освободительному движению, начиная с 1860-х гг. В лекции Милюков в кратком виде изложил те мысли, которых придерживался еще в 1890-х гг., в обзорах русской литературы на страницах журнала «The Athenaeum». Коснувшись новейшего этапа освободительной борьбы в России, Милюков отметил сильное отличие его от такового в Европе. Там идея политического освобождения предшествовала социальным требованиям. В России же они переплелись причудливым образом, и в результате социальная проблематика возобладавала, что крайне осложнило ход общественной борьбы. Это обстоятельство вызвало глубокую рознь между либералами и радикалами. Для эффективной борьбы с бюрократией им необходимо сделать друг другу уступки. Милюков отметил, что российские либералы идут вперед, подталкиваемые революционными партиями. В ходе лекции Милюков высказался и по вопросу желательного государственного и политического устройства России. Он был против двухпалатного парламента, и выступал за созыв Учредительного собрания на основе прямых, свободных, равных и тайных выборов. До созыва собрания не следовало пытаться решать аграрный и другие насущные социальные вопросы, предоставив это народным избранникам. Милюков был за предоставление автономии Польше и возврат Финляндии отнятых у нее прав.

Во время пребывания в Париже Милюков посетил Струве, с которым говорил о судьбе «Освобождения». Милюков выступил против закрытия журнала, т.к. в России это могли истолковать как признак ослабления «Союза Освобождения». Милюков дал ряд советов и обещаний. Присутствовавшая на встрече А.В.Тыркова осторожно отнеслась к обещаниям, отметив, что Милюков «говорит всегда умно. Но в нем есть что-то упрощенное». На состоявшемся вскоре после лекции обеде у Струве Тыркова резко отозвалась о выступлении Милюкова в Русской высшей школе. Тыркова считала, что Милюков опорочил дело «Союза Освобождения», когда причислил его к пассивным либеральным партиям, которые подталкиваются к действиям революционными партиями. По мнению же Тырковой, освобожденцы — это активная партия, заслуги которой Милюков оскорбил перед радикальной аудиторией. Вообще, после парижской встречи Тыркова оценивала Милюкова как оппортуниста, честолюбца, «лукавого дьяка». Она с тревогой думала: «Что же будет, когда он доедет до России?»⁹⁷

Из Парижа Милюков отправился в Россию, куда прибыл 23 марта 1905 г. через пограничный пункт Александров.⁹⁸

Возвращение в Россию можно считать рубежом, на котором завершился длительный нисходящий этап его научной деятельности. И с этого же момента Милюков начал триумфальное шествие к зениту своей политической карьеры. «Потеряв репутацию начинающего историка, — вспоминает Милюков, — я возвращался “домой” с репутацией начинающего

политического деятеля». По его словам, никакой «измены» науке тут не было: «Я вовсе не стремился превратиться из историка в политика, но так вышло, ибо это стало непреложным требованием времени». Адвокат О.О.Грузенберг, добившийся в мае 1906 г. оправдания Милукова по делу о публикации в декабре 1905 г. манифеста Петербургского Совета рабочих депутатов и тем самым обеспечивший в будущем возможность его избрания в Государственную думу, в 1929 г. вспоминал, что Милуков после вынесения оправдательного приговора «раздумчиво, невесело сказал: “Ну, чему тут радоваться? Теперь, вероятно, попаду в Думу. Работа пойдет вскачь, захлестнет меня с головою. Ни читать, ни писать о своем любимом, к чему готовился смолоду, станет совершенно невозможно”». ⁹⁹ Этот прогноз сбывлся даже раньше, чем был высказан.

Нет оснований не доверять словам Грузенберга и самого Милукова. Привязанность его к науке была велика и неистребима. Неумный темперамент Милукова, толкавший его при первой возможности к активной политической деятельности, в сочетании с досадным срывом в академической карьере, а кроме того, с чрезмерно строгими и чрезмерно неуклюжими действиями властей, — все эти обстоятельства увели его в конце концов с научной стези.

На основании вышеизложенного можно выделить следующие основные вехи на пути перехода Милукова от научной к политической деятельности. Во-первых, отправной точкой следует признать неудачную защиту диссертации в мае 1892 г. С этого момента начался своеобразный «латентный период» указанного перехода. Хотя Милуков продолжал преподавать в университете, писать труды по русской истории, — стремительно росла его общественная активность, стимулируемая бесперспективностью, как ему казалось (а, вероятно, так и было), дальнейшей университетской карьеры из-за сложных отношений с В.О.Ключевским. Вторая веха — самая, пожалуй, основная — увольнение Милукова из Московского университета в феврале 1895 г., запрещение ему «всякой педагогической деятельности и чтения каких бы то ни было лекций» и высылка из Москвы. С последствиями высылки, а затем еще более сурового ноябрьского 1896 г. приговора, который лишил его права жительства в столицах и петербургской губернии, Милуков справился довольно легко, сумев уже в 1899 г. поселиться в Петербурге. Запрещение педагогической деятельности и чтения лекций довлекло над ним вплоть до 1905 г., когда он смог нарушить его «явочным порядком», гастролируя по России с публичными политическими выступлениями. Но заниматься «явочным порядком» университетским преподаванием было невозможно, а с 1905 г. Милукову было уже не до профессорства. Таким образом, значительная роль в деле отлучения Милукова от науки принадлежала русскому правительству.¹⁰⁰

Отъезд Милукова из России в Болгарию едва ли можно рассматривать как дальнейший отход от научной деятельности. Напротив, он возвратился к преподаванию и получил возможность пользоваться вместо рязанских парижскими библиотеками. Следовательно, третья веха рас-

смотренного процесса — увольнение Милукова из Софийского Высшего училища. С этого момента общественная деятельность становится приоритетной среди его занятий и, в свою очередь, уже внутри этой сферы идет эволюция от «низших» форм к «высшим», от публицистики и агитационных выступлений на студенческих вечеринках — к «большой политике», к деятельности на всероссийской арене.

При возвращении в 1899 г. в Петербург Милуков едва ли имел заранее обдуманное намерение полностью переквалифицироваться из историка в политика. Начало нового, четвертого этапа превращения историка в политика было связано теперь уже не с возникновением очередных внешних препятствий на пути Милукова-ученого, а с отмеченным процессом роста его как политика. По собственному признанию Милукова, первые собственно политические шаги его относятся к 1902 г., к началу сотрудничества с журналом «Освобождение».

Наконец, окончательный итог занятиям Милукова исторической наукой был подведен первой русской революцией, разразившейся в январе 1905 г. Возвращение к этим занятиям на несколько ином уровне произошло лишь в послеоктябрьской эмиграции.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ АИЗ. М., 1899. Т.VII. № 3-4. С.124; № 8-10. С.275-277; ВВ. СПб., 1900. Т.VII, вып.1-2. С.292; Известия XI археологического съезда в Киеве. 1-20 августа 1899 г. № 1. С.1,4; № 9. С.96-98; *Линниченко И.А.* Археология на XI археологическом съезде // *Летопись историко-филологического общества при имп. Новороссийском университете*. VIII. Византийско-славянское отделение (б. византийское). V. Одесса, 1900. С.178; *Милуков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.200; Отчет о деятельности Русского Археологического Института в Константинополе в 1898-м году // ИРАИК. София, 1899. Т.IV. Вып.3. С.149-152,155; Русский Археологический Институт в Константинополе // АИЗ. М., 1899. Т.VII. № 1-2. С.28-29; Русский Археологический Институт в Константинополе // ВВ. СПб., 1899. Т.VI. С.307; *Сokolov И.* Деятельность Русского Археологического Института в Константинополе в 1898 году // Там же. 1900. Т.VII, вып.3. С.587; Труды одиннадцатого археологического съезда в Киеве. Т.II. С.17,99-102,172 отд. паг.; *W. [Kalash B.B.]* Несколько слов по поводу XI археологического съезда в Киеве // РМ. 1899. № 12. С.103-104 отд. паг.; *Niederle L. P.N.* Miljukov - archaeologist // Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу Милукову. 1859-1929. Прага, 1929. С.XIV.

Важность некрополя у с.Патели была неоспоримой, и на следующий -1899 год - РАИК продолжил раскопки. Они состоялись в октябре-ноябре 1899 года под руководством Б.В.Фармаковского, которому в этом помогал магистрант Санкт-Петербургского университета А.А.Васильев. Основной задачей было выяснить границы некрополя и исследовать местность, прилегающую к нему. Теперь, в отличие от раскопок 1898 года, копали с двух сторон от полотна. В результате была открыта южная граница могильника, вскрыто 222 могилы, идентичных исследованным в 1898 году, и найдено 1206 предметов. Материалы раскопок подтверждали ряд соображений Милукова относительно характера погребения. В северной части могильника инвентарь был более интересен, чем в южной. При этом были найдены другие образцы (в т.ч. дугообразные фибулы, керамика новых форм и т.д.). В ходе работ Фармаковский и Васильев обнаружили еще два некрополя к северу и к югу от первого. Они также обследовали и остров на озере Острово, где, по предположению Милукова, должны были находиться свайные постройки. Это предположение не подтвердилось. Часть вещей из раскопок 1899 г. поступила в кабинет древностей. В ПФА РАН сохранились необработанные дневники Фармаковского и Васильева, а также инвентарная опись найденных вещей, составленная вместе с турецким чиновником. Судя по всему, материалы раскопок 1899 года никем не обрабатывались.

Важность обследования могильника у с.Патели для РАИК была признана в юбилейных докладах, посвященных 10- и 20-летию института. При этом выражалось сожаление, что еще не все материалы раскопок опубликованы. С другой стороны, среди русских консервативных публицистов были такие, кто настаивал на бесполезности раскопок некрополя (РГИА. Ф.757. Оп.1. Д.10. Л.1, 2 об.; Д.25. Л.4,12; Д.44. Л.7 об.-8; ПФА РАН. Ф.127. Оп.1. Д.150. Л.5 об.-7; Ф.Разряд IV. Оп.1. Д.805. Л.143-261; *Васильев А.А.* Экскурсия в Македонию Русского Археологического Института в Константинополе осенью 1899 года // ВВ. СПб., 1900. Т.VII. Вып.3. С.588-590; *Въжарова Ж.Н.* Указ. соч. С.197; Отчет о деятельности Русского Археологического Института в Константинополе за 1899 год // ИРАИК. София, 1901. Т.VI. Вып.2-3. С.472-477; *Сонкин В.М.* О деятельности Русского Археологического Института в Константинополе за 1899 год // ВВ. СПб., 1901. Т.VIII. Вып.1-2. С.328-331; *Странник*. Письмо из Константинополя // РВ. 1900. № 5. С.350).

² ПФА РАН. Ф.116. Оп.1. Д.223. Л.1-2; *Въжарова Ж.Н.* Указ. соч. С.329,330.

По-новому вопрос о результатах македонских раскопок встал в 1932 году, когда Милоков и Ростовцев были в эмиграции, а Успенский уже умер. Публикация в советском журнале «Красный архив» (1932. № 50-51) материалов из милюковского архива, который считался погибшим, не прошла незамеченной в эмигрантской прессе. Милоков сразу же поместил в редактируемой им газете «Последние новости» статью «О моем “архиве”», в которой предложил обработать материалы раскопок для печати и в таком виде вернуть их в СССР. Ответа на это предложение не последовало. По свидетельству Б.И.Николаевского, Д.Б.Рязанов, занимавшийся в то время покупок в Европе документов по истории революционного движения для СССР, считал, что ничего невозможного в такой операции нет, но для ее реализации следовало бы немного подождать. Свидетельство Николаевского — недостоверно, т. к. Рязанов в феврале 1931 года был арестован и выслан в Саратов (*Словцов Р. [Калишевич Н.В.]* Рец. на: Красный архив. 1932. № 50-51 // ПН. 1932. 8 сентября; Д. Из архива П.Н.Милокова. Поездка русской парламентской делегации // Там же. 1933. 31 августа; *Милоков П.Н.* О моем «архиве» // Там же. 1932. 11 сентября; он же. Воспоминания. Т.1. С.199,200; он же. Мои сношения с А.И.Браудо // Александр Исаевич Браудо, 1864-1924: Очерки и воспоминания. Париж, 1937. С.26; *Николаевский Б.И.* П.Н.Милоков // Социалистический вестник (Нью-Йорк). 1943. 8 мая. С.98).

³ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3539,3540,3550; Оп.3. Д.310.

⁴ *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе (по материалам отечественных архивов). Дис. ... канд. ист. наук. СПб, 1994. С.83; *Ершов С.А., Пятницкий Ю.А., Юзбашиян К.Н.* Русский археологический институт в Константинополе (к 90-летию со дня основания) // Палестинский сборник. Л., 1987. Вып.29 (92). С.5; *Жебелев С.А.* Ф.И.Успенский и Русский археологический институт в Константинополе // Памяти академика Федора Ивановича Успенского, 1848-1928. Л., 1929. С.61; *Niederle L.* Op. cit. С.XIV.

⁵ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.4117. Л.1; Ф.Р-5856. Оп.1. Д.181. Л.3,4; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.632. Л.20; НИОР РГБ. Ф.77. К.5. Д.22. Л.22; К.16. Д.51. Л.1; АИЗ. М., 1899. Т.VII. № 8-10. С.265-267,297,299,312,325, 332; Из архива на Константин Иречек. С.347; Известия XI археологического съезда в Киеве. 1-20 августа 1899 г. № 7. С.75-76; № 8. С.91-94; № 10. С.109-110,113; № 11. С.136-138; № 12. С.182-183; № 13. С.196-197; *Иловайский Д.И.* Историко-критические заметки. С.144-145; *Корнилович А.К.* Одиннадцатый археологический съезд в Киеве // ИВ. 1899. № 12. С.1130,1135-1136,1141; *Линниченко И.А.* Археология на XI археологическом съезде. С.166. Прим.1; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.203; Труды одиннадцатого археологического съезда в Киеве. Т.П. С.83,90,106,108,123,144,147, 154; *W. [Каллаш В.В.]*. Несколько слов по поводу XI археологического съезда в Киеве // РМ. 1899. № 12. С.96-104 отд. паг.; *Niederle L.* Op. cit. С.XIII.

⁶ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.203; *Могиланский Н.М.* На рубеже столетий: (Из воспоминаний о Петербурге конца XIX и начала XX вв.) // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 4 (17). С.107.

⁷ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.2. Л.46-50,62,74-76; ОО. Оп.227. Д.443. Л.15; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.11-12; Д.970. Л.11 об.; РГАЛИ. Ф.323. Оп.1. Д.289. Л.1-2 об.; *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т.2. С.168.

⁸ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.2. Л.63-64 об.; ОО. Оп.227. Д.443. Л.15-15 об.; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.7.

⁹ В.И.Syromyatnikov to P.N.Miliukov // P.N.Miliukov papers. ВА; АРАН. Ф.639. оп.1. Д.1073-1162. Л.3 об., 142 об.; Архив СПб ФИРИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.4. Л.69,78-78 об.,80 об.; Протоколы заседаний отделения археологии русской и славянской имп. Русского археологического общества за 1899 и 1900 годы // Зап. имп. Русского археологического общества. Новая серия. СПб., 1901. Т.XII, вып.1 и 2. С.383.

¹⁰ N.S.Korvin-Krukovskii to P.N.Miliukov, January, 19, 1900 // P.N.Miliukov papers. ВА; АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.619. Л.2,35 об.; Архив СПб ФИРИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.4. Л.80 об.; ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.227. Д.443. Л.5 об.; Ф.505. Оп.1. Д.31. Л.82; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.7 об.,8 об.; ОРРК РНБ. Ф.266. Оп.1. Д.417. Л.1,2; РГАЛИ. Ф.323. Оп.1. Д.289. Л.1; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.204,206; *Пименова Э.К.* Дни минувшие: Воспоминания. Л.-М., 1929. С.160-161.

¹¹ Е.А.Bobrov to P.N.Miliukov, June, 21, 1900 // P.N.Miliukov papers. ВА; V.N.Storozhev to P.N.Miliukov, April, 25, 1900 // Ibid; Yu.Semenov (?) to P.N.Miliukov, February, 1, 1900 // Ibid; АРАН. Ф.518. Оп.2. Д.6. Л.21; Оп.7. Д.332. Л.6,31-32; Д.619. Л.2-2 об.; Ф.639. Оп.1. Д.912-916. Л.9; ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.226. Д.6. Ч.53. Л.219-220; Д.723. Л.36-39,43; Ф.579. Оп.1. Д.6442. Л.1; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.9; НИОР РГБ. Ф.746. К.37. Д.33. Л.1-2; Д.34. Л.1-2,4-6,8; ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.42; РГАЛИ. Ф.323. Оп.1. Д.289. Л.1; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.206; *Пименова Э.К.* Указ. соч. С.161; С. Рец. на: Циглер Т. Умственные и общественные течения девятнадцатого столетия /Пер. с нем. под ред. П.Н.Милокова. СПб., 1900 // ИВ. 1901. № 4. С.360; *Циглер Т.* Умственные и общественные течения девятнадцатого столетия /Пер. с нем. под ред. П.Н.Милокова. СПб., 1900. 290 с.

¹² А.А.Davidova to P.N.Miliukov, n.d. [1900] // P.N.Miliukov papers. ВА; АРАН. Ф.518. Оп.2. Д.6. Л.21; Оп.7. Д.619. Л.2-2 об.; Архив А.М.Горького. Кг-П. 60-1-12. Л.1 об.; ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.226. Д.6. Ч.53. Л.220; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.206; он же. Письмо в редакцию // МБ. 1900. № 5. С.118 отд. паг.; *Пименова Э.К.* Указ. соч. С.161-162; *Скворцова Л.А.* «Мир Божий» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX в. 1890-1904: Социал-демократические и общедемократические издания. М., 1981. С.140,144,157,176.

¹³ Рекламные объявления // МБ. 1900. № 1. С.1 отд. паг.

¹⁴ Е.В.Tarle to P.N.Miliukov, June, 14, 1900 // P.N.Miliukov papers. ВА; S.N.Yuzhakov to P.N.Miliukov, January, 22, 1901 // Ibid; АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.5,11; Д.619. Л.2 об.; Ф.639. Оп.1. Д.278-283. Л.2-3 об.; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.5672. Л.4,4 об.; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.9; НИОР РГБ. Ф.77. К.5. Д.22. Л.22; Ф.746. К.37. Д.34. Л.9; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.205; РВед. 1898. 28 ноября.

¹⁵ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.24-24 об.; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.970. Л.9; РГАЛИ. Ф.40. Оп.1. Д.35. Л.60; РО ИРЛИ (ПД). Ф.Разряд III. Оп.2. Д.1150. Л.1-2; Ф.495. Оп.1. Д.105. Л.1; Переписка Н.П.Павлова-Сильванского с А.Е.Пресняковым // *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М., 1988. С.559.

¹⁶ ОРРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3751. Л.19; *Багалеи Д.И.* Русская историография /Изд. отдела филологов общества взаимопомощи студентов Харьковского университета. Харьков, 1907. Ч.1-2. С.3; он же. Русская историография /Изд. общества взаимопомощи студентов филологов Харьковского университета. Харьков, 1911. С.3-4; *Ланно-Данилевский А.С.* Очерк развития русской историографии // РИЖ. 1920. № 6. С.6. Прим.1; Обзорения преподавания наук в имп. Московском университете за 1900-1901 академический год. М., 1900. С.15; То же в 1901-1902 году. М., 1901. С.15; Обзорения преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий в имп. Харьковском университете на 1903-1904 академический год. Харьков, 1903. С.15; Обзорения преподавания в имп. Новороссийском университете (на осеннее и весеннее полугодие) на историко-филологическом факультете в 1911-1912 академическом году. Одесса, 1911. С.20.

¹⁷ ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.226. Д.649. Л.13,19 об.; Ф.579. Оп.1. Д.6443. Л.1; Программы домашнего чтения на 1894-1895 годы. М., 1894. С.65; Римская империя /Сб. ст. в пер. А.С.Милоковой. М., 1900. С.XIV.

Рецензии на сборник см.: *А.Дж. [Дживелегов А.К.]*. Рец. на: Римская империя... // РВед. 1900. 2 марта; *И.А. [Аралов И.А.]*. Рец. на: Римская империя... // ИВ. 1900. № 5. С.690-691; Рец. на: Тома Э. Рим и империя в первые два века новой эры /Пер. с фр. Я.И.Руднев. СПб., 1899; Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян /Пер. с фр., под ред. С.П.Моравско-

го. СПб., 1899; Римская империя /Сб. ст. в пер. А.С.Милуковой. М., 1900 // РМ. 1900. № 4. С.129-131 отд. паг.

¹⁸ P.N.Miliukov to V.I.Nicolaevsky, January, 5, 1928 // V.I.Nicolaevsky Collection. Box 794. File 13. Н1; АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.99-99 об.; ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.226. Д.723. Л.63-63 об.; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.8-8 об.,11; НИОР РГБ. Ф.135. Разд. II. К.29. Д.72. Л.9 об.; Ф.157. К.III. Д.98. Л.1-2; РГИА. Ф.776. Оп.8. Д.803. Л.164; *Врангель Л.С.* «Русское богатство» и «Мир Божий» // НЖ. 1962. № 69. С.164; *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за 50 лет. Уфа, 1984. С.233; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.207,273; *он же.* Надеждин и первые критические статьи Белинского: (По поводу нового издания сочинений Белинского под ред. С.А.Венгерова) // На славном посту (1860-1900): Литературный сб., посвященный Н.К.Михайловскому. [СПб., 1901]. С.409-430 отд. паг.; *Полянский В.* Марксистская периодическая печать 1896-1906 гг. // КА. 1925. Т.2 (9). С.229,258.

¹⁹ Архив А.М.Горького. Кг-П. 60-1-20. Л.1 об.; ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.226. Д.723. Л.21-21 об.; Ф.564. Оп.1. Д.2965. Л.1-1 об.; *Келдыш В.А.* «Жизнь» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. С.240; *Милоков П.Н.* Болгарская конституция // РБ. 1904. № 8. С.193-216; № 9. С.26-69; № 10. С.28-59; *он же.* Средневековый уголок в современной Европе. (Из поездки в Старую Сербию) // ЖДВ. 1902. № 3. Стб.329-346; № 4. Стб.467-480; № 5. Стб.579-588; *Поссе В.А.* Мой жизненный путь: Дореволюционный период (1864-1917). М.-Л., 1929. С.217,223. По возвращении в Петербург П.Н.Милоков бывал у писателя и переводчика Ф.Ф.Фидлера (см.: РГАЛИ. Ф.518. Оп.2. Д.13. Л.292).

²⁰ ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.226. Д.448. Л.12 об.-14; Оп.228. Д.641. Л.3.

²¹ ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.226. Д.2. Ч.3. Лит.Б. Л.1-2 об.; Д.723. Л.62 об.-63; РГАЛИ. Ф.40. Оп.1. Д.35. Л.61; *Милоков П.Н.* Памяти А.И.Герцена // МБ. 1900. № 2. С.17-21 отд. паг.

²² ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.229. Д.916. Л.4; Ф.111. Оп.5. Д.35. Л.137-137 об.; Ф.124. Оп.10. Д.93. Л.11 об.-12,173 об.; РГАЛИ. Ф.86. Оп.1. Д.18. Л.26 об.; РО ИРЛИ (ПД). Ф.224. Оп.1. Д.221. Л.1-2; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.207-208; *он же.* Роковые годы (из воспоминаний) // РЗ. 1938. № 6. С.116.

²³ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.619. Л.1 об.-2; ГАРФ. Ф.629. Оп.1. Д.15. Л.15 об.; *Милоков П.Н.* Памяти В.И.Исксуль // ПН. 1928. 21 февраля. На адрес баронессы эмигрантский Фонд Вольной русской прессы высылал свои «Летучие листки» (ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.92. Д.14. Ч.1 Б. Л.18).

²⁴ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.6,35 об.; Д.619. Л.1; РГАЛИ. Ф.323. Оп.1. Д.289. Л.1-2 об.; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.9-10 об.

²⁵ ГАРФ. Ф.887. Оп.1. Д.5. Л.82,86 об.,87 об.,88; РГАЛИ. Ф.40. Оп.1. Д.35. Л.91; РГИА. Ф.91. Оп.2. Д.202. Л.34,37 об.,39 об.; Д.252. Л.10 об.; *Милоков П.Н.* Гр. П.А.Гейден // Речь. 1907. 16 июня; Отчет о действиях имп. вольного экономического общества за 1900 год. СПб., 1903. С.9,80; ТВЭО. СПб., 1900. Т.2. № 4-5. С.7,14,34; 1903. Т.1. № 3. С.62-63; 1907. Т.2. № 6. С.31 отд. паг.

²⁶ ГАРФ. Ф.887. Оп.1. Д.5. Л.133 об.,134,135,141; РГАЛИ. Ф.40. Оп.1. Д.35. Л.92 об.; РГИА. Ф.91. Оп.2. Д.229. Л.1-1 об.,10,11, 117,156 об.; Д.439. Л.1; *Веселовский Б.Б.* Императорское Вольное Экономическое общество (31 октября 1765 г. — 31 октября 1915 г.) // Речь. 1915. 31 октября; *Милоков П.Н.* Гр. П.А.Гейден // Речь. 1907. 16 июня; ТВЭО. СПб., 1902. Т.1. № 1-2. С.V.

²⁷ S.E.Zvolyanskii to P.N.Miliukov, February, 21, 1900 // P.N.Miliukov papers. ВА; ГАРФ. Ф.102. ОО Оп.226. Д.2. Ч.3. Лит.Б. Л.9-9 об.; РО ИРЛИ (ПД). Ф.533. Оп.1. Д.3. Л.75 об.,78-78 об., 82,84; Д.6. Л.32,60; ; Ежегодник Союза русских писателей. Год первый. СПб., 1900. С.161,167.

²⁸ Архив А.М.Горького. Кг-П. 60-1-17. Л.1 об.-2; ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.228. Д.108. Л.1-1 об.; ОРК РНБ. Ф.729. Оп.1. Д.6. Л.98,99,100 об.,105,108, 109; РГИА. Ф.1288. Оп.15. 1901 (по вн. оп.1). Д.245. Л.56,57; РО ИРЛИ (ПД). Ф.533. Оп.1. Д.3. Л.84-85,91 об.,94 об.,103,105, 113,123,152,154,156,157,163 об.,165,167,168,184-184 об.,185; Д.4. Л.29,32; К годовому собранию «Союза писателей» // СК. 1900. 17 марта; Состав Союза взаимопомощи русских писателей к 1 апреля 1900 г. СПб., [1900]. С.1; Хроника // СК. 1900. 18 марта.

²⁹ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф.219. Оп.1. Д.16. Л.2 об.,12,13,15; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.1722. Л.14-14 об., 16-16 об.; РГАЛИ. Ф.323. Оп.1. Д.289. Л.2.

³⁰ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф.219. Оп.1. д.16. Л.13,22-23,25-25 об.,27,29, 31 об.-34 об.,35,36,38.

³¹ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.97. Д.4202. Л.1-3; Ф.579. Оп.1. Д.6419. Л.5; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3328. Л.20 об.; Ф.781. Оп.1. Д.981. Л.13,30; ПФА РАН. Ф.6. Оп.1. Д.18. Л.81-81 об.; Известия XI археологического съезда в Киеве. 1-20 августа 1899 г. № 1. С.5; № 14. С.227; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.200; *он же.* Рец. на: Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства /Изд. гр. И.И.Толстым и Н.П.Кондаковым. СПб., 1899. Вып.6. Памятники Владимирова, Новгородца и Пскова // МБ. 1900. № 1. С.79-80 отд. паг.; *Соболев В.С.* Августейший президент: Великий князь Константин Константинович во главе императорской Академии наук, 1889-1915 годы. СПб., 1993. С.53.

³² АВПРИ. Ф.180. Оп.517/2. Д.4758. Л.353-356; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.2. Л.67-68; ОО. Оп.227. Д.443. Л.6; НИОР РГБ. Ф.331. К.48. Л.6; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3328. Л.17 об.,20 об.-21 об.; Ф.781. Оп.1. Д.981. Л.10-11,35 об.; ПФА РАН. Ф.6. Оп.1. Д.18. Л.82; ВВ. СПб., 1900. Т.VII, вып.3. С.614; *Германов С.* Македония и Одринска Тракия в пътни-те бележки на руски учени и кореспонденти (края на XIX — началото XX в.) // Исторически преглед. 1988. № 4. С.75; *Покрышкин П.П.* О церквах в г. Месемврии (Болгария) // Архитектурный музей имп. Академии художеств. 1902. Вып.1. С.5.

³³ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.6419. Л.5-6 об.; ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3328. Л.1,2; Ф.781. Оп.1. Д.981. Л.12,35-36 об.; ПФА РАН. Ф.6. Оп.1. Д.18. Л.82 об.-87 об.; Ф.115. Оп.1. Д.201. Л.1,20,26; Оп.2. Д.274. Л.5; България. 1900. 8,17 августа; *В.М.С.* [Сонкин В.М.]. Результаты македонской ученой экспедиции 1900 года // ВВ. СПб., 1901. Т.VIII, вып.3-4. С.688-691; *Кондаков Н.П.* Македония. С.169,192-193,199-202,211,214,229-231; *Лавров П.А.* Охридский список первоэвангелия Иакова // ИОРЯС. 1901. Т.VI, кн.1. С.14; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.201; *он же.* Средневековый уголок в современной Европе. (Из поездки в Старую Сербию) // ЖДВ. 1902. № 3. Стб.332; № 5. Стб.584-585.

³⁴ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.7; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.2. Л.77,78; ОО. Оп.227. Д.443. Л.14; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.13 об.; ОПИ ГИМ. Ф.451. Оп.1. Д.5. Л.64-65; България. 1900. 24,26,29 сентября; *Vuttt В.В.* О связях А.И.Яцимирского с культурными деятелями славянских стран: (По архивным материалам) // Из истории связей славянских культур: Сб. ст. М., 1959. С.151; Пръпорец. 1900. 23 сентября; *Русский [Кулаковский П.А. ?].* Иностранные известия. София, 28 сентября // РВед. 1900. 6 октября; *Силин А.Д.* Профессор Александр Иванович Яцимирский // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону, 1927/8. Кн.1 (Т.3), вып.3-4. С.54.

³⁵ ВВ. СПб., 1901. Т.VIII, вып.3-4. С.708-710; *Кондаков Н.П.* Македония: Археологическое путешествие. СПб., 1909; *Лавров П.А.* Охридский список первоэвангелия Иакова // ИОРЯС. 1901. Т.VI, кн.1; *он же.* Югославянская палеография. Курс, читанный в Санкт-Петербургском археологическом институте в 1903-1904 году. СПб., 1904; Отчеты о заседаниях имп. общества любителей древней письменности в 1900-1901 году с приложениями. [СПб.], 1902. С.33-34; *Покрышкин П.П.* О церквах в г. Месемврии (Болгария) // Архитектурный музей имп. Академии художеств. 1902. Вып.1,2,3,6,7; *он же.* Православная церковная архитектура XII-XVIII стол. в нынешнем Сербском королевстве. СПб., 1906; Протоколы общих собраний имп. Русского археологического общества за 1899-1908 годы. Пгт., 1915. С.92.

В фонде П.А.Лаврова сохранились записи по болгарскому и сербскому фольклору, предположительно, из поездки 1900 г. Вероятно их имел в виду Н.П.Кондаков, когда сообщал о подготавливаемом Лавровым особом томе этнографических материалов (См.: ПФА РАН. Ф.284. Оп.1. Д.49; *Кондаков Н.П.* Македония. С.36).

³⁶ НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.13 об.; ПФА РАН. Ф.115. Оп.1. Д.201. Л.1-30; Оп.2. Д.202. Л.1; Д.274. Л.1-5,6 об.; *Германов С.* Руската общественост и революционното движение в Македония и Одринско, 1893-1902. София, 1992. С.68-71; *[Кичев В.И.]* Руската академическа експедиция в Македония // България. 1900. 23 ноября; *Милоков П.Н.* Письмо в редакцию // РВед. 1900 23 декабря; *он же.* Рец. на: Голчев С. Старая Сербия и Македония. /Пер. с нем. М.Г.Петрович. СПб., 1899 // МБ. 1900. № 1. С.99 отд. паг.; *он же.* Средневековый уголок в современной Европе. (Из поездки в Старую Сербию) // ЖДВ. 1902. № 3. Стб.329-346; № 4. Стб.467-480; № 5. Стб.579-588. Редакция журнала посчитала необходимым дать небольшую историческую справку к статье Милокова (см.: *Стров В.*

Балканские славяне: (Историческая справка к статье П.Н.Миллюкова // ЖДВ. 1902. № 3. Стб.319-330).

³⁷ ГАРФ. Ф.887. Оп.1. Д.5. Л.133 об.,134,135,141; РГАЛИ. Ф.40. Оп.1. Д.35. Л.142 об.; РГИА. Ф.91. Оп.2. Д.229. Л.10,11,34 об.-39 об.,74,81,93-94,108,109, 156 об.; Д.270. Л.55-55 об.; Д.439. Л.1; *Веселовский Б.Б.* Императорское Вольное Экономическое общество (31 октября 1765 г. – 31 октября 1915 г.) // Речь. 1915. 31 октября; К истории имп. Вольного экономического общества: (Копии документов 1894-1906 гг.). СПб., [1907]. С.153-155; *Миллюков П.Н.* Гр. П.А.Гейден // Речь. 1907. 16 июня. По сведениям М.К.Стокдейл, в августе 1901 г. Гейден спрашивал Миллюкова, хочет ли он быть избранным секретарем ВЭО (см.: *Stockdale M.K.* Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880-1918. Ithaca-Lnd., 1996. P.317. Note 33).

³⁸ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф.219. Оп.1. Д.8. Л.86,88; Д.16. Л.37-39, 44-45 об.,48-48 об.; Протоколы заседаний Исторического общества за 1894-1907 гг. // ИО. Т.XV. С.61,62, отд. паг.

³⁹ ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.228. Д.108. Л.13,20; ОРПК РНБ. Ф.729. Оп.1. Д.6. Л.99-100 об., 122; Д.45. Л.9-9 об.,15 об.; РО ИРЛИ (ПД). Ф.533. Оп.1. Д.3. Л.107-110,125-126,128 об.-130,134, 138 об.-139; В Союзе взаимопомощи русских писателей // НВ. 1900. 12 ноября; В Союзе писателей // СК. 1900. 13 ноября; Из деятельности Союза взаимопомощи русских писателей // МБ. 1900. № 12. С.27 отд. паг.; РВед. 1900. 10,11,12,13 ноября.

Отчет о работе вышеупомянутой организационной комиссии был зачитан на заседании 28 февраля 1901 г. Первым в отчете разбирался вопрос о бюро провинциальной печати, создание которого в докладе Миллюкова 10 ноября признавалось необходимым. Комиссия высказалась за создание подобного бюро, которому бы поручались все сношения с провинциальными членами, и выступила за немедленное осуществление данного постановления. При этом комиссия считала необходимым несколько видоизменить проект Миллюкова. Бюро предполагалось назвать бюро повременной печати, а к его функциям отнести следующие: сбор и обработку сведений о положении повременной печати, составление справок для других органов союза, заведование архивом печати и библиотекой, подготовку заседаний союза по вопросам печати при участии провинциальных членов. Бюро учреждалось в структуре комитета. С созданием бюро нужна в отдельной провинциальной секции отпадала. Данное предложение было одобрено общим собранием, но в жизнь так и не успело воплотиться (ОРПК РНБ. Ф.729. Оп.1. Д.6. Л.104; РО ИРЛИ (ПД). Ф.533. Оп.1. Д.3. Л.211-213).

⁴⁰ ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.226. Д.2. Ч.3. Лит.Б. Л.55-55 об.; Оп.229. Д.498. Л.13 об.; Д.916. Л.7; ОРПК РНБ. Ф.729. Оп.1. Д.6. Л.107 а-107 а об.; РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.701. Л.1-3; РО ИРЛИ (ПД). Ф.533. Оп.1. Д.3. Л.158-158 об.,169-175; Правительственный вестник. 1901. 13 марта.

⁴¹ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.4,5; Д.360. Л.43,46-46 об., 57 об.,59 об.-60.

⁴² *Миллюков П.Н.* Памяти Г.А.Джаншиева (читано в С.-Петербурге, в Соляном городке, на вечере в память Г.А.Джаншиева, 26-го ноября 1900 г.) // РВед. 1900. 4 декабря.

⁴³ ОПИ ГИМ. Ф.31. Оп.1. Д.142. Л.7-16 об.

⁴⁴ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.25-25 об.,103-103 об.; Д.619. Л.3 об.-4 об.

⁴⁵ ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.226. Д.2. Ч.3. Лит.Б. Л.42,47; Оп.228. Д.96. Л.7-7 об.; Д.1050. Л.4.

⁴⁶ ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.227. Д.443. Л.22 об.; Ф.124. Оп.10. Д.93. Л.4 об.-5 об.,9-11,12-13,14-15 об.,20; *Миллюков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.208; *он же.* Роковые годы (из воспоминаний) // РЗ. 1938. № 4. С.112-113; Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи по делам о государственных преступлениях за 1901 г. СПб., б.г. С.13; *Струмилин С.Г.* Избранные произведения: Воспоминания и публицистика. М., 1968. С.60; *он же.* Из пережитого: 1897-1917 гг. М., 1957. С.96.

⁴⁷ P.N.Miliukov to V.I.Nicolaevsky, January, 5, 1928 // V.I.Nicolaevsky Collection. Box 794. File 13. Н1; ГАРФ. Ф.124. Оп.10. Д.93. Л.13 об.,16; *Миллюков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.208; Обзор важнейших дознаний ... за 1901 г. С.13.

⁴⁸ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.11; ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.226. Д.5. Ч.53. Л.73-73 об.,77; Оп.227. Д.443. Л.16,19; Ф.111. Оп.5. Д.35. Л.64-65,128,129,136-137 об.; Ф.124. Оп.10. Д.93. Л.4 об.-5 об.,7-8 об.; Ф.579. Оп.1. Д.6419. Л.3; *Миллюков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.208-209.

⁴⁹ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.8,11; ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.227. Д.443. Л.16,19; Оп.316. Д.1. Ч.2. Лит.В. Л.23 об.; Ф.111. Оп.5. Д.35. Л.137-137 об.; Ф.124. Оп.10. Д.93. Л.10-13 об.,18-

18 об.,25, 173 об., 175 об.301 об.-302 об.; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.970. Л.7-7 об.; *Жихарева А.П.* Анна Сергеевна Миллюкова // ПН. 1935. 5 апреля.

⁵⁰ ГАРФ. Ф.124. Оп.10. Д.93. Л.178,300; Д.94. Л.29 об.,50; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.14-14 об.; *Поссе В.А.* Указ. соч. С.234, 246.

⁵¹ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.8; ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.6433. Л.1; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.14; Д.970. Л.7-7 об.; *Миллюков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.210.

⁵² ГАРФ. Ф.124. Оп.10. Д.93. Л.178,300; *Миллюков П.Н.* Предисловие // Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.) /Изд. имп. Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1901. С.VIII.

⁵³ ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.28,33; РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.348. Л.2.

⁵⁴ ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3548. Л.37-37 об.,41; Д.7041. Л.1.

⁵⁵ Там же. Д.3548. Л.42-43; Д.7043. Л.1-36.

⁵⁶ РГИА. Ф.1101. Оп.1. Д.996. Л.1,4-7; *Веселовский С.Б.* Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном // ИЗ. 1945. Т.15. С.63; *Зимин А.А.* Предисловие // Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. /Подг. к печати А.А.Зимин. М.-Л., 1950. С.11-12; *Лихачев Н.П., Мятлев Н.В.* Тысячная книга 7059-1550 года. Орел, 1911. С.VII; *Миллюков П.Н.* [Предисловие] // Тетрадь дворовая /Печатано по распоряжению имп. Русского археологического общества. СПб., 1902. [С.1]; *Мятлев Н.В.* Тысячники и Московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912. С.3-4; Список изданий, вышедших в России в 1902 году. СПб., 1903. С.40-41.

⁵⁷ АРАН. Ф.639. оп.1. Д.1073-1162. Л.142 об.; ОРПК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.3546. Л.5; Д.3548. Л.17,35,42-43; РГИА. Ф.1101. Оп.1. Д.996. Л.1-4,6-7.

Позицию С.Ф.Платонова в исторической науке и общественной жизни хорошо охарактеризовал А.Е.Пресняков (1899 г.). Последний не признавал историю без философского элемента, тогда как Платонов был сторонником именно такой постановки вопроса. Для Преснякова близкими по научным интересам были П.Н.Миллюков, А.С.Лаппо-Данилевский, отчасти Г.В.Форстен. Пресняков ценил Платонова, учился у него, но признавать себя его учеником в настоящем смысле слова отказывался. Отметил Пресняков у Платонова зависимость личных отношений от пристрастий в науке. Пресняков не одобрял и монархических взглядов Платонова (Архив СПб ФИРИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.4. Л.68-69).

⁵⁸ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.14,23 об.-24,28,32,80; ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.227. Д.443. Л.31; Оп.316. Д.1. Ч.2. Лит.В. Л.79-80 об.; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.16 об.; Д.970. Л.10; НИОР РГБ. Ф.331. К.52. Д.10 б. Л.17 об.; К.59. Д.25 б. Л.39; РГА СПИ. Ф.279. Оп.1. Д.69. Л.198-198 об.; *Жихарева А.П.* Анна Сергеевна Миллюкова // ПН. 1935. 5 апреля; *Миллюков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.212; *Boyer P.* П.Н.Миллюкову // ПН. 1939. 23 марта.

⁵⁹ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.91. Д.436. Л.156,159,161 об.; ОО. Оп.229. Д.498. Л.1; НИОР РГБ. Ф.358. К.356. Д.16. Л. 11 об.; ОРПК РНБ. Ф.211. Оп.1. Д.789. Л.1; РГАЛИ. Ф.86. Оп.1. Д.18. Л.27 об.; *Гессен И.В.* В двух веках: жизненный отчет. Берлин, 1937. С.199; *Готье Ю.В.* Университет. С.569; *Миллюков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.212,267; *Мякотин В.А.* Отрывки воспоминаний. 1901-1902 гг. // ПН. 1935. 12 января; *Рубакин А.Н.* Над рекою времени. С.19-20.

⁶⁰ *Миллюков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.211-212; *он же.* Роковые годы (из воспоминаний) // РЗ. 1938. № 6. С.116; *Петрункевич И.И.* Указ. соч. С. 337; *Шаховской Д.И.* Союз Освобождения // Зарницы: Литературно-политический сб. (Спб.). 1909. № 2. С.85 отд. паг.; *Шаццло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг.: Организация, программы, тактика. М., 1985. С.63-69,74; *Timberlake C.E.* Ivan Il'ich Petrunkevich: Russian Liberalism in Microcosm // Essays on Russian Liberalism /Ed. with an introduction by C.E.Timberlake. Columbia (Miss.), 1972. P.35. Note 44.

⁶¹ РГИА. Ф.1101. Оп. 1. Д. 995. Л.1-1 об.

⁶² ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.6108. Л.1; История человечества. Всемирная история /Под общ. ред. Г.Гельмольта. СПб., 1904. Т.3. 733 с.

⁶³ Crane C.R. Memoirs // C.R.Crane papers. BA. P.61-62; P.N.Miliukov to C.R.Crane, April, 25, 1902 // Ibid; F.D.Batjushkov to P.N.Miliukov, May, 1, 1900 // P.N.Miliukov papers. BA; ГАРФ. Ф.Р-5856. Оп.1. Д.641. Л.4,5; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.16 об.; НИОР РГБ. Ф.331. К.59. Д.25 б. Л.32 об.; *Ковалевский М.М.* Поездка в Америку // РВед. 1901. 14 июля, 13 августа; *Boyer P.* П.Н.Миллюкову // ПН. 1939. 23 марта; *Harper S.N.* The Russia I Believe In. Memoirs, 1902-1941. Chicago, 1945. P.6,7; *Holowinsky Yu.* Promoting Russian Liberalism in America // RR. 1990. Vol.49, № 2. P.169.

⁶⁴ P.N.Miliukov to M.M.Kovalevskii, November, 18, 1901 // M.M.Kovalevskii papers. BA; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.102-103 з; РГИА. Ф.1073. Оп.1. Д.355. Л.54 об.; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.213-214.

Ю.Холовинский ошибочно утверждает, что Милоков должен был читать все лекции по славянам, т.е. относит упомянутые Милоковым лекции по истории культуры к балканским славянам. Против его трактовки говорит просьба Милокова к Ковалевскому указать те темы, что читал последний, дабы не пересечься. Ковалевский, как известно, читал лекции по истории русских государственных учреждений. Естественно, пересечения могли возникнуть у Милокова только в случае чтения им лекций по истории русской культуры (ср.: *Holowinsky Yu.* Op. cit. P.170).

⁶⁵ НИОР РГБ. Ф.331. К.48. Д.8. Л.23-24; ПНМ. С.182.

⁶⁶ НА БАН. Ф.1 к. Оп.2. Д.1016. Л.1; Летопись на Българското книжовно дружество в София. III. 1901-1902. София, 1903. С.37,45, 47-48,51,73-74.

⁶⁷ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.29 об.-31; ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.230. Д.550. Т.2. Л.4; РГА-ЛИ. Ф.86. Оп.1. Д.18. Л.24 об.; РГА СПИ. Ф.279. Оп.1. Д.63. Л.124; Д.84. Л.8-8 об.,10,11,13,15,17; РО ИРЛИ (ПД). Ф.334. Оп.1. Д.651. Л.3,4,13-14; Долгоруков П.Д. Князь Павел Дмитриевич Долгоруков. С.337; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.247-248; *он же*. Роковые годы (из воспоминаний) // РЗ. 1938. № 6. С.117-118; [Милоков П.Н. и др.]. От русских конституционалистов // Освобождение. 1902. № 1. С.7-12; Оболенский В.А. Указ. соч. С.234-235; Петрункевич И.И. Указ. соч. С.337; Покровский М.Н. Местное самоуправление в древней Руси // Мелкая земская единица: Сб. ст. /Изд. П.Д.Долгорукова и Д.И.Шаховского при участии ред. газеты «Право». СПб., [1903]. С.186-239; Ульяновская Е.В. Радикальный либерализм в журнале «Освобождение» (1902 – октябрь 1905 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С.44 и сл.; Шаховской Д.И. Указ. соч. С.86 отд. паг.; Шацлло К.Ф. Указ. соч. С.111,124 и сл.

Программная статья «Освобождения» заинтересовала Николая П. В.К.Плеве подал царю особую записку, составленную, видимо, им самим. Записка базировалась на письме Ключевского к Плеве, которому министр писал по этому поводу. В записке проводилась мысль, согласно которой политические уступки в момент их требования лишь увеличивают требования, т.к. объясняются не доброй волей, а слабостью правительства. Уступки могут быть сделаны только после успокоения и по почину правительства. Николай написал «совершенно согласен» (см.: *Любимов Д.Н.* Отрывки из воспоминаний // ИА. 1962. № 6. С.74-75).

⁶⁸ P.N.Miliukov to C.R.Crane, April, 25, 1902 // C.R.Crane papers. BA; РО ИРЛИ (ПД). Ф. Разряд III. Оп.2. Д.1150. Л.2; *Bohn T.M.* Op. cit. S.171. Fussnote 65,66.

⁶⁹ P.N.Miliukov to C.R.Crane, April, 25, 1902 // C.R.Crane papers. BA; ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.227. Д.443. Л. 22-23,31,62 об.; Ф.124. Оп.10. Д.93. Л. 40 об.,43 об.,70,99-100, 110,113,115, 118, 180-180 об.; Ф.579. Оп.1. Д.6. Л.7; Ф.10003. Оп.1. Carton 61. Reel 361. Box 198. File XVII-f. Folder 1. Документ С.

В докладной записке от 5 июня 1902 г. на имя директора Департамента полиции А.А.Лопухина заведующий Особым отделом Л.А.Ратаев выражал обеспокоенность непоследовательностью властей в борьбе с оппозицией. Особое совещание, писал Ратаев, по имеющимся сведениям, вскоре собирается освободить от надзора и ограничений в месте проживания убежденных противников самодержавия Г.А.Фальборка и В.И.Чарнолусского. Весть об этом быстро облетит других радикальных деятелей, и совещание придется, дабы быть последовательным, вернуть на жительство в Санкт-Петербург П.Н.Милокова и других оппозиционеров (ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.230. Д.1791. Л.8).

⁷⁰ ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.226. Д.6. Ч.755. Л.9,99 об.; Ф.Р-5856. Оп.1. Д.104. Л.5; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.24-25; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.54,228-231,367; *он же*. Памяти К.К.Брешковской // ПН. 1934. 28 сентября; *он же*. Памяти И.В.Шкляковского-Дионео // Там же. 1935. 10 марта; *он же*. Привет старому другу // Там же. 1932. 2 апреля.

⁷¹ P.N.Miliukov to V.I.Nicolaevsky, January, 5, 1928 // V.I.Nicolaevsky Collection. Box 794. File 13. HI; Алексеев Н.А. Из воспоминаний «В.И.Ленин в Лондоне (1902 – 1903 годы)» // Воспоминания о В.И.Ленине. М., 1989. Т.3. С.92; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.267-268; *он же*. Роковые годы (из воспоминаний) // РЗ. 1938. № 7. С.134; *он же*. Russia to-day and to-morrow. N.Y., 1922. P.48.

⁷² ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.227. Д.443. Л.2; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.24; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.234-235.

⁷³ Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.214; Любимов Д.Н. Указ. соч. С.72.

⁷⁴ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.12-13,27-28; Ф.639. Оп.1. Д.911. Л.1-2; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.120-126,130,131,134, 139; ОО. Оп.226. Д.3. Ч.13. Т.1. Л.10; Оп.227. Д.443. Л.30; Оп.229. Д.825. Т.10. Л.183 об.; Оп.230. Д.524. Л.58 об.,82; Оп.231. Д.1296. Л.1 об.; Ф.579. Оп.1. Д.6. Л.7; РГА СПИ. Ф.279. Оп.1. Д.69. Л.65; Д.80. Л.222 об.; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.214-215.

⁷⁵ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.15; РГАДА. Ф.31. Оп.1. Д.495. Л.5,7,11,13,14,16,17,20,21; РГИА. Ф.776. Оп.21. Д.597. Л.1-5; Ф.777. Оп.5. Д.203. Л.1-3; Милоков П.Н. Из истории русской интеллигенции. Сб. ст. и этюдов. Портреты: Н.В.Станкевич, В.Г.Белинский, Н.А.Герцен, А.И.Герцен и снимок с «кондиций» императрицы Анны. СПб., 1902. С.111.

⁷⁶ ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.143; Ф.579. Оп.1. Д.6406. Л.2; ОРФ ИРИ РАН. Ф.4. Оп.4. Д.3. Л.3 об.; *Жихарева А.П.* Анна Сергеевна Милокова // ПН. 1935. 5 апреля; Ключевский В.О. Письма... С.197,281; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.216; *он же*. Источники... С.444; *он же*. Роковые годы (из воспоминаний) // РЗ. 1938. № 4. С.112.

⁷⁷ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.13; Архив СПб ФИРИ РАН. Ф.197. Оп.1. Д.2. Л.15; ГАРФ. Ф.102. 3-е д-во. Оп.93. Д.251. Т.1. Л.147-149,152; Ф.124. Оп.10. Д.93. Л.140; ОРФ ИРИ РАН. Ф.4. Оп.5. Д.17. Л.1; Ключевский В.О. Письма... С.197-198; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.215-218; *он же*. Роковые годы (из воспоминаний) // РЗ. 1938. № 4. С.112; *Wiener L.* A Victim of Autocracy: Prof. Milyukov, Lowell Lecturer on «The Russian Crisis» // Boston Evening Transcript. 1904. November, 29.

⁷⁸ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф.219. Оп.1. Д.8. Л.92-95 об.; Д.16. Л.50-51 об.; Протоколы заседаний Исторического общества за 1894-1907 гг. С.107-108 отд. паг.

⁷⁹ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф.219. Оп.1. Д.8. Л.97-98,100-100 об.; Д.16. Л.52,56; Протоколы заседаний Исторического общества за 1894-1907 гг. С.75 отд. паг.

⁸⁰ К истории имп. Вольного экономического общества. С.194; Отчет о действиях имп. вольного экономического общества за 1903 год. СПб., 1904. С.11,13; То же за 1904 год. СПб., 1904. С.2,10; ТВЭО. СПб., 1903. Т.1. № 1-2. С.1,2; Т.2. № 4-5. С.3.

⁸¹ Гессен И.В. Указ. соч. С.200; Милоков П.Н. [Введение] // Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: Сб. ст. /Изд. Н.Н.Львова и А.А.Стаховича при участии газеты «Право». СПб., 1904. Т.1. С.1-40; *он же*. Воспоминания. Т.1. С.273; *он же*. Памяти К.К.Брешковской // ПН. 1934. 28 сентября; *Л-ц. М. [Луниц М.Г.]*. Рец. на: Нужды деревни... // РВед. 1904. 8 октября; Рец. на: Нужды деревни... // Там же. 26 июля.

⁸² ПФА РАН. Ф.9. Оп.1. Д.798. Л.51 об.,58 об.; Предварительный съезд русских филологов [10-15 апреля 1903 года]: Бюллетени. СПб., 1903. С.21-24,132,135-137.

⁸³ Бодуэн де Куртенэ И.А. По поводу «съезда славистов» // ВЕ. 1903. № 7. С.338; Будилович А.С. Предварительный съезд русских славяноведов в С.-Петербурге (10-15 апреля 1903 г.) // РВ. 1903. № 5. С.343; Внутренние известия // Слово. 1903. 15 апреля; Гетц (Goetz) L.K. Письмо в редакцию // Санкт-Петербургские ведомости. 1903. 17 апреля; Предварительный съезд русских филологов... С.28-30,32; Смесь // Кремль. 1903. 11 октября; Съезд русских филологов-славистов // Новости и биржевая газета. 1903. 12 апреля; Съезд славистов // Санкт-Петербургские ведомости. 1903. 12 апреля; Съезд славистов // НВ. 1903. 12 апреля; Х.Х. Предварительный съезд славистов // РМ. 1903. № 6. С.203-204 отд. паг.; Энгельгардт Н.А. Славянская энциклопедия // НВ. 1903. 20 апреля; Яворский Ю. Съезд русских славяноведов в С.-Петербурге // Славянский век (Вена). 1903. Вып.64. 1(14) мая. С.486; *И. [Кораблев В.Н.]*. Съезд русских славистов // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1903. № 8. С.37.

⁸⁴ ПФА РАН. Ф.9. Оп.1. Д.798. Л.160, 161 об.; Первый съезд славянских филологов и историков: Материалы по организации съезда. 1 августа 1903 – май 1904. СПб., 1904. С.22,28,30; Предварительный съезд русских филологов... С.33,46-49,92-94,114-117.

⁸⁵ АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.14 об.,16-20,29; ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.228. Д.396. Л.18,21; Ф.579. Оп.1. Д.3126. Л.4-5 об.

⁸⁶ АВПРИ. Ф.170. Оп.512/1. Д.177. Л.43; РГА СПИ. Ф.279. Оп.1. Д.80. Л.238-238 об.; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.218; *он же*. Мои встречи с Масариком // ПН. 1937. 21 сентября; Черненко А.М. Российская революционная эмиграция в Америке (конец XIX в. – 1917 г.), Киев, 1989. С.38; *Bohn T.M.* Op. cit. S.172; *Good J.E.* America and the Russian

Revolutionary Movement, 1888-1905 // RR. 1938. Vol.42, № 3. P.280; *Holowinsky Yu.* Op. cit. P.171; *т.* Лекции П.Н.Милокова // Освобождение. 1903. № 4. С.69-70.

⁸⁷ Crane C.R. Memoirs // C.R.Crane papers. BA. P.67-69; P.N.Miliukov to C.R.Crane, August, 15, 1903 // *Ibid*; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.20-23 об.; РГАЛИ. Ф.1390. Оп.1. Д.47. Л.1-2,9 об.-10; Из архива на Константин Иречек. С.372-373; *Милоков П.Н.* Роковые годы (из воспоминаний) // РЗ. 1938. № 4. С.109; *он же.* С македонской границы // РВед. 1903. 1 октября; *он же.* Чарльз Р. Крэн // ПН. 1939. 18 февраля; *он же.* Russia and its Crisis: Crane Lectures for 1903. Chicago-Lnd., 1905. P.553; *Crane C.R.* Macedonia's Heroic Struggle for Freedom // The New York Times. 1903. December, 6.

⁸⁸ РГА СПИ. Ф.279. Оп.1. Д.89. Л.44 об.,48; РО ИРЛИ (ПД). Ф.661. Оп.1. Д.739. Л.1; Д.740. Л.1-4; *Милоков П.Н.* Предисловие ко второму изданию // *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1904 (обл. 1905). С.XV; *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. С.26-29; Список книг, вышедших в России в 1904 году. СПб., 1905. Стб.1003.

В начале 1904 г. у фирмы Гранат возник план написания и публикации книги «Главные течения русской общественной жизни в XIX веке в очерках и характеристиках». Редакторами согласились стать А.А.Кизеветтер и В.И.Семевский. Среди многочисленных сотрудников предполагавшегося издания фамилия Милокова стояла на первом месте (РО ИРЛИ (ПД). Ф.495. Оп.1. Д.138. Л.19-20 об.). Планируемый пятитомный труд по ряду причин не был подготовлен к печати.

Видимо, летом-осенью 1904 г. с Милоковым или его женой связался издатель Н.Е.Парамонов. Он хотел переиздать статью Милокова «Верховники и шляхетство» отдельной брошюрой. Согласие автора было получено. Брошюра была дозволена цензурой к печати 19 октября 1904 г., но увидела свет только в следующем году (*Милоков П.Н.* Верховники и шляхетство /Изд. «Донская речь» Н.Парамонова. Ростов-на-Дону, 1905. 74 с.).

⁸⁹ РГАЛИ. Ф.1390. Оп.1. Д.47. Л.11; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.201.

⁹⁰ РГАЛИ. Ф.552. Оп.1. Д.2085. Л.1-2; РГА СПИ. Ф.279. Оп.1. Д.84. Л.8-8 об.; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.230-231,233-234; *он же.* Памяти К.К.Брежневского // ПН. 1934. 28 сентября; *-с-* [*Милоков П.Н.*]. Письмо к редактору. I // Освобождение. 1904. № 19. С.329-330; *П.С. [Струве П.Б.]*. Ответ редактору // Там же. С.330-332; *-с-* [*Милоков П.Н.*]. Письмо к редактору. III // Там же. № 21. С.377-379.

⁹¹ P.N.Miliukov to C.R.Crane, February, 20, 1903 [датировано ошибочно, надо 1904 г.] // C.R.Crane papers. BA; ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.227. Д.443. Л.32; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.28 об.,30 об.; РГАЛИ. Ф.1390. Оп.1. Д.47. Л.1; Оп.2. Д.75. Л.5 об.; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.225; *он же.* Роковые годы // РЗ. 1938. № 4. С.109; № 7. С.129; *Good J.E.* Op. cit. P.280.

⁹² АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л. 101, 104-104 об.,105 об.; ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.227. Д.443. Л.32; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.960. Л.16-16 об.; Д.968. Л.28 об.,30 об.-33; НИОР РГБ. Ф.135. Разд. II. К.29. Д.72. Л.10-17 об.; РГАЛИ. Ф.1390. Оп.1. Д.47. Л.3-4,5 об.,12-13; Оп.2. Д.75. Л.5-6; Д.165. Л.1; РГА СПИ. Ф.279. Оп.1. Д.84. Л.8,10,12-14,17 об.; Д.89. Л.48; РО ИРЛИ (ПД). Ф.661. Оп.1. Д.740. Л.4; *Милоков П.Н.* Болгарская конституция // РБ. 1904. № 8. С.193-216; № 9. С.26-69; № 10. С.28-59; *он же.* Болгарская конституция // Политический строй современных государств: Сб. ст. /Изд. кн. П.Д.Долгорукова и И.И.Петрункевича при участии ред. газеты «Право». СПб., 1905. Т.1. С.545-652; *он же.* Болгарска конституция /Пръвел В.Пасков. Солун, 1905. IV, 166 с.; *он же.* Воспоминания. Т.1. С.228,235, 237,245,259; *он же.* Мои встречи с Масариком // ПН. 1937. 21 сентября; *он же.* Russia and its Crisis: Crane Lectures for 1903. Chicago-Lnd., 1905. P.VI.

⁹³ НИОР РГБ. Ф.135. Разд. II. К.29. Д.72. Л.17-17 об.; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.208,219; *Оболенский В.А.* Указ. соч. С. С.440.

⁹⁴ АДП. ОРПК РНБ. Ф.352. Оп.1. Д.170. Л.34,36,47-48; ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.226. Д.6. Ч.1667. Л.43 н об.; Оп.227. Д.443. Л.38-38 об.; РГА СПИ. Ф.279. Оп.1. Д.80. Л.202-202 об.; Д.84. Л.11,13,14; Оп.2. Д.215. Л.13-13 об.,24,26,28 об.-31 об.,33 об.-39 об.,40 об.,41,42 об.-43,45,45 об.,47-49,51,52,53 об.,54 об.-57,59,61,65,68 а; Донесения Евно Азефа (Переписка Азефа с Ратаевым в 1903-1905 гг.) // Былое. 1917. № 1 (23). С.213-214; *Меньщиков Л.П.* Указ. соч. С.182-195,216. Прим.172 *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.253-255; *он же.* Лео Мехелин // Речь. 1914. 14 января; *он же.* Национальный вопрос (происхождение национальности и национальные вопросы в России). Прага, 1925. С.163-164; *он же.* Роко-

вые годы (из воспоминаний) // РЗ. 1938. № 6. С.122-127; *Павлов Д.Б., Петров С.А.* Японские деньги и русская революция; Русская разведка и контрразведка в войне 1904-1905 гг.: Документы /Сост. И.В.Деревянко. М., 1993. С.15,21-22,24-34; *Петрункевич И.И.* Указ. соч. С.348; Письма Азефа: 1893-1917 /Сост. Д.Б.Павлов, З.И.Перегудова. М., 1994. С.110; *Циллиакус К.* Революционная Россия: Возникновение и развитие революционного движения в России /Пер. с нем. К.Жихаревой. СПб., 1906. С.280-281; *Чернов В.М.* Перед бурей. С.210-211; *Шаховской Д.И.* Союз Освобождения. С. 136-137 отд. паг.; *Шаццло К.Ф.* Указ. соч. С.234-259; *Copeland W.R.* The Uneasy Alliance: Collaboration between the Finnish Opposition and the Russian Underground. 1899-1904. Helsinki, 1973. P.146,149-151,153,160; *Zilliacus K.* Revolution und Gegenrevolution in Russland und Finnland. Munchen, 1912. S.87-91.

В 1909 г. в связи с делом Е.Ф.Азефа всплыло имя Милокова как участника конференции революционных и оппозиционных партий 1904 г. в Париже. 13 февраля 1909 г. 49 депутатов Государственной думы внесли запрос, инспирированный правыми (В.А.Бобринский, П.Н.Крупенский, В.М.Пуришкевич, А.П.Урусов и др.), об участии Милокова в конференции. Основная мысль сводилась к следующему: на конференции разрабатывался план революционного террора в России и способы производства актов. Террористов у нас привлекают к уголовной ответственности. Почему Милокова, как участника конференции, не преследуют в уголовном порядке? В июне 1912 г. Крупенский, сняв свою подпись с запроса, попросил дальнейший ход делу не давать (см.: РГИА. Ф.1278. Оп.2. Д.2531. Л.1-4; Государственная Дума. Третий созыв. Стенографический отчет. 1909 г. Сессия вторая. Часть II. Заседания 36-70 (с 20 января по 5 марта 1909 г.). СПб., 1909. Стб.1427,1509-1608).

⁹⁵ АРАН. Ф.518. Оп.5. Д.68. Л.138 об.-139; Оп.7. Д.469. Л.25; ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.227. Д.443. Л.37-40 об.; Ф.10003. Оп.1. Carton 61. Reel 361. Box 198. File XVII-f. Folder 1. Документ Е; РГАЛИ. Ф.1390. Оп.1. Д.47. Л.12; РГА СПИ. Ф.279. Оп.1. Д.84. Л.16; *Гессен И.В.* Указ. соч. С.200; К истории имп. Волного экономического общества. С.194; *Корнилов А.А.* Воспоминания // ВИ. 1994. № 5. 107,108; *Меньщиков Л.П.* Указ. соч. С.184-185; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.257; *он же.* Год борьбы: Публицистическая хроника 1905-1906. СПб., 1907. С.3. Прим.*; *он же.* Роковые годы (из воспоминаний) // РЗ. 1938. № 6. С.131.

⁹⁶ ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.3334. Л.1-22; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.968. Л.26-27 об.; РГАЛИ. Ф.1390. Оп.1. Д.47. Л.11; Оп.2. Д.75. Л.3; РГА СПИ. Ф.279. Оп.1. Д.84. Л.15-16,20; Оп.2. Д.226. Л.5-16; Annual Report of the American Historical Association for the year 1904. Washington, 1905. P.33,35; *Bohn T.M.* Op. cit. S.172,175-176; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.259-262; *он же.* Роковые годы (из воспоминаний) // РЗ. 1938. № 6. С.131; № 7. С.134-135; *он же.* The Chief Currents of Russian Historical Thought // Annual Report of the American Historical Association for the year 1904. P.109-114; *он же.* Present Tendencies of Russian Liberalism // The Atlantic Monthly (Boston and N.Y.). 1905. Vol.95, № 3. P.404-414; *он же.* Russia and its Crisis. Crane lectures for 1903. Chicago-Lnd., 1905. P.517-519,523-528; *он же.* Russia and its Crisis. Crane lectures for 1903. 2 nd. edition. Chicago-Lnd., 1906. P.IV. Книгу в Америке сразу же оценили высоко (см.: *Fryer C.E.* Review: Milyoukov P. Russia and its Crisis. Crane lectures for 1903. Chicago-Lnd., 1905. // The American Historical Review. 1906. Vol.XI, № 3. P.678-679).

Уже по возвращению в Россию, в конце мая ст.ст. 1905 г. Милоков получил письмо от знакомого профессора Д.Ф.Джеймсона. Последний, возглавлявший бюро исторических исследований в Институте Карнеги, предложил Милокову заняться в 1906 г. выявлением материалов по истории Америки в русских архивах, обещая оплатить его услуги (см.: J.F.Jameson to P.N.Miliukov, May, 30, 1905 // P.N.Miliukov papers. BA.). Но Милокова, ушедшего с головой в политику, данное предложение не заинтересовало.

Еще при обработке лекций в Лондоне в феврале 1904 г. Милоков получил от М.К.Лемке предложение издать американские лекции в России. Милоков отказался, т.к. рукопись еще не была готова. В сентябре 1904 г., во время путешествия по Балканам, Милоков с женой отрицательно решили вопрос о публикации лекций. Это могло бы состояться, считали супруги, если бы изменились обстоятельства. Зато во время приезда Милокова в Россию в октябре 1904 г. он решил переработать их для русской публики, о каком намерении мужа А.С.Милокова сообщила Лемке (РО ИРЛИ (ПД). Ф.661. Оп.1. Д.739. Л.1; Д.740. Л.4,6). Но далее заявления дело не пошло.

После издания книги встал вопрос о переводе ее на русский язык. В личном фонде В.Я.Яковлева (Богучарского) нам удалось найти предисловие, составленное из вырезки из

статьи (журнал «Русское богатство») и отрывка, написанного, видимо, Богучарским. Последний усмотрел в ней глубину анализа и объективность изложения (см.: РГАЛИ. Ф.1696. Оп.1. Д.75. Л.1-6 об.).

⁹⁷ ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.226. Д.3. Ч.140. Л.17,21,51; Оп.227. Д.443. Л.36,38-40; Ф.629. Оп.1. Д.16. Л.14-17; РГА СПИ. Ф.279. Оп.1. Д.66. Л.5 об.; *Дмитриев Е.* Русский университет в Париже // Биржевые ведомости. 1901. 25 октября; *М.Б. [Бикерман И.М.]*. К современной истории освободительного движения в России // Сын Отечества. 1905. 31 марта; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.257,259; *он же.* Памяти учителя // Речь. 1916. 24 марта; *Ренодо Т.* Парижские письма // Одесские новости. 1901. 27 октября.

Российские власти неодобрительно смотрели на школу и лекторов, согласившихся читать в ней. Так, М.А.Дьяконову в 1902 г. предложили прочесть курс лекций, гарантируя оплатить все расходы, связанные с проездом, и гонорар в 500 франков. Такие условия устраивали Дьяконова, но, узнав от С.Ф.Платонова, что министерство народного просвещения плохо относится к приглашению русских преподавателей в школу, ученый отказался (ОРК РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.2860. Л.27,30).

⁹⁸ ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.227. Д.443. Л.47.

За годы скитаний Милоков отдался от семьи. Воспитание детей полностью легло на плечи А.С.Милоковой, у которой стал формироваться свой круг интересов, связанный, прежде всего, с феминистским движением. «Жизненное сотрудничество» с Павлом Николаевичем, при том, что у него было несколько романов на стороне, продолжалось до самой смерти А.С.Милоковой, последовавшей в ночь с 12 на 13 февраля 1935 г. в Париже.

Судьба детей П.Н.Милокова сложилась следующим образом. В 1901 г. Николай Милоков поступил в 3 класс III петербургской гимназии. Учился на «хорошо» и «отлично». Закончил ли он какое-либо высшее заведение, неизвестно. В 1911 г. Н.П.Милоков женился, оторвался от родителей. Знавшие Николая Милокова характеризовали его как порядочного, честного и искреннего человека. Когда его взяли на фронт, он не стал признаваться, что П.Н.Милоков его отец, т.к. не хотел получать никаких привилегий. Участвовал в гражданской войне, эмигрировал в Югославию, а оттуда – во Францию. Здесь женился во второй раз на М.И.Соколовой, вдове государствоведа К.Н.Соколова. Н.П.Милоков умер в Париже в 1950-х гг.

Второй сын, Сергей, в 1905 г. поступил в Техническое училище в Санкт-Петербурге. Учился на «удовлетворительно» и «хорошо». По естественнанию, которым увлекался с детства, имел отличные оценки. Педагоги характеризовали его как очень способного и развитого мальчика. О Сергее сложилось мнение как о правдивом, честном человеке с ровным характером и «привлекательной жизнерадостностью». Из Технического училища в 1909 г. он поступил в Тенишевское училище, которое закончил в 1913 г. В том же году он поступил в Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет. Прочувшись всего один курс, С.П.Милоков перешел в Петровско-Разумовскую академию по конкурсному сочинению «Была ли неожиданностью для нас война с Германией». С началом войны он попытался попасть добровольцем на фронт, но только в декабре 1914 г. поступил в Александровское пехотное училище в Одессе, где к маю 1915 г. закончил ускоренный курс. В июне 1915 г. прапорщиком отправился на передовую. Погиб в бою близ Холма у д.Полянка в начале июля 1915 г. Похоронен в братской могиле. Посмертно его имя было занесено на мемориальную доску Александровского пехотного училища.

О дочери Наташе известно немного. В 1919 г. в Киеве она вышла замуж за вдовца, инженера Д.С.Старынкевича (1863-1920), младшего брата одного из участников того самого гимназического кружка о котором шла речь в первой главе, К.С.Старынкевича, друга В.И.Вернадского, А.А.Корнилова, С.Ф.Ольденбурга. После смерти мужа вернулась в Петроград, где поступила на первый курс электромеханического отделения Политехнического института. Умерла в Полтаве в 1921 г. от дизентерии (по другим сведениям, от тифа) (АРАН. Ф.518. Оп.7. Д.332. Л.12-14 об.; ГАРФ. Ф.539. Оп.1. Д.1343. Л.11 об.; Ф.579. Оп.1. Д.17. Л.1; Д.18. Л.1-2; Д.19. Л.2,7-8; Д.21. Л.1; Д.6408. Л.1; Ф.Р-5856. Оп.1. Д.217. Л.1-19; Д.218. Л.1-18.; НА БАН. Ф.11 к. Оп.3. Д.970. Л.10 об.,14; *Винавер Р.Г.* Указ. соч. С.261-262; *Жихарева А.П.* Анна Сергеевна Милокова // ПН. 1935. 7 апреля; *Корнилов А.А.* Воспоминания /Публ. М.Ю.Сорокиной // Минувшее: исторический альманах. М.-СПб., 1992. Вып.11. С.11. Прим.67; *Кончина А.С.Милоковой* // Иллюстрированная Россия. 1935. 23 февраля. № 9 (511). С.6; *Н.П.В [Вакар Н.П.]*. Памяти А.С. Милоковой. Собрание русской секции университетских

женщин // ПН. 1935. 9 марта; Прапорщик С.П.Милоков // Речь. 1915. 25,29 июля; Милоков-библиофил: (Публ. докл. П.Н.Милокова «Из моего книжного собирательства», сделанного на собрании О-ва друзей русской книги в Париже 31 января 1938 г.; Доп. и замеч. К.Солнцева) // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1959. 12 июля; «Теперь не наша полоса...» (Из архива А.А.Корнилова) /Предисл., публ. и комментарии М.Ю.Сорокиной // Минувшее: исторический альманах. М.-СПб., 1994. Вып.16. С.316, 320. Прим.6; *Б. А.С.Милокова* // ПН. 1935. 14 февраля).

⁹⁹ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.1. С.264-265; ПНМ. С.185.

¹⁰⁰ Очевидно, во многом благодаря правительственным преследованиям у Милокова сформировалось качество, характеризующее А.В.Тырковой, следующим образом: «Едва ли не единственным эмоциональным стимулом его политических переживаний, который захватывал не только рассудок, но и чувство, была его непоколебимая непримиримость по отношению к власти» (*Тыркова-Вильямс А.В.* На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С.412).